

ПРОЕКТ

ЛУМУМБА

16+

Илья Юрьевич Петров

Проект Лумумба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51831913

SelfPub; 2020

Аннотация

Серия автобиографических этюдов в стиле нон-фикшн.
Написано на аккаунте фейсбука автора.

Илья Петров. “Проект Лумумба”. Серия автобиографических очерков в стиле «нон фикшн». Часть первая. “Ибикус два точка ноль”, или похождения дауншифтера Илюхи. Данный опус написан на страницах Фейсбука аккаунта Ильи Петрова. Итак, приступим, дорогой читатель!

Дорогой Фейсбук! Ничего нового в этом, лучшем из миров – быть не может, по определению. Всё так называемое новое – есть ничто иное, как хорошо забытое старое. Поэтому можно погрузиться в ностальгические воспоминания о прошедшем. Раньше, ведь как было – и солнце светило ярче, и воздух чище, и люди были духовнее... Да?? Чувшь это всё, если чел начинает ностальгировать о прошлом – значит постарел! Но вспоминать о содеянном или просто об увиденном, это вполне нормально. Вот я и подумал, что можно предаться воспоминаниям. Брюзжание пожилого чела – вполне органично. Ну, что же – приступим! Вспомнилось некое развлечение, которому я предавался в 2010 году. В те старинные, по интернетовским меркам, времена – не существовало сформировавшихся соцсетей и форумов. Да и сам Интернет – был ещё хилым. Но уже был! Так вот, на одном кубанском форуме появилась рубрика «курилка». Народ потянулся! Аналогия с настоящей курилкой – понятна. Люди пришли на перекур. Вот и завязалась неспешная, ни к чему не обязывающая беседа. Но сайт счёл, что термин «беседка» более позитивен. Курить-то вредно! 😊

Вот я и предложил форумчанам-собеседникам такую

мульку: каждый помнит курьёзный, страшный или поучительный случай, из своей жизни. Неординарный, короче случай. Вот его пусть и опишет. Письменно. А мы оценим... Итак, для начала – предлагаю следующее название для этой рубрики: «Ё-пэрэсэтэйка». Буква Ё в нашем языке носит сакральный и универсальный характер. Тут и «ё-моё», и прочие рифмы... Да ещё я прочёл в газете, или в телике увидел, что миллиардер Прохоров объявил о начале работ по созданию «супер-автомобиля для массового потребителя». И бюджетный, и начинённый всем самым новым и прогрессивным. И создаётся он сугубо на компьютере. Без бумажных чертежей и прочей архаики. Имя ему будет, «Ё-мобиль»! Так вот я и решил признать название «Ё-пэрэсэтэйка», вполне креативным. Так и началась эта эпопея. Которая продлилась 20 недель. Мой пример не поддержал никто, в одиночестве так я и пребывал, всё это время. Комментариев было немного, в течение недели. Просмотров набиралось от 10-ти до 200.

Но такой рекорд был лишь однажды. 🤔

Продолжаем наш экскурс. Итак, встречайте – «Ё-пэрэсэтэйка-1». Итак: Баку, начало 70-х. Речь идёт о воспоминаниях поздне-школьного моего периода. В двух кварталах от нашей улицы, расположен сад, в котором находится памятник азербайджанскому писателю М. Ф. Ахундову. Вы можете увидеть описываемый ландшафт, вбив в поиск браузера – «Ахундовский садик». Во времена оные, Баку утопал в зелени и Ахундовский садик тоже. Он не был таким «лысым». Посмотри-

те на толщину тех двух-трёх деревьев, которые не спилили. Днём в садике гулял детсадовский контингент. Детсад был в соседнем квартале. Днём несколько мужчин-пенсионеров, из соседних домов, неизменно несли свою вахту сидя на скамейках. Ведя свою неспешную беседу, либо читали газеты, либо сражались в нарды, домино, или шашки-шахматы. Всё тихо-мирно и патриархально, с восточным колоритом. А когда я учился ещё в младших классах, в нашей школе №3 была «группа продлённого дня». Режим был таков: окончание уроков в 12 часов, спускались в столовую, обедали – «первое», «второе» и кисель-компот. Затем отдых. Первоклашки спали в спальнной комнате. На кроватях с простынями, наволочками и висящим на спинке полотенцем. В 3 часа начиналось выполнение домашнего задания, в тех самых классных комнатах, где проходили уроки. 😊

Учеников 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классов преподавательница «продлённого дня» водила на часовую прогулку. И в описываемый Ахундовсий садик, в том числе. Посещение «группы продлённого дня» было добровольным. В смысле, решение принималось родителями. У кого-то есть бабушки-дедушки, у кого-то нет. Значит, до прихода родителей с работы, дитячко либо под присмотром семьи, либо школы. Денежки на питание вносились ежемесячно. Вот сколько – не помню точную цифру, а фантазировать не буду. Школа имела двор асфальтированный. Равной площади имелась площадка без асфальта, где росло несколько деревьев. Ти-

па, «сад» значит. Имелся спортзал. Были ещё помещения под мастерские, для «уроков труда». Здание школы было массивно-добротным, постройки конца позапрошлого века, Отопление – форсунки газовые, вмонтированные в печи. Которые до наступления газовой эпохи, топились углём или дровами – не знаю. Почему столь подробно начал объяснять подробности устройств школьного здания? Для того, чтобы плавно перейти к тому, где же мы курить-то начали. И когда, в каком классе... Итак, в 6-ом попробовали впервые, в седьмом уже курили чаще, а в восьмом – уже пачки сигарет хватало на три, а потом – уже только на два дня...

А ребята некоторые, возрастом постарше иногда покуривали нечто иное. Толком, никто из взрослых и не пытался хоть что-то пояснить подрастающему поколению. В надежде, что допрут сами. По ходу, вся совдепия полна была недоговорённостей и умолчаний. Начиная с самых азов своей, белыми нитками, наспех сшитой идеологии. До конца не проработанную теорию, возвели в абсолют и что из этого вышло... Да бог с ним, с коммунизмом, где «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Не будем о скучном, вернёмся к курьёзному. Освоив курение табака, начав это дымное дело, очень конспиративно, постепенно снизили градус секретности. Курение в школьном туалете, на переменах – стало делом привычным. Но не повальным. К восьмому классу ближе, из ребят, только процентов двадцать покупали сигареты, постоянно. Процентом двадцать, не ку-

рили вовсе. Значит, оставшиеся шестьдесят – были колеблющимися и курили редко. Девочки не курили вовсе. Сейчас, наверное, это кажется странным. Но было именно так. И не иначе. Во всяком случае, за время учёбы в школе, я не видел и не слышал об ином. А интерес к более запретным, чем табак вещам – конечно существовал!! Сколько было розыгрышей и подростковых обманов. Ну это нормально, для представителей разных поколений. Время от времени, кто-нибудь появлялся с рассказом о том, что на кладбище, какие-то друзья чьих-то соседей обнаружили целую плантацию конопли. Хотя, никто и не знал, как она выглядит. Из уроков географии, из описаний подвигов первооткрывателей, мы уяснили, что канаты, для оснастки парусных судов делали из пеньки.

И правомерно возникал вопрос: такое количество парусов – это ж сколько канатов нужно? Ответ – много! Вопрос: а где их производили? Ответ: в России! Пеньковый канат состоит на 50% из волокон льна, а на другие 50% – из волокон конопли. Значит, посевные площади, под коноплём были значительными. Весьма... Но крестьяне работали в жару, в поле в штатных костюмах химзащиты и в противогазах. И пищу принимали, не снимая противогазов. Чтобы ненароком, нисколько не вдохнуть конопляных запахов и конопляной пылицы, в период цветения. В те стародавние времена, народ был серьёзен и консервативен. Донельзя. А моряки-первооткрыватели, стойко переносили все тяготы и ли-

шения воинской службы. И ни в коем случае, не употребляли эту дурман-траву в приготавливаемую пищу. И сырую не ели. Просто, меня неуклонно преследует мысль о неизбежности, гонений на тех, кто исходит из других взглядов. На дела дней минувших. Думается мне, что на Руси во времена массового культивирования канабиса, его не только для производства канатов и для ткацкого дела выращивали. Но и для употребления в пищу: народ и чай пил из конопли, и в горячее молоко её бросал. И в салаты, вероятно, добавлял. Вот не курили, точно... Курение табака ещё не пришло в Россию, массово. Поэтому, чтобы не нарваться на чрезмерно ретивых блюстителей, заявляю превентивно. Данный опус, публикуется не с целью рекламы процесса употребления канабиса. А наоборот: мы осуждаем, порицаем, негодуем и даже сильно гневаемся! Когда видим процесс употребления, данного зелья прилюдно, среди бела дня! Безобразия, куда глядит семья и школа! Прогрессивная часть общественности и остатки родственников! Позор анашистам...)))

Продолжаем повествование о происшествиях и событиях вокруг и около упомянутого памятника М. Ф. Ахундову, в городе Баку. Пришло время, на заре моей юности, попробовать упомянутое зелье. С кем не бывает... по молодости. Итак, классе эдак в девятом, довелось употребить данный продукт, впервые. Впечатление осталось не очень понятным. Совершенно было ещё несколько «проб». В кругу таких же «естествоиспытателей». По случайному стечению об-

стоятельств, облюбовали мы для этих «экспериментов» садик Ахундова вечерами... Созванивались либо договаривались, о времени начала нашего мероприятия. Зашифровав таковое действие, как «почитать книгу». Это значило, что собираемся в оговариваемое время, около памятника Ахундову и «отдыхаем». Писатель Ахундов, сидит в кресле и держит, лежащую на его коленях, раскрытую книгу. Отсюда и появилось такое «условное обозначение». Но не эти юношеские шалости составляют «ядро» описываемого забавного случая. Отступление насчёт «чтения книги» – это лишь преамбула. «Главный герой» дальнейшего – сам памятник! Скорее то, что с ним произошло, однажды. Поздней весной, или ранним летом 79-го. Но не 80-го, точно. Иначе, это событие отложилось бы в моей памяти, как «произошедшее, в год олимпиады». Итак, ранним утром трудовой Баку проснулся, умылся-побрился, выпил утренний чай и заспешил на работу. Или занятия, в учебных заведениях. Идя привычным маршрутом к метро, автобусу или троллейбусу, проходя мимо Ахундовского садика, люди останавливались, в изумлении! Привычно сидевший в кресле писатель, вдруг предстал перед оторопевшими гражданами в новой ориентации, относительно системы координат: север-юг-восток-запад!

Памятник, ныне, сидел наоборот – будучи повернутым на 180 градусов! Было, от чего «рот разинуть»!!! 😊 Всё вокруг осталось прежним: и деревья, и скамейки, и пределы садика, как такового... Вот, только памятник повернулся. Дорогой

читатель, ты только представь: вокруг никаких разрушений, листва на деревьях и кустах всё такая же зелёная, нет следов посадки инопланетного корабля – а памятник повернулся! Раньше, сидел Ахундов – спиной к дому №1 по улице Каравева, а теперь – лицом сидит, всё с той же книгой, в руках... Обалдеть! «Так, то ж – памятник!», цитата. Читатель, представь себя, на месте тогдашних прохожих! Живёшь «на районе», спокон веков. И вдруг, такое. «Не в сказке сказать, ни пером описать!» – только и приходит в голову. По поводу...

Хоть стой, хоть падай. Воистину! 😊 Далее, тишина. Никаких комментариев. Ни в местной прессе, ни в народной молве. Глухо, как в танке. И лишь спустя недели три, пошёл разговор, что это сделал Алёша-цеховщик, проживавший в этом доме № 1. Сам я с ним сталкивался лишь дважды, по жизни. Первый раз, он с другом, приехал к нам домой в поисках моего одноклассника по 160-ой школе, Кости. А в то время, я с мамой и сестрой проживал, уже не по соседству с Алёшей, а в другом районе Баку, в Арменикенде. По тогдашнему проспекту Ленина, моё жильё было. Нынешний адрес той квартиры: проспект Азадлыг дом 84 кв. 2. Там сейчас магазин какой-то. Надо будет уточнить. Но не о дне сегодняшнем говорим ныне. О прошедшей молодости ностальтруем...

Продолжаю, про Алёшу: однажды, в 1973-м, постучал он в нашу дверь. Квартиры № 2, дома № 84, по проспекту Ленина \ныне – Азадлыг\. Не один, а вдвоём, с другом. Моя мама открыла дверь: «Вам кого?» Они: «Мы по просьбе ма-

тери Кости Захаряна, одноклассника вашего сына, по 160-ой школе. Дело в том, что он уже вторые сутки, как не появлялся дома. Его мама обеспокоена крайне, вот она к нам и обратилась, мы – друзья её покойного мужа. Телефона у вас нет, поэтому мы и приехали, можно войти?» «Проходите», – сказала моя маман. Гости вошли, и я был приглашён, для «дачи показаний». То, что Кости не было в школе, я заметил. Но то, что его нет и дома, мне было неизвестно... Гости стали задавать мне наводящие вопросы, с некоторым нажимом. Мама парировала: «А вот у нас, в нашем Насиминском РОВД есть родственник, правда дальний, но следовательно он отличный, на прекрасном счету... Туниев его фамилия, не знакома вам? Могу и к нему обратиться, за помощью, я тоже мать, прекрасно всё понимаю...» Гости аккуратно снизили градус суровости. Тут я начал понимать суть предмета. У Кости были «амуры» с девочкой, которая училась, годом младше нас. Таня Беспалова её звали... Что не одобрялось, вызывая определённое беспокойство у Костиной мамы, Фриды Наумовны. Которая преподавала инглиш, в какой-то школе, на Зыхе. Она, как школьный препод, ежедневно могла лицезреть какие фордебобели выкаблучивают соотечественники, вступившие в пубертатный возраст! Сошлись мы на том, что гости, сажают меня в свою машину и я показываю им, где проживает Таня. Отпираться было бесполезно... Старшеклассники нашей школы, прекрасно видели, а с некоторыми мы и сталкивались, иногда в кинотеатре «Знание». Что

за углом, от школы. Иногда после занятий, а иногда и во время... Так что врать, будто я не знаю, где Танин дом – смысла не имело. Эти ушлые, как я отметил, сограждане завтра, поутру, нарисуются в нашей 160-ой. Для продолжения розыска...

На следующий день, Костя благополучно нашёлся. Оказывается, он ночевал у другого нашего одноклассника, Дато Тетруашвили. Которого вы можете увидеть, вбив в поиске ютюба: «24 часа». Такой художественный фильм. С участием знаменитого артиста Козакова. Дато играл в этом фильме Анзора – оптового продавца парфюма и мафиози, по совместительству. Но это отдельная история. Пока что, продолжаю, про Алёшу... В 1985-м году, сию на работе, разговариваем о том, о сём. Напрягался я тогда в Специальном Конструкторском Бюро Министерства местной промышленности АзССР. В должности ведущего конструктора-дизайнера. Умея рисовать при этом, как Остап Бендер, изображавший сеятеля облигаций госзайма. Чем занимался тогда? Я осуществлял поиск товара, из числа товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, который будет пользоваться спросом. Который мы – Местпром АзССР сумеем изготовить, из местного сырья. Металл нежелателен, полистирол – ещё более нежелателен, полиэтилен – с радостью! Мешок гранул полиэтилена среднего давления стоил 40 руб. Ну, не в гос. торговле! Сколько тазов и вёдер, а также иных полезных и даже необходимых предметов, можно изготовить из одного

мешка гранул? Далее, эти товары попадут в гос. торговлю и будут реализованы населению. Населению-то какая разница, из учтённого сырья этот тазик, или нет? И как распределится итоговая прибыль? Главное, что этот тазик можно купить. Не стоя в очереди десятилетием, как за автомобилем. И так, сижу и рассказываю сотрудникам и сотрудницам, о повёрнутом, в конце 70-х, памятнике Ахундову. Для небакинцев поясняю о местоположении Ахундовского садика – это в одном квартале от Баксовета, или Бакгорисполкома. А также в одном квартале от школы № 134, которую окончил Гарри Каспаров. При царе-батюшке, именовалась Мариинской гимназией. И в которой работали предки и родственники моей бабушки по отцу – Дашевские и Авалиани. Что можно видеть, заглянув в материалы сайта Our Vaku.

И вот, один из присутствовавших работников нашего СКБ, его звали Алмадад говорит, с оживлением: «А я был, на этой вечеринке! Алёшина жена, с детьми уехала куда-то, и мы собрались тёплой компанией, на этот мальчишник. Сидели, разговаривали, выпивали конечно... И вот – обратили внимание, что памятник сидит к нам спиной. А это – неуважение! Все присутствовавшие вознегодовали и решили это дело исправить. Сказано – сделано! Вышли на улицу. Каждый взял из своего авто монтировку, маленький ломик, молотки потяжелее... В общем, у кого что было, то и взяли. Затем, поднатужившись, потихоньку, стараясь не шуметь, ведь ночь – люди спят, мы и повернули памятник М. Ф. Ахундову.

На 180 градусов и повернули... На постаменте, он не был закреплён никакими анкерами. Просто стоял, без какого-либо крепежа, лишь своим весом обеспечивая достаточное сцепление. С чувством достойно исполненного долга, мы снова сели за праздничный стол. Ибо, это уже был настоящий праздник! Праздник пьяного мальчишеского ухарства! 😊

Кстати, хочу отметить: данную публикацию просматривает и лайкает мой армейский, далее институтский друг, Виктор Жолудов. Ныне – друг на фейсбуке. Возможно, Витя даже видел этого Алмадада, когда проводил в нашем СКБ дискотеку со своей музыкой и аппаратурой. Тогда, зная меня, как чела прогрессивного, местком возложил на меня поручение – обеспечить музыкальное сопровождение, не помню, какого праздника... Вот я и попросил Витю. Музон Виктор обеспечил, по высшему разряду, Страсть к популярной музыке, сохранилась у Вити и в пенсионном возрасте – у него есть скромная коллекция из 500 /пятисот/ виниловых дисков, например... 😊

Как и обещал, возвращаюсь к школьному другу Косте. Году, эдак, в 78-м, зашёл я к нему, поболтать и просто провести время, если его мама на работе. А Костина мама, в то время уже пенсионер, устроилась на работу. В гостиницу «Москва» в качестве дежурной по этажу. Как владеющая английским языком, она была принята, с радостью. Радость была и у Кости, а также, и у Костиных друзей. Ведь, работала

Фрида Наумовна сутками, значит, сутки через трое, в квартире Константина Павловича, скучно не было... Не только ему, но и его друзьям и их подругам. 😊 Жизнь была ключом!! А за стеной было музучилище, по ул. М. Горького. Следующий квартал от Армянской церкви, в сторону «пятиэтажки», угол улицы Л. Толстого. Вход из подъезда, на ул. Горького. Второй этаж. А сам я проживал уже не в районе Баксовета, а напротив гостиницы «Мугань», почти. В доме, с книжным магазином. Дом № 84, по тогдашнему проспекту Ленина. Встречает меня Константин, в тот день просьбой, сразу: «сходим в твой бывший район, на Караева 1, заберём наши ставни. В недавнем прошлом, мама их отдала одному старосемейному знакомому, за ненадобностью. А вот теперь, решила забрать и повесить их, на родные петли». «Ну, пойдём...», – согласился я. Пришли по адресу ул. Караева 1. Поднялись на третий, кажется, этаж. Забрали эти, тяжеленные ставни, две штуки и идём по двору дома Караева 1. Несём их, как носят носилки – один носильщик спереди, другой сзади. Группа пацанов, несколько младше нас, один вполголоса: «А чего это они выносят, от кого?». «Всё нормально, не шуми – это от Алёши, из его квартиры вынесли, я видел» – тоном выше, произносит другой «страж двора»

😊 Парой минут ранее, дверь квартиры нам открыла женщина, постарше нас гораздо: «Костя, ну наконец-то!». И выдала нам груз. Без лишних разговоров мы и потащили эти ставни.

А Костя и говорит: «Хозяин этой квартиры приходил к тебе домой, в Арменикенде, разыскивая меня. В школьные-то наши годы, однажды, помнишь?». «Как не помнить... Эх, молоды мы были!!» 😊 P.S. Дом, окнам которого полагались ставни, метра 3 высотой был ещё дореволюционной постройки. Угол Горького – Толстого. А на Толстого, сразу за углом – школа № 24...

Нового у нас то, что несколько изменился подход к выбору «точки отсчёта», в хронологии моего повествования. Первое, курьёзно-забавное, происшествие произошло в моей жизни летом 1962 года. В Москве! Но в том, достопамятном году, я проживал, по месту рождения, в Баку. Было мне тогда 5 лет. Весной того года, в Москве, скончался дядя моей матери, муж её тётки. Скончался он, непосредственно на рабочем месте. А напрягался этот достойный человек, в должности зам. управляющего организацией, под названием «Мосплодоовощторг». Я понимаю, какие ассоциации пришли твоему воображению, дорогой читатель. Но действительность была таковой: он доблестно воевал на полях сражений 1941-1945 годов. Имел награды и ранения. По окончании войны, занимался активной деятельностью, в сфере народного хозяйства СССР. В московском периоде своей жизни, входил в «микояновскую команду», но проживал в бараке. В таком, о котором пел В. Высоцкий: «на сорок восемь комнаток всего одна уборная». Жизнь того времени, имела некоторые, фантастически-нереальные, по со-

временным меркам, особенности. Так, например, когда возник вопрос о выборе места, для строительства складов, гаражей и офиса организации, Маркаров, недолго думая, показал на пустырь, напротив его барака. Чего ж долго думать-то: проснулся, пришёл в боеготовое состояние и перешёл дорогу. Ну вот – уже на рабочем месте! Возможна неточность, но насколько мне запомнилось, из материнских рассказов, улица эта называлась «шоссе энтузиастов». Но, пешком он не ходил на работу. За ним приезжала персональная машина «Победа», водителем которой, была женщина. Однополчанка и боевая соратница, в дни минувшей войны. Демобилизовавшись и продвигаясь далее, по хозяйственной части он повсюду тянул за собой и бывшую однополчанку. Не берусь судить о глубине их отношений, но не думается мне о теме «взаимоотношения полов». Он боготворил свою жену Елену. Сестру матери моей матери. Так вот, непосредственно, в траурных мероприятиях, участия моя мама не принимала. Потому что, тётя Елена, или «тётя Лёля», сказала маме о желании «дяди Армена» быть кремированным и захороненным в родном Баку. Урну с прахом, привезли и похоронили, на бакинском кладбище. А в конце лета, моя мама, взяв и меня, с собой прилетела в Москву. Чтобы уговорить тётю Лёлю, переехать в Баку. Вот с этой задачей, мы с мамой и обозначились в столице.

Продолжаю о Москве. Прилетели мы самолётом. Видимо, это был Ил-18, потому, что ничего о полёте не пом-

ню. Со страху... Других чувств, полёты на этом аппарате, не могли вызывать. Даже, у людей, мужественных и закалённых жизнью. Чего же ждать от ребёнка? Организм, защищая неокрепшую детскую психику просто стёр эти файлы, из памяти. Напрочь! А вот, как ехали в такси, по Москве – помню. Частично, конечно. На следующее утро, мы втроем: мама, тётя Лёля и я – прибыли в район Кремля. Дело в том, что мама где-то прочла, как несколько дней, Алмазный Фонд будет экспонировать, некоторые из своих сокровищ. В каком-то из помещений Кремля. Ну как же советской женщине-инженеру, работнице химической лаборатории на одном из прибакинских нефтяных промыслов, не посмотреть на такое? Ну невозможно, ведь, это пропустить! И вот, мама отбыла к алмазным витринам. А мы, с тётей Лёлей, принялись осматривать Царь-пушку. Эта артиллерийская конструкция, вызвала у меня живейший интерес. Мимо Царьколокола, мы прошли бодрым аллюром. Церковная атрибутика меня не вдохновила. Дело в том, что моя бабушка, отцава мать, ещё задолго, до нашего с маман отъезда, провела со мной экспресс-курс. О достопримечательностях белокаменной. О том, что следует осмотреть. Всенепременно! А по возвращении домой, детально отчитаться, о пережитом. Бабушка преподавала математику, в школе, но, за год до моего появления «на свет» вышла, на пенсию. Она была 1900 года рождения. А еще мне бабушка рассказала о «плохих уличных мальчишках», которые счищают серу со спичек и

начинают этой смесью трубочку с заплющенным одним концом. Затем, через просверленное в стенке трубочки отверстие поджигают спичкой. Происходит выстрел. Но так делать нельзя, ни в коем случае! Это опасно!!! Памятуя эту ценную информацию, я и прикидывал, обходя Царь-пушку, сколько же коробков спичек потребуется. Исходя из цены, одной коробки, в одну копейку... Увлечённый мыслями о запрещённом, то бишь о возможном выстреле, гляжу на подошедшего к нам мужчину. В тёмном костюме и с орденом, на лацкане пиджака. Похожие на этот орден, нагрудные значки, я видел на детях-октябрятах. Мне говорили взрослые, мол придёт и твоё время носить такую звёздочку! При чём, в основном, на детишках, были просто звёздочки. А у некоторых, но очень редко, я видел звёздочки, другие. Висящие на якобы орденских планках, где и была сама застёжка наподобие английской булавки. Так вот, у этого человека была очень похожая на октябрятскую, звёздочка «с орденской планкой». Цвета эта звёздочка, была золотистого. Муж сей подходит к нам и спрашивает: «Мальчик, тебя как зовут?». Я пролепетал, в ответ, видимо, невнятно: «Илюша...».

Чел не расслышал. «Как, как??» – слегка наклонившись, ко мне, переспросил он. А меня, папаня уже обучал строевым приёмам: Стойке «смирно», «вольно», приёмам «направо», «налево». С выполнением команды «кругом» были сложности, но работа шла. Также уделялось внимание обработке «командного голоса». В полном соответствии с заве-

том, кого-то из Романовых: «солдат должен иметь вид бодрый, но слегка придурковатый». А также, папаниным наставлениям я заорал, что было мочи: «Петров Илья Юрьевич!». Мужик отпрянул испуганно, но руку протянул моментально: «Климент Ефремович Ворошилов!». Тётя Лёля, мгновенно выказала свою радость. От непосредственного лицезрения этого известного, всей стране человека. Запросто разгуливающего, по Красной площади. Она о чём-то, с ним, полминуты даже поговорила. Также, удостоившись рукопожатия. Потом, она возбуждённо говорила маме, что очень рада такой встрече. Что, мол, она всегда мечтала с ним встретиться. Но уровень положения этого человека был на несколько этажей выше в советско-московской иерархии, что не предвещало возможности непосредственного знакомства. Но, вот теперь, мечта её сбылась! А тетя Лёля, водила знакомство и даже дружбу с разными людьми. Например, она приятельствовала с сестрой Лаврентия Павловича Берии. Та, не имела никакого отношения к сфере службы своего брата. Она занималась научной деятельностью, нечто в области ботаники – она работала с растениями. Однажды, рассказывала мамина тётушка, Тамара Пална пригласила её в гости, в Тбилиси. Для знакомства с тонкостями грузинской кухни. Прилетев в столицу солнечной республики и, слегка отдохнув с дороги, подруги отправились в ресторан. Тамара Пална сделала заказ сама, предложив тёте Лёле полностью отдаться воле пригласившей её стороны в части выбора блюд, а уж потом, выска-

зать свою экспертную оценку... Когда, мамина тётушка отпробовала первый кусочек с принесённых тарелок – она поняла, что до сих пор, так и не знала, что такое «настоящий пожар во рту». А вот, «визави по застолью», напротив, подзвав официанта, недовольно сказала: «Что это за преснятина? У моей подруги, может сложится неверное мнение, о грузинской кухне! Перца чёрного, молотого принесите. Раз уж, сами не в состоянии, правильно готовить пищу – я исправлю ваши огрехи. Сама!».

А ещё, из той поездки в Москву, мне запомнилось катание по территории ВДНХ на мотороллере с коляской. Не за рулём, конечно. Такие экипажи работали по территории выставки, в режиме такси. Подкатили мы к двухэтажному ресторану «Баку», попрощались с водителем и поднялись на второй этаж. Первый этаж, это обыкновенное помещение, а второй – был летним вариантом. Без стен. Но под парусиновой, или брезентовой крышей. Мы, вовремя успели укрыться, под навесом. Потому, что начал накрапывать дождичек. Ещё не осенний. Но, как бы, уже и не совсем летний. Так, с намёком на осень. То есть, самое время, «ударить по шашлыкам»! Что я и сделал... Официант, приняв от мамы и её тётушки их заказы, умильно глядя на дитяtko в коротких штанишках, спросил: «А ребёнku, что?». Тут я, не дав женщинам взять инициативу в свои руки, и умудриться накормить человека в ресторане манной кашей, или её аналогом, поспешил объявить своё мнение: «Ребёнku, одну порцию лю-

ля-кебаб. И зелени, побольше! Бутылку лимонада, похолоднее. Любого. Но посвежее, не прошлогоднего!». У меня уже был печальный опыт, отпробовать в жару, стаканчик лимонада «второй свежести». От такой лихости заказчика, официант аж рот приоткрыл... Мама с тётушкой, отрегулировали ситуацию, сказав: «Ребёнок-бакинец, очень шашлыки любит! А в ресторане, заказ, вообще, делает лично сам – впервые!». Официант, врубившись в ситуацию, сразу нашёлся: «Да как я мог земляка не узнать, это всё от перемены погоды! Я очень на погоду реагирую... Сейчас, всё будет готово! Подождите, несколько минут!»

На память о том посещении столицы, у меня остались два предмета: игрушечный автомобиль ЗИМ и рогатка. Которую мне сделал житель этого барака. До сих пор, помню, как его звали: Витька Крутиков. Он был старше меня, на целых два года! В мои-то пять лет, это ведь почти полжизни, тогда. Сделанная рогатка, была качественная. Из медицинского жгута! Убойной силы – значительной... За что и была конфискована папаней. По моему возвращению домой. Эту нервную акцию, хитрая маман не стала проводить сама. И в Москве. Потому что рогатка, это оружие. А оружейная тема – есть сугубо мужская... Зато, игрушечный ЗИМ, привёл отца в состояние искреннего восторга! Машина была металлическая, цвета тёмно-сиреневого, сантиметров 40 длиной. С пультом управления. Пульт этот был пластмассовый, чёрного цвета, в форме пистолета. Там, где у настояще-

го пистолета расположен боёк, на тыльной стороне ствола – там был шток. Нажимая на который, осуществлялся поворот машины. Вправо, или влево. Вращательное движение передавалось гибким, витым тросиком, типа шланга. Из свитой, как пружина, без зазора между витками, проволоки. Стальной. Как гибкий шланг, от душа. И пока крутишь – машина едет. Не крутишь – не едет... Никаких батареек, исключительно мускульная сила оператора! Машинка эта была приобретена маминым дядей, ещё зимой. Для меня. А служебный ЗИМ, для себя – так и остался, его не осуществившейся мечтой. Наш приезд планировался летом. Но в конце весны, жизнь распорядилась иначе. И вручить мне, этот шедевр игрушечного автопрома – пришлось тёте Лёле... Но, на тот момент – в нашем доме, уже была игрушка покрупче. Автомобиль BMW321. Машина была получена из Германии, в качестве репараций. В АзНИПИнефть, где работал отец, поступили две такие машины. Каждая заколочена в ящик, как пианино. Когда машины набрали пробег, около 400 тысяч километров, как раз вышло постановление Хрущёва. О том, что вновь выпущенный автомобиль «Победа» – заменяет все иномарки, у советских руководителей. И вот одному автомобилю БМВ – сделали капремонт и продали моему отцу. За 8000 тогдашних рублей. Было это, через год, после моего рождения. В 1958-м году. Реформа денежная – состоялась в 1961-м году. Значит, понятными нам, советскими рублями – авто стоило 800 рублей. На момент покупки, отцовская еже-

месячная зарплата составляла около 1000 рублей. Покупка уложилась, в восьмимесячный его заработок. А второй автомобиль – разобрали. Кузов порезали, на металлолом. Всё, что можно было «снять – открутить», было снято и откручено. Затем, перенесено в нашу двухкомнатную. Площади жилой, ровно 30-ти квадратных метров – квартиру. Но, высота, до потолка – 4,2 метра. Весь этот «трансформер», был живописно развешан, на стенах. Вот и прописалась, в нашем доме, «бэмвешка». Став полноправным членом семьи. К некоторому, но не слишком, неудовольствию маман. Эксцессов не было, всё было мирно, с пониманием... Первое турне, «на колёсах» – мы совершили в 1961-м, в Сухуми.

В начале лета 1961 года, поехали мы к отцовской тётке, в Сухуми. С бабушкой, на поезде. Спустя примерно недели через три – к нам подъехали из Баку и папаня с маманей. С ними, за компанию, приехал и сотрудник отцова предприятия, с женой. А сотрудник этот – Николай, работал ранее, водителем данной бэхи. Вот, поэтому и был он приглашён в турне. Папахен, тогда ещё не сильно овладел мастерством управления. А главное – содержания этого раритета, «на ходу». А Николай, проехал за рулём, все 400 тысяч километров государственного пробега. Упомянутого образца, немецкого, автопрома. Он лучше всех, знал его «болезни». Но, из всех конструктивных огрехов, замечен был лишь один. Это «прямозубые» – первая и вторая скорости. На «задней», специфическое гудение прямозубой пары не ощущалось. Пото-

му, что – «задом наперёд», автомобиль едет довольно редко. И недалеко... Всё остальное, было вполне «на уровне». Во многом, даже, выше! Централизованная смазка всей ходовой, за исключением двух крестовин кардана – не была успешно реализована, ни на одной машине советского автопрома. А на «бэхе», стоило несколько раз качнуть ногой педаль, смазочного насоса. Слева, от входа рулевой колонки в пол. Так и надобность, лазить под машиной, со шприцем – отпадала. «Реечное» рулевое управление, делало автомобиль очень чувствительным, в поворотах. Как на «формуле»! «Сотовый» радиатор водяного охлаждения, не давал возможности «закипеть» двигателю. Ни при каких, крутых и затяжных подъёмах. «В подъём», хуже всех ходила «Победа». «По прямой» нас могла «достать» только «Волга» ГАЗ-21. Но, ближе к 120-ти, она начинала «взлетать». И терять управление. Аэродинамика подводила, беднягу. А нашу, наоборот... После сотни – «плющило» к полу. С ЗИ-Мом, никогда не «гонялись». Ничего не могу сказать.

Ну, с машиной – понятно. Неискущённые в этой теме, даже утомились читать. Поэтому, хватит о железе. Перейдём к людям. А конкретно, к отцовой тётке – Петровой Елене Васильевне. Родилась она, так же, как и брат её Сергей – в Сухуми. В самом начале прошлого века. Кем были их родители – мне не известно. Но проживали они в доме, который построили пленные немцы. Дом – красный кирпич, под черепичной крышей. На, почти метровой высоты, кирпичных

сваях. Потому, что иногда – бывают там наводнения. Так что без подвала. Дом, не на набережной, а на второй, от моря, улице. Возможно, я ошибаюсь, но улица называлась тогда – ул. Кирова. Дом 25, или 27. Забегая вперёд, скажу, что мой отец продал этот дом, в 1976-м. Проживал-то он в Баку. Приехал в Сухуми, на похороны тётушки. Она одна жила. Отец с ней не общался. С тех пор, как понял, в середине 60-ых, что некоторый денежный должок, он ей вернуть не сможет. Что за сумма?? Да вот, на покупку всё той же «бэхи» ... Думал, что получится, но... Не тут-то было! Семья, двое детей, сам – инженер, жена – тоже. По 120 руб. в месяц. Плюс, бабушкина пенсия 85 руб. При таком доходе, возврат долга тётке – как-то не планировался. Не общались, короче. Но, в упомянутом 76-ом, отца вызвали в Сухуми. Тёткины соседи. А тётки-то, уже и нет. Но есть завещание. На отца и на меня. А я в это время, срочную службу служил. Под Кировабадом. В Ханларе, в войсках ПВО. Папаша, по телефону, объяснил мне ситуацию. Спросил: «Что делать будем?». Я никогда не задумывался, как живут люди в одном населённом пункте, но ещё имеют жильё и в другом месте. Поэтому, отец спросил прямо: «Ты в Сухуми хочешь жить, или в Баку? И там, и здесь – не получится! Решай.» «Чего тут думать, конечно – в Баку!» – ответил я. «Тогда, дом я продаю» – вынес вердикт папа. И продал. По-быстрому. С потерями, конечно, но «в целом» – нормально. Кому продал-то?? Вот, непосредственно – городскому прокурору и продал!

Подробнее, о тётушке отцовой – о Елене Васильевне. Дома, в быту – именовалась она Лёлей. Так что в кругу моих родственников, было две тёти Лёли. Одна – отца тётя, другая – тётя матери. Какая из них, была колоритнее – вопрос, конечно, сложный... Сухумская тётя Лёля, в ранней ещё молодости, без родительского благословения, самовольно – закрутила роман с каким-то прибалтийским дипломатом. И сбежала, с ним. Вышла замуж и забыла, про отчий дом. В Сухуми... Вот латвийским дипломатом, или эстонским, был тётин Лёлин муж – Филипп Калиот \или Калеот\, мне неизвестно. Известно лишь то, что с приходом советской власти в Прибалтику, бедолага Филипп был расстрелян. А жена его, тётя Лёля Петрова-Калиот, была отправлена, куда-то в Сибирь. Но, не в концлагерь, а на вольное поселение. В какую-то деревушку. Где и пребывала она, с конца тридцатых – и до середины пятидесятых, годов. Жизнь там была нелёгкая, но сельские местные, её уважали. Было ли у неё, ещё какое-либо образование, кроме Института благородных девиц – мне не известно. Но несколькими европейскими языками, она владела. И кулинарить умела отменно. Также, была хорошей спортсменкой. В этих «сибирях», она дважды проваливалась, под лёд. Зимой. При переходе реки. И оба раза, ей удавалось выплыть, из-под льда. Что удавалось редкому мужчине-сибиряку. Сельские женщины её уважали: она им и кулинарные рецепты, диковинные показывала, и шить, и вязать не «по-сибирскому», обучала. Так вот и проходили си-

бирские будни тёти Лёли. Отпустили её, только, после смерти Берии. Тогда массово освобождали репрессированных.

Вернулась тётя Лёля, не в отчий дом, в Сухуми. А приехала туда, откуда её забрали. Толи – в Ригу, толи – в Таллин... Не обессудьте, уточнить мне – уже не у кого. Нашла там женщину, которая у них работала, «по дому». Наёмная работница, короче. Не хочется писать – «прислуга» ... И эта женщина, по прошествии, более полутора десятка лет, говорит бывшей хозяйке: «Вот, Елена – мне удалось спасти вот эти, эти, и эти – ваши вещи. Из числа мебели, посуды и одежды! Когда те, которые вас увезли – вернулись, на следующий день. И взялись, выносить вещи, я начала скандалить: «Вы, куда – моё имущество тащите?? Это моё, и это – моё, мне бывшая хозяйка – всё это подарила! А я – пролетарий, меня нельзя раскулачивать! Я сейчас жаловаться пойду! К вашему начальству!». Те, носом «покрутили-покрутили», по телефону «позвонили-позвонили». Да и ушли. Более, никто, с тех пор не появлялся. За всё это время... Ошарашенная тётя Лёля, понемногу стала приходить в себя: «А, остался ли чемоданчик-несессер, зелёного цвета? Что с машиной, был «в комплекте? Там, всякие кружки-ложки, тарелки зелёные, пластиковые были? Для пикников, на природе?». А дело в том, что Филипп, каждые два года, менял автомобиль «Форд». На новую модель. Но всегда, все авто были зелёные. С чем это было связано, не уточнялось. Так вот, чемоданчик этот не находился в машине. На момент конфискации... А, по обы-

чаю, заведённым Филиппом – лежал в углу платяного шкафа, или «гардероба». Вот и уцелел, этот несессер, с кружками и тарелками. Что и было предъявлено, изумлённой тётё Лёле. А вот теперь – самое интересное!!! Хозяйка «имущества» взялась, за один, из двух, зелёных, небольших, китайских термосов. Находившихся в чемоданчике. И открутила ту часть конструкции, которая удерживала стеклянную колбу термоса. Внутри внешнего, металлического корпуса. Каковы были эмоции отцовой тётушки, когда она увидела, что та долларовая «зачатка», которой они с Филиппом обмотали колбу термоса – цела и невредима?? И в одном термосе, и в другом! А бывшая "домработница", взяла и отвернулась. Молча...

Как долго и о чём, говорили эти две женщины, известно было только им. Фактическая сторона, оказалась таковой: Елена Васильевна приехала в отчий дом. В Сухуми. К тому времени, Сергей – её брат и отец моего отца, уже вернулся с фронта. Где был ранен, но отлежался в госпиталях. Демобилизовался он, незадолго до окончания войны. Отпустили его «по ранению». Но, жив остался. Повезло. Слегка отдохнув, Сергей Васильевич, вновь, устроился на работу. По своей специальности. До войны, он трудился бухгалтером. По странному совпадению, отец моей маман – также был бухгалтером. И даже, главным! На границе, с Афганистаном. В населённых пунктах: Мары, Иолотань. На реке Пяндж и в её окрестностях, он занимался такой важной сферой, как

«потребкооперация». То бишь, торговля... Причём – приграничная! Это очень интересная сфера «межличностных коммуникаций». На границе-то... А вот, Сергей Васильевич, проживая в Сухуми – выдающимся коммерсантом не был. Был он, средней руки, бухгалтером. Человек, нрава спокойного – после ранения и госпиталей, довольствовался зарплатой. Бабушка моя, жена Сергея – после войны приболела. Но это отдельная тема, с медицинским уклоном. Об этом, расскажу позднее. Отчасти, выводы мои о состоянии бабушкиного здоровья – они, эти выводы, не являются профессиональными. Потому что я, не врач. Но болею, сам. Видимо, той же болезнью. Которая и передалась мне, генетически. Как я думаю... Болезнь эта не смертельная, она хроническая. Но – неизлечимая. О болезнях, позднее... Продолжим о содержимом зелёных термосов. Какова была общая обстановка в стране, в середине 50-х годов прошлого века, уточнять не буду. Хотя, думается мне, что точнее слов Аркадия Райкина, не найти: «Словом, обстановка была мерзопакостная». На момент, своего возвращения в Сухуми – тётя Лёля уже не застала там ни жены, ни сына своего брата Сергея. Моя бабушка уже развелась с мужем и забрав сына Юрия, вернулась в Баку. В отчий дом.

Годам, к 50-ым, по окончании школы, папаня мой оказался в Баку. В квартире, в которой ранее, проживала его мама. С самого, своего рождения. И до тех пор, пока Сергей Васи́евич, не увёз её в свой Сухуми. Переезд в дру-

гую национальную республику, это лишь на первый взгляд – совершенно безболезненная тема. На самом деле, не всё так просто. . . Сильным стабилизатором, здесь выступает русский язык. Население той, или иной республики, лучше, или хуже, но русским языком владеет. Но, не всё так ясно – бывает ребёнку. Ему нужны дополнительные разъяснения. Помнится, как папаня делился, со мной, своими школьными воспоминаниями. В бытность мою, ещё в начальной школе: «Нет, ну зачем нам, живущим в Абхазии, этот грузинский язык? Эта, никому не понятная письменность, ну зачем? Да этот грузинский, только, к экзаменам ближе, мы и начинали «учить-учить». В быту, этого языка и не слышно было». Для меня, этот момент был странным. Вдвойне. Наша ситуация, в Баку, была иной. Грузинский, а тем более, абхазский языки – были от меня несколько ближе, чем китайский, например. Но непонятны равностепенно. Более всего, поразила та эмоциональность, с которой папа мне толковал, о своих школьных затруднениях. В части региональной лингвистики. Видимо, детские воспоминания, оставили свой неизгладимо глубокий след, в папиной памяти. В части хитро-сплетений межнациональной политики. Того периода. В моём детстве, русский язык был практически единственным, используемым, в быту. Правда, он не был рафинированно чистым, как у теле- или радиодикторов. Присутствие массы, специфических, местных жаргонизмов, в бытовой, разговорной речи – особенным «моветоном» не считалось. Ко-

нечно, таким языком не разговаривали на официальных, или подобных таковым, мероприятиях. Но не владение русским языком – считалось явным признаком бескультурья и «дремучести». Но, тем не менее, школы с азербайджанским преподаванием, существовали. Их было меньше, но они были. Выбор, между русским и азербайджанским, вариантами обучения – производили сами родители. В ВУЗах, также существовал азербайджанский сектор. Но, здесь – количество студентов, одной специальности, было равным. Во всяком случае, в том институте, где проучились мои папа-мама, а впоследствии – и я сам.

Возвращаемся в Сухуми 1961-го года. На фото с автомобилем /номерной знак 56-17 ИУ/, слева направо – Петрова Елена Ильинична, в девичестве Суслова /моя бабушка по отцу/, Вера Васильевна Петрова и её сестра Елена Васильевна Петрова. В кепке, и с инжиром в руках – Николай Мясников. Бывший водитель, этого чуда немецкого автопрома. А я, на этом фото – отсутствую. Потому, что объелся инжира, в тёти Лёлином саду. И страдал остро, в связи с этим. Но поездка, в общем, мне очень понравилась. Масса впечатлений! Был совершен первый «поход на рыбалку». В городской черте Сухуми – протекает речка Сухумка. И впадает в Чёрное море. Но «консультантом», по подготовке к рыбалке – была моя любимая, бакинская бабушка. Которая хорошо разбиралась в школьном курсе математики. Что она и преподавала. А вот с рыбалкой, у неё не сложилось... Поэтому, на канцелярскую

скрепку и картонную блесну – рыбы не могли клонуть. По определению. Так что первая моя рыбалка – была неуспешной. Зато, днём позднее, был совершён визит в обезьяний питомник. Вот это, было уже интереснее! Но обезьянки, взаимного интереса, к посетителям не проявляли. На людей они глядели, как-то настороженно. Покормить обезьянок, чем-либо – не удалось. Служители питомника, активно пресекали попытки посетителей. Видимо, это объяснялось тем, что заведение – не было подразделением зоопарка. Вовсе. Обезьян здесь содержали-разводили, для дальнейшего использования в медицинских, и иных экспериментах. В «космических», наверное, в том числе. Иногда, питомцам удавалось «совершить побег», из клеток. Но не часто... Однажды, это когда ещё бабушка с папой-подростком, ещё жила в Сухуми – обезьяны совершили «массовый побег». Их ловили по всему городу. Выловить-то выловили, но «братья наши меньшие» – достаточные беспорядки устроить успели. И местные жители, настороженно относились к обезьянам, побаиваясь всяческих инфекций. Кто ж его знает, какие там эксперименты ставят...

В числе других «культурно-массовых» мероприятий, которые я посетил с бабушкой – был просмотр кинофильма «Собор Парижской богородицы». В летнем кинотеатре. Содержание фильма, как-то не отложилось в памяти. Внимание сосредотачивалось на другом. Пойдёт ли дождик? Всё шло, именно к этому... Но, пронесло! Гроза началась, уже

на подходе к дому. Сильное впечатление осталось у меня, от этой грозы! Дело в том, что несколько дней, я жил ожиданием прихода, в Сухумский порт корабля «Адмирал Нахимов». Анонс этого мероприятия, публиковался в местной прессе. Городок невелик и население находилось, в предвкушении. Некоего зрелища. Ну хоть, какого-нибудь... Днём – пляж, а вечером? Телевидение тогда, уже было, но скучноватое. Да и телевизоры – были не у всех. И вот, стоя у окна, в кухне, я смотрел в темноту неба. Разрываемого ослепительными вспышками молний и оглушительным грохотом грома! Освещение в кухне было специально выключено. Для придания обстановке – большего драматизма. Держась за подоконник и широко расставив ноги, я воображал себя, стоящим у руля судна. Застигнутого морским штормом. За окном, почти вплотную к дому, раскачивались, на ветру, многочисленные фруктовые деревья. Которые, в моём воображении – играли роль морских волн. За иллюминатором, воображаемого судна. Во время «плаванья», мой ковчег – повреждений не получил. И «команда», нисколько, не пострадала. На этом, псевдо-морское приключение и завершилось. А спустя пару дней, судно «Адмирал Нахимов» благополучно прибыло в Сухумский порт. Конечно, мы отправились на осмотр корабля. Но, как это было – я уже и не помню...

Ничего не сказал, пока что о матери Сергея, Елены и Веры Петровых – о Пелагее Матвеевне. Видел я её дважды, или трижды. За почти месяц пребывания, в этом доме. Она пред-

почитала находиться уединённо, в своей комнате. Но один из случаев нашего, с ней взаимодействия, выглядел так: на полу кухни, я заметил нечто, мне неизвестное. В длину, это неизвестное – было не более спичечной коробки. И оно шевелилось. Не очень активно, но признаки жизни подавало. Неоднократно предупреждённый, о возможном столкновении с недружелюбными обитателями Сухумских пенатов, я вызвал бабушку. Она, в свою очередь, вызвала Пелагею Матвеевну. То есть – бывшую свекровь. Та, оценив ситуацию, вынула из каких-то кухонных закровов огромные ножницы. И ухватив этими ножницами, как хирург, пинцетом, фиксирует удаляемые запчасти организма, произнесла свой вердикт: «Это – скорпион!». И удалилась, держа ножницы, с трофеем на вытянутой руке. Затем, скорпион был выкинут в унитаз. И смыт водой. Бескомпромиссно! Так, я впервые, увидел живого скорпиона. Затем, в процессе дальнейшего знакомства, с этим миром – неоднократно, сталкивался с этими ядовитыми созданиями. В период своей армейской службы. На территории Азербайджана. Рядовой и сержантский состав, отлавливали их, при случае. Погружали в бензин. На неделю. В воде, эти твари не дохли. Но и признаков жизни – не подавали. По извлечении из водного, несколько суточного плена, они оживали, вновь. Поэтому – применялся бензин. Затем, пробензиненного скорпиона высушивали и заливали эпоксидным клеем. Который покупался в гражданских магазинах. Тогда, он лишь недавно появился в торговле. И не все-

гда бывал, в продаже. В итоге этих манипуляций – получался брелок, неотличимый, от янтарного. Со скорпионом, внутри. Такой трофей, каждый был бы рад увезти домой. Но удавалось, единицам. Слишком много факторов, должны были совпасть, воедино.

Ну, про шашлыки в сухумском саду, рассказывать не буду. Шашлыки, как шашлыки, ничего примечательного. Так и прошло моё знакомство, с Сухуми. И сухумскими родственниками. В семейной, устной летописи сохранился один, забавный эпизод. Из обратного пути, в Баку. Едем мы, едем... Самому мелкому, из всего экипажа бэхи захотелось «в туалет». Автомобиль был остановлен. Страждущий – высажен. Высаженный, на обочине дороги, посреди степи, в недоумении: «И??». Родители: «Ну ты же в туалет просился, вот мы и остановились. Чего ждём-то?». И указывают мне, на степные просторы. Я: «А горшок? Что я вам, кошка, или собачка? Горшок, где??». Каковой был выужен, из багажника. И выдан. Вот, так-то! Порядок должен быть, а не «хухры-мухры». Далее, по возвращении домой – жизнь моя продолжала течь заведённым порядком. К 8-ми часам утра, ни мамы, ни папы, уже дома не бывало. В 7.20 папаня пересекал порог квартиры. Маманя выходила чуть ранее. Отец трудился в АЗНИПИНефть, на Монтино /район в Баку/, и ему хватало 40-а минут, чтобы дойти до работы. Скорым шагом. Предприятие это было, по сути – «научно-исследовательским институтом». А вот, маме надо было выехать за пределы города.

И достичь посёлка Лок-Батан. Это 20 километров от Баку, южнее. Посёлок, возник ещё в начале нефтяного бума. При царе-батюшке. А при советской власти – значительно приумножился. По причине расширившихся нефтяных разработок. Название маминой организации, как мне запомнилось, по сей день – ЦНИЛ. Затем переименовалось в ЦНИПР. Изначально, центральная научно-исследовательская лаборатория, по мере придания ей ещё и производства, поменяла и название, соответственно. Из всего «лок-батанского» периода своей деятельности, мама неоднократно, рассказывала об одном случае. Я, неоднократно, впоследствии возвращался к этой теме, настолько этот случай, показался мне примечательным. И поучительным... Работавшие, в этом посёлке, местные жители столовались в централизованном пункте питания, где питались и приехавшие из города, свою «на смену».

Уборка и вывоз бытового мусора\отходов, осуществлялась ответственным предприятием, ежедневно. Другое дело, что не со всех участков, в один день. Это всё происходило. Существовала какая-то очерёдность. Соответственно и персонал-мусорщики, были задействованы, согласно своего графика. Каждый. Так вот, был там некий работник мусорной команды, с длинными, как женские – волосами. Одет он был, как и все мусорные работяги. Во что-то замызганное и грязное. Когда он приходил в общественную столовую – народ, несколько сторонился. Это днём. А когда, вечером, после ра-

боты, умытый и причёсанный, в скромной, но чистой одежде – он стоял в очереди, в кассу той же столовки, от него уже не шарахались. Более того, он привлекал общее внимание, самой культурой приёма пищи. Аккуратненько, ножичком и вилочкой, он орудовал в своей тарелке. Тётки, из числа тех, кто «сидел на кассе» и пробивали чек – потом говорили о его чистейших ногтях. Что было фантастичным, в рабочей среде. А потом, хлоп... И он пропал. Спустя лишь пару недель, поползли разговоры. А ещё спустя, было объявлено, на политзанятиях – кем был этот мусорщик. Оказалось, что этот «деятель» – был офицером иранской разведки. В приличных чинах. Из иранской образованной и небедной семьи. И поэтому, товарищам советским трудящимся – следует быть бдительнее! Враг не дремлет!!! Вот такой случай. Конца 50-х, начала 60-х. В Лок-Батане. Управление «Карадагнефть». По аналогичному, если не поэтому, случаю был анекдот: разведка одной заокеанской страны, готовит суперагента, для переброски в СССР. Агент проходит всевозможные тренинги, вплоть до отработки реакции на вводную команду «крокодил справа/слева». Агент прыгает в соответствующую сторону, и наступив крокодилу на нижнюю челюсть, руками рвёт крокодила, вдоль хребта. Ну и тому подобные тренировки... Наконец, его забрасывают, на парашюте, в центр Сибири. Зимой. Приземлившись, закапывает парашют. В лаптях, плисовых шароварах и рубахе навывпуск – он выходит к населённому пункту. С гармошкой, в руках. На окраине,

бабка тащит ведро с водой, из колодца. «Бабуля, дай водички испить». «Да чего ж водички – зайди в дом!». Поев борща, хлебнув бабушкиного самогона, подумал: «Этап внедрения – пока удачен!». А бабушка спрашивает: «Милок, а ты – американец??». «Конец, бабушка – майор контрразведки, я сгорел!» – думает агент. Но спрашивает: «Откуда вы узнали, это?». Бабушка: «Да ты ж – негр!».

Каков был мой распорядок дня, как у не посещавшего детский сад, ребёнка? В 8.30 приходила бабулечка-няня и уводила меня. На прогулку, по садикам-бульварам. В процессе прогулки – съедался сухпай, выданный бабушкой. Это яблоко, бутерброд, пряник или нечто ещё. Затем, мы приходили к нянечке домой. И, следовал однократный приём порции, манной каши. Дальнейший часовой сон. У неё дома. Манная каша, нянечкиного приготовления – была ещё более ненавистной, чем домашняя. Днём заснуть, я не мог, даже дома. Ну нет желания, у меня – спать. Средь бела дня. Значит, следовал целый час – борьбы с собой и обстоятельствами. Всё это вкуче, меня настраивало – на, несколько, раздражённую ноту. Не помню, по какому поводу, я высказал своё неудовольствие. Но, помню только, как получил подзатыльник. В этот момент, я понял, что следует инициативу брать, в свои руки. И немедленно... Вечером, родителям и бабушке – я выложил весь пакет претензий. Про отвратительную кашу, в особенности. Про то, что спать днём – я не могу, не хочу и не буду! Ни при каких условиях!! И про подзатыльник, до-

ложил... Ну и на том, «разбор полётов» был, окончен. Следующий день, начался, как обычно. Но, по окончании прогулки, когда мы прибыли домой к нянечке и я, только-только, приступил к сражению, с ненавистной кашей – нежданно, проявилась моя маман. Не вникая в излишние разговоры, она продегустировала содержимое моей тарелки. Определив, что в каше отсутствуют молоко, сливочное масло и сахар, на приобретение которых нянечке выдавались денежные суммы, согласно калькуляции – мама объявила о разрыве нашей договоренности. Определить сумму, полагающуюся к выдаче, по причине окончательного расчёта – с налёту не удалось. Было договорено, что стороны обдумают свои позиции и встретятся в воскресенье. Будет произведён окончательный расчёт. На этом, мой контакт, с нянечкой – был окончен. Навсегда! Чему рад я был, безмерно...

По возвращении из Москвы, после обстоятельных и продолжительных рассказов, об увиденном – я, пару-тройку дней, осваивал управление игрушечным автомобилем ЗИМ. Автомобильчик мне понравился! И я, с упоением, рулил и выруливал микро-лимузин. Дав мне недельку, для акклиматизации в родной квартире, папа провозгласил свой вердикт: «Итак, ребёнку уже 5 лет. Следует начать, готовить его к школе. Чтобы не хлопал ушами, в первом классе. Впервые столкнувшись с учебным процессом. Пусть приобретёт, хоть какие-нибудь, начальные знания. До школы. Ответственной, за этот процесс – будет бабушка. Она есть бывший, школь-

ный преподаватель. Ей и «карты в руки». Вот так и окончилась моя бесшабашная, детская жизнь. Начались суровые, учебные будни. В 8.00 – родителей, уже дома нет. Происходит «подъём». Мой и бабушки. В разных комнатах. На приведение «спального места» в порядок, умывание и первый завтрак – выделено 30 минут. В 8.30 я, уже, должен сидеть за столом. Как за школьной партой. Раскладывать букварь, тетрадку и карандаш. Через месяц, карандаш был заменен перьевой ручкой и чернильницей. Не такой чернильницей, как в школе советской – «невыливайкой». А чернильницей стационарной. Атрибутом, более или менее, «респектабельного» кабинета. С медной крышкой. Продолжительность урока – 45 минут. Перемена – 10 минут. После третьего урока – «большая перемена», 20 минут. Четвёртый урок – последний. На «большой перемене», сладкий чай с печеньем или бутербродом. Далее, как у классика: «История понеслась вскачь – звеня подковами, по черепакам дураков» ...

Да ничего нового нет у меня, дорогой мой Фейсбук! Новое начнётся на следующей неделе. Когда посылка дойдёт. А что в посылке, из интернет-магазина? Вот когда получу, тогда и расскажу. Чтобы никто не сглазил! Возвращаюсь в дошкольное, своё детство. Учусь я и учусь. Пишу домашние задания и контрольные. Сдаю тетрадки, на проверку. Бабушке. Которая выставляет оценки. Хорошо, хоть дневника не было... Тем не менее занятия по такой схеме – раздражения у меня, не вызывали. Равно, как и восторгов... Надо, так надо.

Нисколько не перетруждаясь, я отучился «таким макаром», два года. Каникулы были, согласно школьного расписания. В итоге: верхней планкой, моего предела знаний, в части точных наук – оказалось умение, совершать четыре арифметических действия. С десятичными дробями! Дело было в том, что бабушка исходила из простой житейской истины: «грузи, пока грузится». И работала она, в школе – только, со старшеклассниками... Вот и получилось так, что курс «начальной школы» мною был уже пройден. Ещё, до поступления, в 1-ый класс. Никто бабушку и не остановил. Просто, было некому... Что имело некоторые негативные последствия. Позднее. И в чём это выразилось? А вот, в том. В свои-то 7 лет, в положенный срок – сажусь за школьную парту. В восьмилетней школе №3, города Баку. Вдруг, начинаю понимать, что я чего-то не понимаю. Меня окружают инопланетяне. Или, всё ещё хуже... Инопланетянин – я сам. Вокруг, все дети, как дети. Подвижные, позитивные. Но ни читать, ни писать – не умеют! Что меня повергло, в состояние лёгкого шока...

Но, как человек практичный, я понял – что случилось, то и случилось. Надо расслабиться и получать удовольствие. Вот теперь и начался отдых! Никаких домашних заданий и прочей мути. Всё ведь и так известно... Ничего экстраординарного, за период, с первого и по четвёртый классы, не произошло. Такого, что врезалось бы в память. Хотя, определённо, негативный осадочек у меня остался, от одного случая. В третьем, кажется, классе это было. Сзади меня сиде-

ли два типа, из числа непроходимых двоечников. И вот, на какой-то контрольной по арифметике, просят они, чтобы я им написал решение задачи. На бумажке. По времени, это нисколько меня не затруднило, я вполне успевал закончить и свою работу, и им написать. Урок закончился, все подавали свои тетради училке. Прозвенел звонок – выходим, из класса. Один, из этих типов, подходит ко мне и протягивает монетку, трёхкопеечную. Я: «Что это?». Он: «Это тебе. За сдавалку». И суёт мне эту монетку, в нагрудный карман школьной формы. Поворачивается и отбегает. Каков был товарный эквивалент, трём копейкам, тогда? За три копейки – можно было выпить газированной воды, с сиропом. Из автомата. Автоматов с газировкой, ни в школе, ни в пределах пяти кварталов – не было. В школе был буфет. Где мы и подкармливались. Но здесь, уже начиналось ощущаться пресловутое "имущественное расслоение». Покупательная способность в разных семьях – была различной. И это уже было заметно, детям. Пять копеек стоил бублик. Или пирожок с картошкой. Пирожок с мясным фаршем, как-то не припоминается. Из числа ассортимента школьного буфета. Пирожки, с фаршем – продавались в районе метро «Баксовет». Это кварталов шесть, от школы. Но, зато в школьном буфете, продавалась «котлета в тесте». По цене 10 копеек. Именовался этот продукт, на нашем сленге – «черепаша». Визуальное сходство имелось. Из теста, выглядывали «голова» и «хвост». Котлета, с кусочком белого хлеба, также стоила 10 копеек. Бутер-

брод с ломтиком колбасы, оценивался в 10 копеек. Булка стоила 10 копеек. Но ценовым апофеозом, школьного фаст-фуда – была сосиска, с хлебом. За 15 копеек. Такую, пятнадцатикопеечную, роскошь могли себе позволить два-три человека. Из класса, в 35 шалопаев. К чему я, столь подробно, перечисляю ассортимент буфета?

К тому, чтобы было понятнее, почему я не воспринял трёхкопеечную монету, засунутую мне в карман – за деньги. Ведь, на 3 копейки, ничего толкового купить нельзя. Нет, ну можно приобрести три коробка спичек, можно на трамвае проехать. Спички мне не нужны, трамвай в нашем районе, не ходил. стакан воды газированной, с сиропом – тоже, «не вещь». Вопрос, с газировкой, в нашем доме – был решен кардинально. Раз в три года, папаня заправлял баллон пищевой углекислотой. Баллон этот был от тормозной, или какой другой системы, неизвестного мне механизма. Длинной сантиметров 60, диаметром 20. Оснащён этот баллон был ресивером, как на газосварочном аппарате. Собственно, он, как раз оттуда-то и был. От газосварки. И вот, заправив этот баллончик, до давления 80 атм. – папа угощал нас холодной газировкой. Это было особенно ценно – жарким летом. Ложка варенья, достойно, заменяла сироп. А в более прохладные периоды года, баллон просто пылился. В углу прихожки. Ожидая следующего сезона. Исходя из этого, всего – вывод. Три копейки, деньгами не являются. Поэтому, можно и не заморачиваться. Но история, начала приобретать

детективный окрас! Закончились наши четыре урока. Началось время «продлённого дня». Так именовалось продолжение школьных занятий, для желающих. «Вторая смена», как бы... За три рубля, в месяц – ученик получал обед, из трёх блюд. Стандартный «столовский» ассортимент. Первое, второе и компот. Либо – кисель. Учащиеся первого класса – после прогулки и обеда, укладывались спать. На один час. В кровати, с чистым бельем и полотенцем, на спинке. Далее, дети работали над «домашним заданием». Под надзором, уже другого преподавателя-воспитателя. К пяти часам, вечера – всё... Все свободны. Бегом, домой!

Когда начались занятия «группы продлённого дня», по окончании основных уроков, эти два типа нажаловались воспитательнице-преподавательнице. Мол я, продал им сдувалку, по заранее, достигнутой договоренности. Началось разбирательство. Чую – надо выкручиваться активно. Видимо, мой «ангел-хранитель» надоумил меня – сказать «ложь во спасение». Передачу шпаргалки, я не отрицал. Признал сразу. А про несчастные три копейки, я и глазом не моргнув, сказал – что это такое. Я «задвинул», что на прошлой неделе, один из этих «бойцов», взял у меня 5 копеек, в долг. И вот, вернул только три! И ещё, при этом, шутит глупые шутки. Такого поворота не ожидал никто. А я уперся в эту версию. И повторяю одно и то же, вновь и вновь... Училка, увидев тупиковость ситуации, заглушила тот гвалт. Сказав мне и этим «деятелям», чтобы родители в школу пришли. Родителям

своим, ничего я не сказал. Естественно. А у одного из этой пары, мать работала поварихой в детском саду. То, что люди, которые напрягаются в пищеблоке, не в ладах с законом бывают – мне уже было известно. Из телевизионного и газетного контента. Иногда, кого-то, на чём-то – ловили. Одна фраза из кинофильма «Операция Ы и другие приключения Шурика», по поводу предстоящего ограбления склада: «Всё уже украли, до нас...» – чего стоила! Возможно, до поварихи весь этот «расклад», с тремя копейками, доведён был. Возможно, это возымело какое-то действие. Итог был таков, что дальнейшего распространения, эта история не получила. Но урок, был получен. И вывод усвоен... На перспективу. Спустя месяца полтора, перед тем, как маман, должна была посетить родительское собрание, посвящённое итогам учебной четверти, я, «сгладив острые углы» – посвятил родителей, в подробности. Папа дал маме поручение, «разобраться и доложить». Подробности всех разговоров и переговоров, до меня доведены не были. Спустя день, папин резюмирующий вывод, прозвучал так: «В другой раз – не зевай, будь начеку!».

Пожалуй, воспоминания о начальной школе завершаются. Ничего особенного, вроде бы не происходило, более. Но вне школы, жизнь кипела! За тот период, неоднократно, мы посетили минводские курорты – Кисловодск и Ессентуки. Летом, конечно. Потому как появился повод минеральную воду пить – я переболел желтухой. Так вот – моя печень ста-

ла объектом пристального маминого внимания. Мама была химиком-технологом, но всю свою жизнь укоряла себя, за то, что не стала врачом. Её сожаления о неверно выбранной профессии, воплощались в повышенный интерес к публикациям журнала «Здоровье». Мама была продуктом своей эпохи и верила многому, чему сейчас веры никакой. Ну, такова была специфика, того периода. В то время, мама уже не работала в нефтепромысловых лабораториях, а отучившись в аспирантуре, перебралась в институт АЗИНЕФТЕХИМ. На кафедру органической химии. Где и проработала, вплоть до самой пенсии. Она занималась работой со студентами-иностранцами. Курируя иностранные группы. Уделяла большое внимание научно-исследовательской работе. Коренным образом, советский подход – отличался от западного. Там, если открывается коммерческий интерес к разработке определённой темы, то и исследования начинаются. Просто так, «от научного любопытства», никакие работы не ведутся. Кто платить-то будет?

Дорогой Фейсбук, ничего нового нет. Вот, о прошедшем, воспоминания пишу. О жизни и быте, времён моего детства и юности. Ведь, нынче – столько мифов бытуют и тиражируются, на тему «хочу в Советский Союз». Однобоко представляя объёмную и многоцветную картинку. Поэтому, не удержусь. И приведу соответствующий теме анекдот. Из далёкого и незабываемого. Итак... В детском саду, воспитательница говорит детишкам: к нам придут кино-фото корреспон-

денты, из разных газет. И, иностранная делегация! Что иностранцы будут спрашивать, отвечайте – «в Советском Союзе». Сказано-сделано. Иностранные дядечки и тётечки спрашивают детишек – «где самые лучшие мальчики и девочки?». Дети, хором – «в Советском Союзе!». Иностранцы – «где самые хорошие воспитательницы детских садов?». Детишки – «в Советском Союзе!». После вопроса – «где живётся лучше всего?», детвора ответила неизменное «в Советском Союзе!». А Вовочка отошёл в уголок и начал плакать, навзрыд – «хочу, хочу в Советский Союз!». Такова была эпоха. Со своими плюсами и минусами. Особенно раздражала разница между телевизионно-газетной картинкой и реальностью. Вот, СМИ надрываются о невероятных достижениях сельского хозяйства и пищевой промышленности, а в магазинах – скудный ассортимент. По этому поводу, бытовала шутка «пережили блокаду, переживём и изобилие!». Или... В регистратуре поликлиники, человек просит номерок к специалисту «глаз-ухо». Медсестра отвечает – «нет такого доктора, есть ухо-горло-нос». А пациент – «глаз-ухо доктора, мне!» На шум, приходит главврач – «а какие симптомы у вас, на что жалобы?». Пациент – «вот не вижу, того – о чём слышу!». Ну, что же тут сказать, народная молва – она верная... Официально тиражируемое ханжество власти, создавало благодатную почву для народного, устного творчества. Причём реакция на различные события и новости, освещаемые официозом – следовала незамедлительная. О причине

такового явления, бытовали предположения разные. Одни люди разделяли мнение о том, что все критические анекдоты – генерируются в подвалах Лубянки. Другие были уверены, что все ползёт, по тайным каналам, из дальнего зарубежья. Третьи считали, что справедливы оба варианта. Вопрос, лишь – в пропорции... Откуда больше.

А вот опубликовал я мамкины похвальные грамоты и подумал о том, что стоит, чуть углубить эту тему. Поначалу-то, хотел упомянуть эти подробности, когда буду описывать свою учёбу. В этом, славном заведении. Без преувеличения, АЗИНЕФТЕХИМ – был вторым, по степени авторитетности, нефтехимическим ВУЗом сссрии. Первым являлся – институт имени Губкина, в Москве. На студенческом сленге, «керосинка». В фундаменте, преподавательского состава, бакинского ВУЗа – была ещё царская профессура. Ныне – это Национальная Академия Нефти Азербайджана. Учебное заведение, с достойными традициями. Из числа широко известных выпускников, можно назвать: наркома НКВД Лаврентия Павловича Берия; президента ЛУКОЙЛа Вагида Алекперова; Жолобова Виталия – космонавта; Затуловскую Татьяну – известную советскую, затем израильскую шахматистку; Муталибова Аяза Ниязовича – первого президента Азербайджана; Рустама Ибрагимбекова – писателя и кинорежиссёра; академика Сеид-Рза – директора АзНИПИ-нефть, где почти всю свою трудовую жизнь, проработал мой отец; ну и Эдуарду Душ Сантуша – президента Анголы. Ко-

торый, был студентом моей мамани. Так что – мама внесла свой, пусть и микроскопический, но всё-таки, вклад. В ангольскую-то жизнь. Хотя, никогда там и не бывала! Ха-ха-ха... Это я перечислил лишь очень малую часть, из длинного списка. Многих других, достойных и широко известных людей. Более глубоко, интересные, более или менее значимые факты нашей жизни – нынче, описывает Википедия. Наряду со многими иными, аналогичными сайтами. По большому счёту, мы находимся в новой реальности. Текст, комментировать и редактировать который можешь и ты, дорогой читатель – рождается здесь и сейчас! Забавно то, что в не столь далёкой перспективе – бумажная версия данного опуса будет доступна, для приобретения. За невеликие деньги, на просторах книготорговли. По-моему – прикольно!

Возвращаюсь к периоду моей начальной школы. Там ещё осталось кое-что, требующее упоминания. Как не вспомнить о том, что немалое время, стал я уделять теме аквариумных рыбок. Мероприятие, с точки зрения моих родителей – не рискованное. Вполне отвечающее их критериям безопасности. И не слишком затратное! Не шумное, не грязное – в быту. А началось с того, что маманя принесла с работы эксикатор стеклянный, с крышкой. Описывать словами форму этой ёмкости – слов будет много, а толку мало. Воды в нём помещалось, около ведра. Проще поступим – вбейте в поиск браузера: эксикатор. У них, там, в лаборатории – произошло списание некоего оборудования и прочей посуды. И кое-что, не

совсем уж неприменимое в домашнем быту, было сотруди-
никами унесено домой. При совдепии, это сильным преступле-
нием не считалось – с работы, что-нибудь спереть. Ведь, тео-
ретически – «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Соб-
ственность-то на всё – общенародная. Но могли рассмотреть
и как «хищение». А это уже уголовщина! Вот в этом и от-
ражалось двуличие совка, в частности... Мамане, в тот раз,
достался эксикатор. И ещё стеклянная ёмкость, литров на
шесть-семь. В форме параллелепипеда. Или кирпича. Это,
для тех, кто забыл названия объёмных геометрических фи-
гур – напоминаю. Практическое применение трофеям, мо-
ментально нашёл отец: «да это же аквариумы готовые! Вот и
рыбок заведём, декоративных. Пусть дети развлекаются...».
Так и прописалась, на несколько лет, аквариумная тематика,
в нашем доме. Было занятно. До зоомагазина, можно было
дойти пешком, минут за двадцать. А вот обратно – слегка
дольше идти приходилось. Потому, что путь «туда», был «в
спуск». Соответственно, «обратно» – уже «в подъём». Это,
по улице Низами. А в воскресенье или субботу, можно было
совершить вояж и на колхозный рынок. Что напротив цир-
ка. Но пешком, туда уже «не дотянуть». Выручал троллей-
бус. Восьмой номер. В зоомагазине, возможно было приобре-
сти только «сухой корм», для аквариумных рыбок. «Живой
корм» приобретался на рынке. И тащить его надо в банке
с водой, в троллейбусе. Поэтому, рынок посещался гораздо
реже магазина.

Дело постепенно осваивалось, если говорить о расширении материально-технической базы. В торговле появились аквариумы шарообразной формы, 12-15 литровые. На подставке из металлического прута. Новинка была приобретена, незамедлительно. Затем, папа соорудил электронасосик, для нагнетания воздуха. В готовом виде, такие штуки не попадались. Они существовали, но не в госторговле, того периода. По мере освоения аквариумной темы, были найдены водоросли, с повышенным выделением кислорода. При хорошем освещении, пузырьки газа достаточно активно возникали на поверхности листьев водорослей. Не помню их название. А лазить в поиски такового, в дебрях Интернета – не буду. Скажу лишь о том, что от использования искусственной аэрации отказались. Правильно подобранные параметры содержания аквариума, позволяли не менять в нём воду, месяцами. Для очистки стеклянных стенок аквариума – служили улитки. Для утилизации отходов рыбьего пищеварения, были особые рыбки. До сих пор, помню название этой породы – каллихты. Или «аквариумные сомики». Действительно, несколько похожие на сома. Но размером – сантиметра три, или четыре. С усами, как у Тараса Бульбы. Флегматичные, донельзя. Постоянно, лежали на песчаном дне аквариума. Песочек, кварцевый – тоже был лабораторного происхождения, кстати. Из числа моих одноклассников, ещё лишь только пара человек занимались рыбками. Это увлечение, не было массовым. По причинам, описанным выше. Из числа дру-

гих хобби, постепенно осваивалась мною чёрно-белая фотография. Цветная – была уделом профессиональных фотографов. Слишком муторно-сложной и капризной была тогдашняя технология цветного фото. Первые мои фотки – были сделаны камерой «Любитель». Которую мой папахен, «Кулибин домашнего разлива» – переделал под «нормальную» плёнку 35 мм. И предоставил в полное моё владение. Сам он пользовался камерами «Зоркий» и «ФЭД». Изначально, сей раритетный аппарат, «Любитель» – был изготовлен для широкой плёнки. Без перфорации. Ну не поленились, вбейте в поиск – «фотоаппарат Любитель». «Фоткать»-то сейчас, все умельцы! Гаджетами, самыми разнообразными. А вы взгляните, чем предыдущее поколение управлялось. Это уже история...

В начале пятого класса, фотографическая тема получила знаменательное, для меня, развитие. Советская школа предполагала следующую градацию, относительно возраста учащихся. С 1 по 4 класс – начальная школа. Отучившийся 8 классов – получал неполное среднее образование. А вот, проведя в школьных стенах 10 лет, подросток обладал уже средним образованием. Преодолели мы первую ступень образовательной иерархии. Наша классная руководительница, проводившая у нас все уроки – ушла на пенсию. Зоя Егоровна Дадашева – была неплохой тётушкой. Неистеричной, незлобной, вполне адекватной. Моя первая школьная училка, никаких отрицательных воспоминаний о себе не оставила. Равно, как и особенных восторгов. Зато, дальше – пошло

резче! С пятого класса, началась у нас уже другая схема преподавания. Более профилированная. Каждый предмет – преподавался своим носителем знаний. Сколько предметов, столько и преподавов. Классным руководителем, к нам, был назначен преподаватель физкультуры – Шанаев Рустэм Русланович. Школа наша являлась восьмилетней и особыми победами, на городском образовательном горизонте, отмечена не была. Чего нельзя сказать о достижениях на аренах спортивных. Физкультура была поставлена хорошо. Школа имела отдельно стоящее здание спортзала. В одной из раздевалок, был даже душ. На четыре или пять сосков. Всего раздевалок было две. Одна мальчишья, другая девчачья. Мальчишья раздевалка располагалась в помещении, с душем. То есть – в душевой комнате. С кафельными стенами и полом. Но просто, с неработающим душем... Во дворе, была продублирована баскетбольная площадка. Можно было и волейбольную сетку натягивать. Так что, футбол, волейбол и баскетбол можно было играть – либо в помещении, либо под открытым небом. В зависимости от сезона. В зале был канат, прикреплённый потолку. Имелись как «козёл», так и «конь» – для гимнастики. Целая пачка «матов», в чехлах из искусственной кожи. Или брезента. Использовались для прыжков в длину и в высоту. Чем они были внутри набиты – неизвестно. Наверное, плотной ватой. Это свидетельствует о том, что чехлы рваными не были. А были они тяжеленными. Один человек тянул этот мат по полу, за одну из четырех, мягких

ручек – с заметной натугой. Зато, вчетвером – можно было перемещать этот матрас «навесу». Без контакта с полом. Было ещё у нас пару столов, для настольного тенниса.

И вот, начались занятия в пятом классе. Первую неделю, наш новый классный руководитель, радостно рассказывал нам, насколько высоко в районном и городском отделах народного образования, оценивают достижения школы №3. В части спортивных рекордов... Которые, состоялись благодаря активной жизненной позиции, наполненных подростковой энергией учащихся и мудрому его руководству. Так, для поощрения хороших и порицания плохих ребяташек – выпускалась еженедельная стенгазета. В стиле, очень популярного тогда, журнала «Крокодил». Версия юмористического журнала, в исполнении нашей школьной редколлегии – состояла из рисунков карикатурного содержания. Высмеивающих двоечников и разгильдяев. Соответственно, публиковались достижения хорошистов и отличников. Рисунок, на ватманском листе, выполнялся акварельными красками. А физиономии учащихся, вырезались из фотокарточек. И наклеивались на соответствующие места живописи. Проблема была в отсутствии стабильной базы фото-данных. Отличники радостно тащили свои фотки, из дома. Чего не делали двоечники. Которых фоткали, в принудительном порядке, редкие активисты, из числа преподавательского состава. А у меня дома, под папиным руководством, получались стабильно-качественные фотографии. Так вот, к дню моего рожде-

ния, в конце августа, папахен подарил мне новый фотоаппарат «Чайка». Опять, отсылаю к поисковой строке браузера – всех желающих увидеть этот перл советской фототехники. Камера «Чайка» отличалась небольшими размерами, хорошим углом зрения 56 градусов и большой «глубиной резкости». Что означает качественное, резкое воспроизведение как первого плана, так и «задника», в кадре. Но основное преимущество было в том, что эта камера, на стандартной плёнке – делала не 36, а 72 кадра. За счёт того, что кадр был меньше. В два раза. Но благодаря удачной оптике, качество нисколько не страдало. Короче говоря – это было очень хорошим образцом советского фотопрома. И всего, за 22 рубля. Против 50-60 рублей за «ФЭД», или 16 р. за «Смену». Так, когда наш классный руководитель Шанаев спросил: «кто умеет фотографировать, у кого есть фотоаппарат?», я радостно признался, что отвечаю критериям поиска...

«Вот и принеси фотоаппарат, в понедельник» – сказал Шанаев. Так и было сделано – в назначенный день, я притащил в школу, свою обновку. Папа снабдил меня ещё фотоэкспонетром. Для определения выдержки и диафрагмы. Назывался этот прибор – «Ленинград». Стоимостью около десяти рублей. Но приобретя эту полезную штуку, фотограф был гарантирован, от ошибок. Коробочка работала отлично – все фотки получались качественные. В части экспозиции. Размером эта радость была – с сигаретную пачку. Висела на шнурочке, на шее. Ни батареек, ни аккумуляторов, в ней не

было. Указующая стрелка перемещалась за счёт электричества, полученного в фотоэлементе. И двигалась она, как было отмечено выше – всегда правильно! Рустэм Русланович назначил днём фотосъёмки понедельник, потому что в этот день, «по расписанию», у нас была физкультура. И вот, мы приступили! Фоткались, по три человека. Один кадр «анфас», и два «в профиль». Вправо-влево. С шутками и прибаутками, мы сфоткались! Несколько дней спустя, фотографии были готовы, и я притащил плоды своих трудов, в школу. Конечно, в организации процесса «печатания карточек» – папа принимал своё руководящее и направляющее участие. Фотолаборатория, у нас дома – разворачивалась, в проходной «прихожке». Поэтому, все непричастные к «действию», блокировались в жилых комнатах. Оказываясь отсечёнными, от «санузла» и кухни. Итак, в школе, фотографии были признаны качественными. Собственно, таковыми они и были, чего уж там! Даже «отглянцованные», а не какие-нибудь «матовые». Для непосвящённых в тонкости чёрно-белой фотографии, советского периода – поясняю. Существовал такой прибор – «фотоглянцеватель». На две зеркально-полированные пластины, прикладывались, а затем прижимались мокрые фотоотпечатки. Прибор нагревался от электросети, фотки высыхали. Подавая сигнал, о своей «готовности» звуками типа «шелчок». Это вам не цифровые фотки, эта канитель была знатная... И качество, и скорость изготовления продукции, обрадовали нашего классного «руководы». Экспери-

мент, был признан удавшимся! И пришлось распространить этот опыт, на все остальные классы. Кроме начальных – не доросли ещё... Как выяснилось, в школе существовал «совет физкультуры». Состоял он из активных учащихся. В основном – девчонок. Но «физорги» классов были включены, соответственно своему статусу. Поясняю, кто таков «физорг» – это староста класса, на уроках физкультуры. Из числа наиболее спортивных учеников. Спортивность ставилась во главу угла, на этапе отбора. Эти пацаны были таковыми. Но «слабо», или «средне» успевающими. В части учёбы... В основном.

Воспоминания, воспоминания... По любому поводу, отсылаю читателей – к строке поиска браузера А вот, думаю, сам обращаюсь-ка. Потому, как начал часто упоминать Рустэма Руслановича... Фигура-то, он, неоднозначная! Ну, ладно, вобью Шанаева, в поиск. Всесильный Интернет выдал сразу: «форум на сайте школы №6». И что вижу?? Некому собеседнику, или shirshov просто пишет о себе: «учился я в школе №3 с 63-го по 71-й, затем перешёл в 18_». Расшифровываю: я-то учился в школе №3, с 64-го по 72-ой. По окончании, перешёл в 160-ю. Невыясненный Shirshov перешёл в 189-ю. Хотя, вместо девятки в тексте Ширшова стоит знак «нижнее подчёркивание» – понятно, куда он подался, окончив восьмилетнюю школу №3. А улица Ширшова перпендикулярна моей Колодезной, улице. И протяжённость этой улицы Ширшова – 3 квартала. То есть этот человек, старше меня на 1 год. Бывший, значит сосед, по району... Начал пе-

ребирать в памяти, кто это? Годом старше меня, на Ширшова жил Фима Лившиц. На Ширшова выходил балкон Асифа Бахшиева, но его дом числился по улице Мухтадира. Всё, память исчерпана... Ну бог с ним, с shirshov-ым. А пишет он на сайте 6-ой школы, потому что Шанаев сам-то и перешёл, в шестую школу. Как только выпустил наш класс, так и ушёл из третьей школы. Насколько до меня дошли тогда слухи – его побили ребята, из «Крепости». Это тот район, где Никулин и Миронов падали, поскользнувшись. С возгласом: «Чорт побери!». В «Бриллиантовой руке». До шестой школы – садик перейти. При царе – «Губернаторский», а при совдепии – «Пионерский». И ещё один квартал пройти, к фуникулёру. Там и школа, шестая...

Начал вспоминать про Шанаева – о отдельном обучении мальчиков и девочек, подумалось. Существовало оно при совдепии, в тот период, когда сам Рустэм Русланович был школьником. Что и наложило на него своё, отрицательное воздействие. Но, об этом – чуть позднее... Следуя точной хронологии событий, следующим знаменательным, для меня, событием – оказалась наша экскурсия. В эскадру «малых торпедных катеров». Эта войсковая часть, морского базирования была в районе судоремонтного завода имени «Парижской коммуны», что «на продолжении» городского бульвара. В сторону Баилова. В дальнейшем, после иранской революции 1978 года, подразделение было переведено, из городской черты. Как американцы ушли из Ирана, так и на нашей сто-

роне, что-то поменялось. В связи с изменением иранского уклада жизни. С монархического, шахского – на «исламскую республику». Москва посчитала, что на водных просторах – Иран, уже не противник. Боевых плавсредств, у них, нет... И вправду, военного флота Иран не имел. А зачем он ему, на Каспии? С кем воевать-то? С Советским Союзом, находясь под управлением США? Но о связанных с иранской революцией событиях, из которых, лично я извлёк немалую, материальную выгоду, так о них – позднее... Про то, что мы пойдём с экскурсией, в военную часть – предупреждение было. За неделю, ранее. А ведь, сов. пропаганда, сама выращивала нас на «боевиках», своего разлива. Про шпионов. И доблестную контрразведку, советскую. Вот я и задумал, проверить «боеготовность», на флоте! В назначенный день, в субботу, мы пришли в праздничном настроении. И наряде. В белых сорочках и красных галстуках. Хотя, галстуки пионерские, мы носили в школу, уже – в карманах. В пятом классе. Но, если какое мероприятие, то явиться всем, по полной форме! Фотоаппарат я повесил на штатный шнурок. И на шею. Значит, висел он – «на пузе». Приводить фотик в «боеготовое» состояние, надо было одним лишь рычажком. А не как «Смену» – крутить шкив, переводя кадр. Затем, ещё и затвор взвести. На моей «Чайке», и затвор взводился, и плёнка перематывалась – одним движением. Большого пальца правой руки. Так что фоткать можно было, не поднимая аппарат к глазам. А просто, левой рукой придерживать камеру,

правой – взводя затвор. И поворачиваться к фотографируемому объекту – всем корпусом. Затем, указательным пальцем, правой руки – произвести спуск затвора. «Вуаля»! Акт шпионажа произведен. Скрытно...

Прошло несколько дней, я распространил следы работы «матёрого шпиона» среди своих одноклассников, присутствовавших на этой экскурсии. Несколько дней, тема обсуждалась нами, во всех подробностях. Затем – интерес, постепенно угас. Другие впечатления, заняли умы подростков. Спустя недельки полторы, я обратил внимание, что валявшиеся дома, на моей полке фотки «как испарились». Вместе с фотоплёнкой-негативом. Я спросил домашних: «никто не перекадывал искомое, куда-нибудь? Но ничего конкретного, в ответ, не услышал. Кроме папиного: «занимайся уроками и забудь про эти фотографии». Аккуратно, поинтересовался у одноклассников: «не заметил ли кто-нибудь чего-то необычного, в последнее время, у себя дома?». Кто-то не обратил внимания на мой вопрос, кто-то пожал плечами... А пару человек сказали, что отметили пропажу фотографий, с экскурсии. Больше, об этом, и ни я, и никто не вспоминали. Каково же было моё удивление, когда одна из этих фоток «всплыла». Не буквально, «из воды». А из других, совершенно, сфер. И произошло это, в бытность мою, «под знамёнами» советской армии. Дойдём и до этого. В порядке хронологической последовательности. «Дотелепаемся» до 1976-го года и всё станет – «на свои места». А пока, вернёмся в мой

пятый класс. Школьная стенгазета с фотографиями отличников и двоечников-разгильдяев стала весьма популярным событием. По понедельникам. Вывешивалась она на стенде, либо первого этажа, напротив буфета, либо на втором этаже. Рядом с «учительской» комнатой. Но тогда, учащиеся младших классов, а они базировались на третьем этаже трёхэтажного здания – проскакивали мимо нашего второго этажа. Спускаясь-поднимаясь по лестнице, напрямиком. С первого – на третий и обратно. То бишь, они не были охвачены «пропагандой» здорового образа школьной жизни. А это упущение!

А ситуация с фотографированием всех учащихся школы, сложилась такая – папаня узрел, что дело с изготовлением фоток, всех учащихся школы, в анфас и профиль, из материалов фотографа – обременительно и несправедливо. Расходуется время учащегося, не на занятия, а на общественную работу. Ещё и все затрачиваемые компоненты, не являются бесплатными. Так что, условия несуществующего договора, следует пересмотреть. Непременно таким образом, чтобы я не истощал папины запасы проявителей, закрепителей и фотобумаги. Эксплуатация оборудования, то бишь фотоувеличителя, ванночек-кювет и таймера выдержки – допускается. Без ограничений. При условии аккуратного обращения. А вот фотобумагу и химикаты – за счёт заказчика. И не иначе! Требования эти, были Шанаеву изложены. И соответствующее решение, было им принято. Состояло оно в том,

что с каждого школьника, кроме начальных четырёх классов, собирают по 20 копеек. По субботам. Ну, если кто не может выделить такую сумму, для родного учебного заведения – так это «совет физкультуры школы» переживёт, конечно. В надежде, что перебои с платежами не будут постоянными. Сдашь, мол, когда деньги будут. Собирали денежки – физорги классов. Каждый, в своём. Касса хранилась у Шанаеа, в кабинете. В спортзале.

Вот так и наладилось производство фотографий. Для общественных нужд. Паренёк я был, уже достаточно наблюдательный. Стало мне понятно, что расходование собранных средств – контролируется слабо. Просто контролёры эти – из числа «актива» Шанаевского, физкультурного. Ни бухгалтеры они, и не фотографы. И даже, не товароведы фотомагазина. А это означало, что между полученной, из «закромов» суммой и затраченной реально – может быть некоторая, никому не подконтрольная «дельта». Главное – «не борзеть»! Аккуратно и неспешно... По тем временам, моим малолетним – хоть какая-то прибавка, к карманному бюджету. Фотографии постоянно исчезали из школьного «банка данных». Хранились фотки в Шанаевском кабинете, в спортзале. В не запираемом ящике письменного стола, канцелярского образца. Ребята, из числа «любимчиков-активистов», которым физрук доверял заниматься, в своём кабинете, общественной работой – потихоньку «тырили» свои фотки из «банка данных». Который был простой коробкой, от конфет. Шоко-

ладных, с начинкой. О чём было на коробочке, без утайки и написано. А также, близкие друзья «доверенных лиц» – живо «интересовались» своими фото. Короче, приходилось вновь «допечатывать» недостающие фотки. Газета выходила исправно, без перебоев. Таким образом, ещё на самых первых шагах своей фото-деятельности – я стал, достаточно, популярным, у всей школы, «общественником». Уроками дома, я не занимался. Ни к чему это было – ведь всё и так известно. Бабушкины занятия со мной, на тему «дошкольной подготовки» – дали возможность жить безбедно, до седьмого класса.

Эким образом, я попал в число школьных активистов. Тем временем, ни шатко, ни валко приблизились мы к окончанию первого полугодия, пятого класса. Погода, в том году – задалась, на редкость, непривычная бакинцам. Термометр показывал целых минус два градуса! Или один... В нашем понимании, общественная жизнь должна начинать замирать, при таких температурах. Обычно, зимой, ниже трёх-четырёх градусов, плюсовой шкалы – холодов не бывает. И то, не каждый год. Зато, ветрогон случается нещадный! Всё-таки побережье, где ничто не тормозит массы воздушные. Вот они и перемещаются, с высокой скоростью. Когда это сочетается с минусами на градуснике, то становится зябко. Да ещё и влажность, всегда выше нормы. Странно и непонятно – если «минус», то, казалось бы, влага должна вся выпасть, в виде снега. Но не факт! Каково объяснение этому есть –

знают лишь специалисты. Рядовому человеку, сие недоступно... Но попадались отдельные сограждане, которые рассказывали, как они переживали и 10, и 20, и даже 30 градусов! В дальних краях и весях. На такие страсти-мордасти атмосферные, жители нашего тёплого города, нарывались либо на военной службе, либо поехав в гости, или командировку. По возвращении, из чужих пенатов – они становились объектами повышенного внимания. Со стороны родичей, друзей и сослуживцев. С какой загадочностью во взоре, порой – эти «амудсены» повествовали, как им, невообразимо загадочным образом, удалось не превратиться ни в снеговиков, ни в белых медведей. Находясь на чужбине. Вдали, от всего родного и привычного. Ну и климата, в том числе... Но продержаться в центре внимания, свыше пары-тройки деньков, эксплуатируя только тему температурного ненастья – не удавалось. Аудитория жаждала других новостей и развлечений. Более свежих.

Такой рассказ – услышал я, но лишь однажды. От папани своего. Как в минус 10, без головного убора, на Тверской, в Москве – он ел мороженое! Безрассудность своего поступка, он объяснил всё той же жаждой экстрима. По окончании поглощения порции лакомства, он надел шапку. И проанализировал свои ощущения. Оказалось, что эксперимент, изначально казавшийся чрезвычайно опасным – при внимательном исследовании подробностей, был совершенно рядовым действием. В реале. Да, уж... «Не так страшен чёрт, как его

малюют», воистину. Постновогодние каникулы мои, в тот учебный год, в пятом-то классе – прошли в экзотических катаниях на санках и игре «в снежки». Повезло нам, детворе. Что эта снежная радость, приключилась именно «на каникулах». Но, как и всё хорошее, каникулы закончились. Равно, как и снегопады. Начались занятия. Но ведь – неохота! После таких веселых деньков, вновь садиться за парту. А помещение школьное наше отапливалось, как сейчас трактуется – «форсунками газовыми». Смонтированными в переделанном печном отоплении. Которое работало на традиционных дровах, наверное. Изначально. Так вот, прохладно нам было. Здание в каникулярный период не топили, оно и остыло. Непривычные, тогдашние холода – сделали своё дело. О возникшем дополнительном школьном дискомфорте, я рассказал дома. Бабушка, памятуя своё учительское прошлое в школах «Чёрного города» – поведала, что при температуре ниже предписанной городским отделом народного образования нормы, занятия прерываются. Вплоть до устранения недостатков. Но сколько именно градусов в помещении, было обозначено в качестве нижнего порога – бабушка не знала. Или не помнила.

На следующий день, я притащил в школу наш комнатный, обычный, настольный термометр. Возбуждённый коварным своим замыслом – объявился в классе, ранее всех. Занятия начинались у нас, в 8.20 утра. Нет, официально в 8.00, но в течение 20-ти минут, была гимнастика. Для разминки. Все

стояли в школьном коридоре зимой, а весной и осенью – во дворе. На гимнастику можно было и опоздать. Не особо-то и возбранялось. Но к началу урока, следовало быть за партой. Во всеоружии, так сказать! Однако, я объявился в 7.50, в тот, памятный мне, день. Установил термометр, впритык к окну. Поближе к щели, между рамой и подоконником. Сел за первую парту и жду. Часов нет. Думаю, какое же время следует считать «нормативным»? Для точного-то измерения? Когда интересовала температура моего тела, в сомнительных, с маминой точки зрения случаях – меня выдерживали, с градусником «подмышкой», ровно 10 минут. По будильнику. Считалось, что более точных показаний, уже не будет. Прибор, сильнее не нагреется. Следуя этой аналогии, но преследуя цель достичь наиболее максимального охлаждения градусника – я вытерпел эти 10 мин. Но раза три, контролировал процесс. Убедившись, что красный столбик не желает опускаться ниже 13-ти, эксперимент был остановлен. Спрятав термометр в карман, вышел в коридор, где уже все классы нашего второго этажа – махали руками и приседали под команды Шанаева. Портфели было принято бросать «в кучу». У дверей классной комнаты. Покрутив руками и попрыгав, я не переставал размышлять над текстом, ещё на написанного документа. Зарядка завершилась и все, похватав свои портфели, вошли в класс. Сели за парты. Следом, зашёл преподаватель и начался урок. Какой? Не помню...

Не до урока мне было. Решил всё-таки написать на бума-

ге, насколько нам, учащимся – не нравится сидеть за партами, в пальто. Что было разрешено. Справедливости ради, надо отметить. Преподаватели и сами в пальто приходили в класс, далее, вели урок – не раздеваясь. А что делать-то? Холодрыга... Вот сижу за партой, вполуха слушаю препода и пишу: «В связи с тем, что температура в классной комнате, ниже установленных норм – просим отпустить нас по домам. Возобновить занятия можно, только когда, температура в помещении, достигнет плюс 20 градусов Цельсия». Написал это вверху двойного листа в клеточку, вырванного из тетрадки. Из середины, где скрепки. Лист повернув на 90 градусов. Вот, в самом верху, и написал этот текст. Урок закончился. Следующий – физкультура. В отдельно стоящем здании спортзала. Не припомню уже, как была там устроена система отопления, но дискомфорта температурного – мы не ощущали. Скорее всего, согреваясь за счёт интенсивного движения. И руками, и ногами. Ну так и вот, в раздевалке, пока мы переодевались и переобувались – я дал ребятам заветный листок бумаги и ручку. И сказал, со смехом: «Все если подпишемся – нас отпустят домой». Народ воодушевился и начали подписывать. Потом, кто-то, постучавшись в дверь девчоночьей раздевалки – переправил петицию туда. Процесс подписывания проходил бурно и не шибко осмысленно. С хохотом и шутками. В чьих, там руках оказался подписанный всеми 40-ка учениками листочек, к концу процедуры – неизвестно. Но получилось так, что зачем-то пожаловавший

в спортзал Миша Аршинов, учившийся двумя годами старше нас, завладел этим манускриптом и смылся из спортзала. Никто, и я в том числе, особого значения этому не придали. Прделанную работу, по написанию и подписанию этой заявы, не иначе, как прикольную шутку – никто и не расценивал. Но, судьба распорядилась иначе!

Оказывается, этот Миша, проживавший в одном доме со мной, но он на первом этаже, а я на втором – отнёс эту шуточную петицию, прямым, к нашему классному руководителю Шанаеву. Значит, идёт у нас урок – следующий, после физкультуры. Вдруг, влетает взъерошенный Рустэм Русланович и с места в карьер, начинает агрессивные разговоры разговаривать. Да не разговаривать, а орать! Оказывается, эту бумажонку Миша ему передал в учительской. В присутствии ещё кого-то, из преподав. Передал и свалил. А у Рустэма начались эмоции. Покипел он покипел в учительской и прибежал к нам, в класс – выяснениями дальнейшими заниматься. По советскими временам, такая письменная выходка целого класса – это бунт! Это расшатывание всех существующих устоев! Вместо того чтобы стойко переносить тяготы и лишения своего ученичества – толпа выступила за свои права! Это не коллектив, а именно бунтарская толпа вольнодумцев! Как они могли, как посмели! Кто писал текст, кто это придумал, кто организатор этого безобразия?? Самое интересное, что подписантов было 100 %, от числа учащихся. То бишь «единогласно»! Выстрел-то был «в десяточку»

... Всем хотелось продолжения каникул! Но идеология данного коллективного поступка, это несогласие с властями. А представители власти – такого не любят! Вот Рустама и переключило! Выяснив, что идейным зачинателем «бунта на корабле» был его «любимец-фотограф», он понёс откровенную ахинею. Потащил меня по всем классам, прерывая идущий урок. Ставил меня перед аудиторией и начинал свои обличительные речи, не объясняя в чём суть происшествия. Гневно указывая на меня, он говорил: «вот из таких, как он – во время войны, фашисты делали старост в захваченных деревнях и сёлах!». Какие деревни, блин какие сёла, какие, на фиг, фашисты, не понятно – но надо терпеть! Терпеть этот поход, по всем классам. К чести наших преподавателей и учащихся, никто не проронил ни звука. Потому как никто ни черта не понял, о чём речь-то идёт. Во, как...

Вот так и состоялось, одно из моих, школьных приключений. Ещё, в пятом классе, произошло одно, знаменательное для меня, «нечто». Не событие, не происшествие, ни явление. Просто случаем, вроде бы не назвать. Ну, обозначим как – «нечто». В том году, у нас началось раздельное преподавание предметов. И вот что состоялось у меня, с предметом «литература». Нам очень повезло, что русский язык и литературу вела Клавдия Ивановна Донцова-Гуссейнова. Этот человек, в литературу был просто влюблён. На её уроках никто звука лишнего и не ронял, все внимательно слушали преподавателя. Настолько она была увлечена, тем что

пытается до нас донести. То бишь, посеять в наших пустых головушках интерес к литературе. Как к одному, и может быть, даже – основному инструменту. Для изучения жизни. Клавдия Ивановна сразу сказала, что её задача – научить нас мыслить. И уметь эти мысли, изложить. На бумаге. Без ошибок, желательно. Поэтому, мы будем писать много сочинений. Не только программных, входящих в обязательный курс. Но и на «свободные» темы. Поэтому, тема нашего, первого сочинения будет, о сезонах года. Опишите ребята, все четыре. Что и как вы видите в окно, и вне помещения, непосредственно. Срок для написания – неделя. Объём не лимитирован. У кого, сколько получится. Дерзайте, ребята! Как отметил выше, заниматься уроками, вне школьных стен – мне как-то было непривычно. Я-же и так всё знаю. В пределах, того что преподаётся. А тут, что-то непонятное, с сочинением-то... Бабушка – сочинений, мне писать не задавала. Во время нашей, дошкольной подготовки. Получилось, что столкнулся с ситуацией, ответ на которую, для меня не очевиден. С наскока... Но, мысли мои, «скакуны» – уже подготовили ответ. Ещё несколько дней, я бездельничал по поводу написания сочинения. А потом – принял решение.

Дома была книжка, для детей дошкольного и младшего школьного возрастов. Как раз «в тему». Книжка, в мягкой обложке. Страниц 12-15. Крупный шрифт, с картинками лубочного стиля. Площадью – со стандартный канцелярский лист. Вот я этот текст, тупо и переписал. С купюрами. Рав-

номерными, по всем четырём временам года. Получился у меня, рукописный один двойной лист. Из тетрадки. Это действие, сейчас можно назвать одним словом – «плагиат». А можно, и название, и автора, и издательство с годом издания указать «в хвосте» книги. Разместив эту инфу в рубрике «Использованная литература». Тогда, это уже не плагиат. А упоминание автора и издательства – есть так называемый «научный аппарат». Насчёт «авторских прав», по тем временам – особых "заморочек" не было. Авторские свидетельства были на изобретения, с этим было понятно. Ну а право собственности на литературные тексты, не было юридически описано. И оставалась эта тема, некоей «terra incognita». Для большинства непосвящённых. Короче, не заморачиваясь этими глубинами юриспруденции, в назначенный срок – я притащил этот опус, на урок литературы. Начался урок. Авторы приступили к демонстрации своих текстов. Выходя к доске и зачитывая таковые. При чём, тактичная Клавдия Ивановна, понимая, что момент сей волнителен есть – предложила нам участвовать «по желанию». Для начала. Треть класса что-то изобразила, в своих тетрадках, за неделю. Остальные, вежливо воздержались. То есть, к уроку «не подготовились». Но «двоек» никому поставлено не было, было предложено – ещё подумать. И написать, за следующую неделю. Вот и я решился обнародовать «свой труд». Не упомянул ранее, как ещё в шестилетнем возрасте, я в микрофон, под магнитофонную запись – зачитал детскую книжку.

Под папиным руководством. Дело в том, что папаня сам собрал магнитофон, из деталей. Ну и развлекался «пуско-наладкой». Вот и предложил мне прочесть под запись, что-нибудь. Я и зачитал про какого-то зайца Трусохвостика, который боялся летать на самолёте. Сюжетную линию, в подробностях, уже не помню. То есть, первые опыты, по части декламации – уже были совершены.

Запись на магнитофонной ленте Тип-2, на бобине 550 метров – долго хранилась среди папиных прибабасов. Не с первой попытки удалось разместить весь текст «Трусохвостика», пришлось сделать пару-тройку «дублей». В процессе нашего с папой творчества, он осуществлял «режиссуру» процесса записи. Помню, как он меня напутствовал, прежде чем нажать кнопку «запись»: «Представь, что перед тобой сидит целый зал слушателей. Читай так, чтобы им было интересно». Когда во взрослом возрасте, я прослушал эту запись – было забавно, конечно... Ну, воспоминания об этом эксперименте, тоже сыграли свою роль, когда я нагло выдал чужой текст – за свой. Наша Клавдия Ивановна была в полном восторге! Она взяла у меня этот исписанный, двойной, тетрадный лист. И, бережно его забрала. Никого в тонкости проделанной литературной работы, я не посвящал. Ни одноклассников, ни родителей. Не знаю, как долго и что именно Донцова думала, по этому поводу, но писать сочинения, в дальнейшем – мне сложности не представляло. Спасибо ей огромное! Из прочих уроков школьной программы, по-

жалуй, ещё только уроки труда, были предметом, не вызывавшим скуки. В те суровые времена, почти уже «развитого социализма», было общепринятым, среди школьников – посещать какие-либо кружки «по интересам». Тем и направлений, была уйма. Не было только одной тематики. Она была запрещена законом. Любое, даже самое малое обращение к этой сфере, вызывало крайне негативную реакцию государства. Порой, вплоть до мер, «несовместимых с жизнью». Начиная от невеликих сроков «на шконке». И, вплоть – до расстрела. Эта тема называлась «делать деньги».

В качестве моего хобби, папаней был избран кружок автомоделирования во Дворце пионеров им. Гагарина. Хотя был предложен, как альтернатива – кружок «авиа». Но исходя из постулата «рождённый ползать летать не может», остановились на колёсном хобби. Отложив извечную, человеческую мечту о крыльях, за пределы рассмотрения. Исходя из того, что увлечение – может стать профессией. Но предел допустимого риска, следует заложить изначально. Колёса-то, понадёжнее крыльев! Начались занятия с изготовления архипростейшего устройства, на четырёх колёсах. С двигателем, из резинки типа «венгерка». Сей «пипилац» был построен, даже соревнования состоялись. Фоток не осталось... Следующим образцом пионерского автостроения, оказалась тележка, с «аэро» приводом. Движимая всё той же резинкой. Но «резино-мотор» вращал не колёса, а вполне авиационный пропеллер. А если бы вместо колёс, в конструкции были

установлены лыжи, то мы получили бы "аэросани". Фотографии итогового соревнования приведены ниже. Вот так, ругаемый, не без оснований, совок работал с детворой. Как бы, бесплатно... Хотя, по сути, цена этих воспитательных технологий, была оплачена заниженными зарплатами старшего поколения. Но, в общем, оставалось ощущение «заботы» государства. На фоне скудного содержимого магазинов. Единственные магазины, полки которых были переполнены – это торговые точки, по распространению политической и пропагандистской литературы. При условии полного отсутствия туалетной бумаги. Вот тома трудов Маркса, Ленина и Брежнева есть, в избытке. А рулонных салфеток – нет. Совковый социализм...

Что-то не глянулось мне, такое хобби. Скучновато... А то, что вызывало интерес – было напрочь отвергнуто папахеном. Занятия этим, драйвовым способом подросткового становления – было признано, как преждевременное. По возрасту. Проходя на второй этаж здания, где размещался автотехнический кружок, неминуемо сталкивался, во дворе – с тем, что было желанным. Но, запретным. Это были участники секции картинга. И объекты приложения их талантов. То бишь четырёхколёсные аппараты, с мотоциклетными двигателями. Взаправдашним рулём, педалями газа и тормоза. Отец считал, что нужно пройти всю эволюционную последовательность усложнения колёсного транспорта, не перепрыгивая через этапы такового. Последовательно. Без рывков. Начало,

в раннем детстве – было положено. По стеснённому, внутриквартирному пространству, первые попытки передвигаться на колёсном транспорте – осуществлялись на аппарате собственного, папаниного, с его другом изготовления. Внешние формы этого чуда, несомненно, были навеяны стилем американского автопрома. Эту конструкцию, для детишек младшего дошкольного возраста, отцы произвели на работе отца друга – дяди Вити Авакяна. Который напрягался в одной организации, с моей маманей. На Локбатанских промыслах. Нефтяных. Инструментально-станочная база предприятия, позволила двум друзьям соорудить этот подарок, своим сыновьям. Работы производились во внеурочное время, естественно. Сын дяди Вити был постарше меня. Толи года на полтора, толи на два. Таким образом, в мои руки, этот шедевр попал уже «не новым».

В шестом классе, к нам пришёл новый паренёк – Куджаев Эдик. Он был старше нас, на два года. Один год разницы объяснялся тем, что однажды, Эдика оставили, на второй год обучения. В связи с неуспешностью, в процессе такового. В нашу школу №3, он был переправлен из более престижного учебного заведения. Из школы №134. Что напротив Баксовета. Которую окончил всемирно известный Гарри Каспаров. Но в описываемый период, Каспаров обучался в другом районе города. Где-то на ул. Фабрициуса, в Арменикенде. Но не утверждаю, последнего, не уверен. В 134-ю Каспаров перешёл в 9-10 классах. При Романовых, в помещении этой шко-

лы размещалась Мариинская гимназия. В которой, работали преподами мои родичи с прабабушкиной стороны. Сей факт можно видеть в материалах сайта www.ourbaku.com. Фамилии предков – Дашевские, Авалиани. Одна из бабушкиных тётушек Дашевских, Анна – в устных летописях нашего семейства, прославлена за проступок «недиагностируемого генеза». Толи хулиганство, толи глупость, толи «политическая провокация». В описываемый, её преступный период – она была ещё гимназисткой, младших классов. А дело было, вот в чём. На закладку православного Александро-Невского собора, в 1888 году, в Баку приезжал царь-император, собственной персоной. Примечательно, что средства для строительства – были собраны методом, как сейчас сказали бы, «краундфантинга». То есть – пожертвования. Более всех, пожертвовала мусульманская община. Ну это так, кстати... Как информация, к размышлению. Позднее, при совдепии, собор этот – разрушили. И на его месте, построили школьное здание. Там располагались общеобразовательные школы № № 189, 190. И 27-я, музыкальная. О подробностях закладки собора, интересуйтесь в интернет-материалах, если, кого займёт эта тема.

Почему я упомянул Александро-Невский собор, в чём фишка? А дело в тётушке, моей бабушки, по отцу – Анне Дашевской. Император Александр 3 с супругой и сыном цесаревичем Николаем Александровичем в 1888 году, прибыли в город Баку, для закладки Александро-Невского собора. Тор-

жественная встреча царской семьи и сопровождающих лиц описана в приложенной вырезке из материалов сайта «Наш Баку». На этапе прохождения царя через шеренги учащейся детворы, стоявшая в первом ряду бабушкина тётушка, будучи в непосредственной близости от монаршей особы, протянув руку, указательным пальцем потрогала царя. Пропаганда того времени, позиционировала государя, миропомазанника божия, как личность почти эфемерную. Не совсем плотскую, не совсем физическую, а какую-то типа «волшебную». Во всяком случае, так малолетняя Дашевская, впоследствии, объяснила свой поступок учителям и воспитателям. Вот и состоялось испытание Александра 3, на степень «метафизичности». За что провинившаяся – была посажена в карцер. До наступления вечера. Бабушка рассказывала это в моём детстве. Но повзрослев, я неоднократно возобновлял разговор на эту тему, задавая наводящие вопросы. Выяснилось, что карцер не являлся подземным узилищем, полуза-топленным водой и наполненным крысами. Этим мрачным термином именовалось помещение в здании школы или училища, где уборщицы хранили свой рабочий инвентарь. Вёдра, веники и швабры. Но учащиеся, бывали помещаемы в упомянутую комнату, за провинности. Длительность пребывания в карцере, менялась в зависимости от степени вины. Много лет спустя, Анна Дашевская преподавала в этой самой Мариинской гимназии. Предварительно, в ней же и отучившись. Вот такая, неподтверждаемая документально ис-

тория. Из внутрисемейной летописи.

Возвращаюсь к Эдику Куджаеву – он привнёс новую струю. В «поток» моих увлечений. Теперь, я занялся ловлей, содержанием и продажей певчих птичек. Здесь, приятное хобби, плавно перетекало – в полезный бизнес! Захватила меня эта тема, захватила! Птицелов – это тот же охотник. Но, никуда ехать не надо. Никаких лицензий и разрешений. Залез на крышу дома своего – и ты уже добрался, до охотничьих угодий. Правда, не все крыши приспособлены, под этот аттракцион. На некоторые, нет удобного и безопасного выхода. На других – нет доступного места, для укрытия птицелова. Идеально подходящих мест, на районе – единицы. В первую очередь, из-за жильцов. Которые далеки от желания потворствовать каким-то пацанам, которые шастают на их крышах. Поэтому, все любители этого развлечения, знали друг друга. И конкурировали, в какой-то мере. Как и все любители, чего-то неординарного. Те, кто держал голубятни – это отдельная тема. Тоже «с крыльями». Но голуби, это иное. Конечно и там есть элемент охоты. Как бы посадить чужого голубя, к своей голубятне, а потом исхитриться его поймать. Но это редкий охотничий успех. Штучный. Когда стая твоих голубей, возвращается домой, с прибавкой. Затем, следует «разборка». С бывшим хозяином «этой прибавки». Потому как информация, о несанкционированном приобретении, не могла не утечь. Короче, голуби – не моя тема. Поначалу, первой охотничьей площадкой – была кры-

ша дома, по улице Мусеви. Это коротенькая улочка, в один квартал. Между бывшей Коммунистической и Ахундовским садиком. А проникали мы на сей полигон – через двор дома, где проживал этот Эдик. Улица Караева, чётная сторона, самое начало. Там, на первом этаже, была мастерская, по ремонту обуви. А напротив, по ул. Караева, примыкая к дому №1, о котором упоминал ранее, были несколько гаражных ворот. Это был гараж – толи Баксовета, толи Совмина. Кроме банальных чёрных «Волг», там парковалась «Чайка». И ещё одна «Волга», с двигателем от «Чайки». Все пацаны района, знали, что эта «волжанка» – гэбэшная! Засекреченная, то бишь...

Проживал Эдик в подвальном помещении. Окна этого полуподвала выходили на ул. Караева. Несколькими годами ранее, в помещениях рядом – находились мастерские по изготовлению траурных венков и искусственных цветов, той же тематики. Проходя по улице, мимо этих окон, сильно чувствовался запах расплавленного парафина. Крашенная в разные цвета бумага, опускалась в парафин. Затем, работницы ножницами вырезали из этих заготовок листки и лепестки якобы роз. И якобы хризантем. И прочих, фантазийных растений. Всё это скреплялось провололочкой, в различных композициях. В итоге, получался либо венок, либо гирлянда цветов. Соответственно, предусматривалось место, для крепления траурной ленты. С надписью. Надпись делали, уже в пунктах оформления, скорбных заказов. Эди-

ка мама работала в этом цеху. Пока его не закрыли. А вот папа Куджаев, напрягался в «хлебном», образно говоря, месте. Точнее – в рыбном. Он был рабочим рыбного отдела продмага. Что находился напротив кинотеатра «Азербайджан». Был там и кинотеатр, был и продовольственный магаз. По статусу, равный московскому «Елисейскому» магазину. Помню даже черную икру, развесную. Красной – не было... Ныне, там многое изменилось. В части прилегающего ландшафта. Улица эта, при совдепии, называлась «Джапаридзе». В досоветский период – «Ольгинская». Нынешнее название, мне не известно. Но нет проблем, вбить в поиск браузера и уточнить. Кому интересно, если. Так вот, в опустевших, после переезда цеха похоронных атрибутов, в комнатах разместил Эдик свои клетки. С птичками. Поющими и щебечущими, на всех тонах. Хорошо, что в том подвале, не было соседей. Были бы конфликты. По поводу птичьего шума. Вот не было, в те времена, у нас прибора, для измерения бытового шума. В децибелах. Привёл бы, в справочном порядке. Когда поутру, просыпаются пара десятков певчих пташек, это становится заметным. В части шумовой нагрузки.

«Охотничий» сезон, бывал в осенне-весенний период. Когда птахи перемещаются либо на «зимние» квартиры», либо на летние. В чём состоял процесс отлова? В так называемую ловушку, в центральный отсек, помещалась птица-манок. Смотря, на добычу какого вида рассчитывает ловец. Если, например, ловим щеглов, то и «манок» соответствующе-

го вида. Не делали различия, лишь нахальные воробы. Они не обращали внимания на породу птаха, заключённого в центральном отсеке. Но попадались они, крайне редко. Городское житьё-бытьё, научило осторожности. Вокруг секции с манком, были ячейки с самозахлопывающейся дверцей. Ловушка могла быть и шестисекционной, и с одной лишь дверцей-автоматом. Это зависит от фантазии автора. Процесс ловли – несложен и увлекателен. Для охотника, конечно... Динамика такова: манок в ловушке, слышит трель пролетающего соплеменника и издаёт призывный клич. Затем, наступает волнующий момент. Потенциальная добыча, либо пролетит мимо, либо сядет. Необязательно, вблизи охотничьей снасти. Главное, что начался волнительный этап. Замаскировавшийся в укрытии ловец, напрягается в охотничьем экстазе! Застывает, в ожидании... Прилетевшая птица, или птицы – вступают в диалог с манком. Подходят ближе и замечают аппетитные семечки, рассыпанные по доньшку ловчей секции. Вот рыбак не видит, как рыба приценивается к наживке, на крючке. А птицелов – видит. Да не рыбу, видит, а птицу! Как она примеряется, и... Либо совершает, трагический для себя, прыжок на горизонтальный пруттик, над порогом ловушки, либо нет. Но если голод взял вверх над осторожностью, и птаха прикоснулась к этому фальшивому порогу – происходит срабатывание пружины. И дверкой, ранее лежавшей на грунте, пленника закидывает во внутрь. Теперь, вольная доселе птичка становится пленённой. А охотник –

улучшил своё благосостояние. На один, или насколько рублей.

На один рубль «поднялся», если попался чижи́к. Или зеленец. Это лесная канарейка. Размером, чуть меньше воробья. Серенькая – самочка, с зелёной грудкой – самец. Если щегла словил, то это «трёшка». Зяблик, доходил до «пятёрки». Но редко. Не часто залетала в наши пенаты птица «реполов», в разговорном варианте – «репел». Последний, был стабильно, по пять рублей. Были «малиновки», были и синички. Малые и «московки». Те – покрупнее. И плотоядные, в отличие от малых. Но в неволе, синички не были интересными. Они плохо переносили содержание в клетке. У меня был случай, когда большая синица прожила целый месяц вне клетки, просто в квартире. При закрытых окнах, конечно. Зимой. Гадила, видимо – на шкаф, или за него. В этой части, беспокойства не было. Забава начиналась, когда кто-то садился за обеденный стол. Синичка – тут же присоединялась. Нахально, хоть в тарелку и не лезла, но намекала, что – «делиться надо». Умора! Судьба пленницы была прервана ударом об оконное стекло, куда она устремилась, со всех своих сил. Однажды. У нас, на-глазах... Это уже ближе к весне было. Скорее всего, слышала голоса соплеменников. Некоторая, «чистая» прибыль, от всей этой птичьей истории, была. Но уж очень невеликая. С учётом сезонности. Всё-таки – это было хобби. Но, наводящее на размышления. Стоит ли учиться в школе и институте, для того чтобы за-

работать «на хлеб насущный»? Птицеловство предоставило наглядный пример, как можно, глядя в небо, про себя думать «вот пять рублей полетело». А не мои ли?? При инженерской, месячной ставке в 120 рублей... И как-то не наблюдалось, что желание «трудиться на общее благо» – было повсеместным. Вопреки газетно-телевизионным декларациям. «От каждого – по возможности, каждому – по труду», при социализме. «Каждому – по потребности», при коммунизме. Эти и подобные мантры, ничего, кроме сарказма, у населения – не вызывали...

С птичками, в параллели, развивалась «велосипедная» тема. Аппарат был получен «по наследству», от родственницы. Степень родства с которой я могу определить только как – «дочь двоюродного брата моей бабушки, по отцу». Возможно, что таковая родственная связь имеет какое-то своё терминологическое название, но мне оно не известно. Скажем проще – этот велосипед «Орлёнок», ранее принадлежал Лене Бушневой. Которая была старше меня, лет на семь, на восемь. Папа Лены – дядя Шурик, или Александр Александрович, был преподавателем. Институтским. Сам он учился, ещё у остатков царской профессуры. Поэтому и стилистика его методов работы со студентами, была специфическая. Мне рассказывал мой папаня, который был студентом дяди Шурика, в своё время, в АЗИ: «Сан Саныч, проверяя чертёж студента, не делал аккуратных карандашных пометок, где и что следует исправить на ватманском листе, а обмакивал пе-

рьевую ручку в красную тушь и писал поперёк листа «Перечертить!». Дядя Шурик, в моём ещё детстве, приобщил подрастающего родственника к литературному жанру «научной фантастики». Коей сам был любителем и коллекционером. При совдепии, книги этой тематики издавались, но такими малыми тиражами, что сразу же после выхода «в свет» – книжка становилась библиографической редкостью. В отличие от изданий марксистско-ленинской тематики. Этой макулатуры, было полным-полно. Сан Саныч Бушнев – был уникам! Теперь, таких не делают... Жили они по улице Мясникова, по-моему, так она называлась. В их дом упиралась коротенькая улочка, в один квартал, где располагался бар «Новбахар». На углу, ещё гостиница была «Гёк-Гель». Помолодости, перед работой, поутру, дядя Шурик плавал до острова Наргин и обратно. Это, километров пять-шесть. Тогда, бухта ещё не была загажена мазутом, как во времена моей молодости. Просто, раздевался, оставлял одежду на бульварной скамейке и прыгал в воду. Какому стилю плавания он отдавал предпочтение, мне не известно.

На этой же улице, где жил Сан Саныч, но на другой стороне и ближе к садику Парапет – проживала семья Берберовых. С главой этого семейства и водил дружбу Бушнев-старший. Однажды, пришли мы в гости, к дяде Шурику. Папане нужна была консультация, по металлообработке. Он реставрировал двигатель многострадального семейного автомобиля. И все работы осуществлял сам. Но к помощи и консультациям уз-

ких специалистов, всё-таки прибежал. По мере возникновения необходимости. Так вот, тогда ему потребовалась консультация дяди Шурика. Относительно класса чистоты обработки поверхности. В частности, а не следует ли, при обработке цилиндров двигателя, произвести такую суперфинишную операцию, как «хонингование»? Дядя Шурик развеял папины сомнения, краткой лекцией. И даже открыл и продемонстрировал какой-то справочный материал. Книгами, в его кабинете – были заставлены многочисленные шкафы и полки. Покончив с деловой частью, Бушнев предложил нам, с папой – посетить интересного человека, его друга. Который живёт в трёхстах метрах, всего. Но требуется, попервоначально, посетить продмаг и приобрести палку докторской колбасы. Такова такса, за посещение. Выяснилось, что сосед, по фамилии Берберов, архитектор по профессии – дома содержит льва. Поэтому, желающие потрогать настоящего льва, из числа близких знакомых хозяина, могут это сделать. Принеся батон колбасы. Тариф... Предложение было неожиданным. Но мы с папой, в один голос, поблагодарили Сан Саныча. И скромно отказались. От такого экстрима. Я и к собакам большого размера отношусь с некоторой опаской. А тут, лев! Ну его, на фиг. А колбасу, лучше, сами съедим... Прикольно, конечно, но уж больно стрёмно. Вот так я и не встретился со львом, по кличке Кинг. Этого зверя, впоследствии, все увидели. В кинофильме «Приключения итальянцев в России».

Ещё, у Сан Саныча – был друг, который писал научную фантастику. Не один, а с напарником. Таким образом, мне была выдана, для прочтения, книга «Экипаж Меконга». Вот только кто из соавторов, Войсунский или Лукодянов – приятельствовал с Бушневым, не помню. На этом, перечень выдающихся моментов, запомнившихся мне об этих наших родственниках, не заканчивается. Ещё, была у них очень приятная в общении с ней, собачка. Породы – длинношёрстная такса. Шоколадного цвета. Девочка. Звали её – Китти. Для тех, кто вообще, «не в теме»: эти собаки применяются для норной охоты. Поэтому, они такие коротконогие. Но, всё равно, охотники! Интересно появление папаши упомянутой Китти, на территории СССР. Кто-то подарил эту собаку Н. С. Хрущёву. Из числа американцев. Во время визита Хрущёва в Америку, или в более спокойной обстановке, в Москве, утверждать не берусь. Потому как, не помню. Далее, один из отпрысков хрущёвского экземпляра, через кого и как – не знаю, но попал в Баку. Китти была чрезвычайно приятным животным. И плодовитым. Поэтому, сей факт могут подтвердить многие друзья-знакомые Бушневых, из числа бакинцев, того периода. Тётя Мила Бушнева, супруга дяди Шурика, преподавала в АЗИнефтехиме. И мне, и моей мамане. В студенческие её времена. Предмет, который тётя Мила, она же Людмила Алексеевна, доносила до студентов – именовался просто, без затей. Начертательная геометрия. Для тех, кто не «физик», а «лирик», поясняю: зная хотя бы

принципы этой науки, вы сможете построить плоскостную развёртку, любой объёмной фигуры. То есть, можете сразу стать закройщиком. Или закройщицей. Ваши изделия, будут «сидеть» на манекенах – идеально. Каким образом, ещё в бытность студентом, я успешно применил эти знания, на практике – об этом напишу позднее. Когда буду описывать интересные и памятные мне, события студенческой жизни. И как дочь дяди Шурика и тёти Милы, Лена – преподавала мне лекционный курс «вычислительная техника». Целый год. Всё в том же АЗИнефтехиме.

А ещё, мне от Лены достался велосипед «Орлёнок». Длительное время он висел у нас, на кухне, под потолком. Высота нашего жилого помещения, превышала четыре метра. На сколько именно сантиметров, сказать не берусь. Не мерял. Полагаясь на авторитетное заключение папаши. Так вот, наконец-то долгожданное свершилось – агрегат был спущен на пол. В комплекте с автомобильным ручным насосом. Который был папаней приспособлен под использование, с велосипедными камерами. Почему говорю «насос был спущен»? «Прихожка», метров шесть квадратных, была папаней разделена, на два этажа. Собственно, сама «прихожая» и второй этаж, над ней. Это мастерская и мини-склад всякой сопутствующей всячины. И различного инструментария. Както: тиски, сверлильный станочек, настольный токарный станочек, куча инструментов и сопутствующая тьма разнокалиберных жестяных баночек. Содержащих в себе гаечки, шай-

бочки и прочие атрибуты монтажа механических и электрических устройств. При совдепии, приобрести в магазине из всего числа метизов, можно было только гвозди. И иногда, шурупы. А болты и болтики считались атрибутами промпроизводства. А зачем советскому человеку таковое, в квартире? Что он собирается там строить и ваять? Всё необходимое для жизни и комфортного быта, под руководством партии – планировал Госплан. И всякая самодеятельность, в части создания чего-то нового, не произведённого доблестной советской промышленностью не имела права на жизнь и развитие по определению. Потому как, если все и каждый, начнут производить что-либо незапланированное партией и правительством, и не включённое в очередной пятилетний план – это что же получится? Да произойдёт расшатывание устоев госмонополизма и будет посеян дух вольнодумства! А этого допустить нельзя.

Но в некоторых личностях, желание «не слиться с серой массой», было весьма сильным. Люди-то, ведь разные бывают. Вот и мой папаня, из бунтарских потаённых побуждений, видимо, перекрасил этот, зелёный велосипед «Орлёнок». В жёлтый, с красным. Красными были алюминиевый руль, от гоночного «Старт шоссе». Область педалей, на раме. И там, где крепятся колёса. Сантиметров по пятнадцать, от оси колеса. Ещё папахен выискал в каком-то магазине, новые покрышки и камеры. Старые покрышки, были уже почти «лысыми». Это, Лена их так «укатала». Покрышки бы-

ли цвета, скорее – ближе к красному. Я на этих покрывах, ещё серебрянкой, то бишь алюминиевой пудрой, размешанной на клее БФ, покрасил борта. На сидении, в качестве чехла был какой-то, уже потёртый кожзаменитель. Содрав который, я обнаружил, что под первым чехлом, есть ещё один, войлочный. Поплотнее солдатской шинели. Но, водопроницаемый, конечно. Так ведь, оно и к лучшему! В общем, велик был «на редкость» удачным. Уж, я его и холил, и лелеял! Соответственно и гонял «со всей дури». И на Шиховский пляж, конечно. В пляжный сезон-то! Поначалу, ездили мы всей нашей уличной велосипедной компанией. Все вместе. Потом, мне стало понятным, что я люблю ранним утром, войти в ещё прохладную, после ночи, морскую воду. Когда пляж ещё не забит народом, который прибудет, часам к одиннадцати. Так и завёл я обычай – на Шихово ездить, на велике. Сам, один. А к началу наступления полуденной жары – уже дома принимать прохладный душ. Появление велосипедистов, среди отдыхающих, администрацией пляжа мягко пресекалось. Мол, идите дальше, в сторону Карадага. Никому мешать не будете. И велосипеды ваши, целее будут. Ведь люди сюда приехали отдохнуть, а не об ваши железяки спотыкаться.

Вот я и отработал оптимальную технологию. Отъезжал в сторонку, по побережью. На километр. Или чуть менее. Сбрасывал одежду и обувь. Прикапывал обмундирование в песок. А велик притапливал, в паре метрах, от кромки во-

ды. Сигареты и спички, также присыпал песочком. И уже абсолютно спокойный, отдыхал, в своё удовольствие. Иногда окунаясь в прохладную водичку, а иногда покуривая очередную сигаретку. Потому, что в ещё более раннем возрасте, я усвоил, непреложно «враг не дремлет»! Смешно, но такова жизнь... Во времена моего детства, по телику крутили бесконечные фильмы про войну с гитлеровцами, про партизан, в лесу. И глубоком тылу. Хоть и чёрно-белые, но многосерийные. Море фильмов: «Майор Вихрь», «Четыре танкиста и собака», «Операция Сатурн», «Сатурн почти не виден» и прочие. Не говоря уже о фильмах, описывавших более ранний, но не менее героический период. Типа «Свадьба в Малиновке» и «Операция Трест». Советского школьника, того периода не надо было специально готовить, для заброски в глубокий тыл противника. Он был и так – «Всегда готов!». Подрывник-диверсант, спал почти в каждом. Шпиономания зашкаливала. Пограничник Карацупа, с проверенным Джульбарсом, охраняли рубежи Родины. В действительности, пограничники были более нужны, чтобы наши жители не разбегались... Ну и приграничную, нелегальную торговлю сдерживали. Контрабандную. Так вот, однажды, ко мне всё-таки подошли, на пляже. Двое, в штатской одежде и обуви. По замашкам, видно, что – менты. Шли они ко мне, целенаправленно. Я их издалека «срисовал». Сижу, курю. Подошли: «а чего ты здесь делаешь?». Я: «загораю и купаюсь». Они: «а почему так далеко от людей?». Я: «среди людей, с велосипе-

дом – нельзя!». Они: «а велосипед, где?».

«Здесь», – отвечаю. И киваю головой, в сторону моря. Выжидаю, пару секунд. Дабы «не обострять», спрашиваю: «Показать?». «Покажи» – ответили мне строгим голосом. Я выудил велик из воды, держу в руках. Это я в воде, выше колен, стою. «Что это, за велосипед, такой?» – спрашивают. «Орлёнок» – отвечаю. Те: «А сразу и не узнать! Кто это тебе его так перекрасил? В автосервисе, наверное? Отец, где работает?». «Вот отец и перекрасил. Он работает в девятиэтажном, новом здании, что за телевышкой, рядом с гаражом Совмина. Напротив, мотодрома СКА. Инженером там работает.» – ответил я. А здание это было, только что отстроенным. И про него, всякие «загадочные басни» ходили. На объекте, не было ещё никаких опознавательных знаков. Да просто, табличку с названием фирмы, никак не удосуживались повесить. А может быть, директор этого Специального Конструкторского Бюро – Шамиль Джафаров, специально держал паузу. Шутки ради. Место там, совершенно глухое. Конец города. А Бюро занималось разработкой и внедрением технологий раздельной эксплуатации нефтяных скважин. Это значит: одновременно, из одной скважины, добывать и нефть, и газ. Дорога, к этому СКБ, не была наезженной. Кроме легкового совминовских, туда и ездить было некому. Хотя, если проехать далее, повернув влево, на Т-образном перекрёстке, и по бульжной трассе, которую ещё Нобель проложил, поехать «в спуск» – можно было выехать на центр «20-го участ-

ка». Это я для бакинцев маршрут расписываю. Для знатоков, старых закоулков города. Телевышку, я упомянул прежнюю. Новую, строить начали только в самом начале 80-х.

Хотя, может быть, установка вывески – была более глубокомысленной акцией. Со скрытым, контрразведывательным смыслом. Помнится, появление в Баку – «Института космических исследований». В середине 80-х. Адрес, точно вспомнить не могу. Где-то, вдаль, по проспекту Ленина. Там, на площадке, ещё бюст К. Маркса стоял. Так, вот – работала там одна знакомая девушка. Бухгалтером. Только что окончившая «Финансово-кредитный техникум». Который, располагался рядом с садиком «Трёх граций». В разговорном обиходе, бакинцев по моложе, эти три грации были маркированы другим литературным термином. Который, все считают ругательным. На букву «б». Наверное, это было простым совпадением, но почти 100% обучавшихся в этом техникуме – являлись студентками. Особи мужского пола, почти отсутствовали. А при Романовых, этот садик именовался «Молоканским». Так вот, эта девушка Марина, получила распределение. В упомянутый «Институт космических исследований». Для тех, кто не в курсе подробностей советского способа трудоустройства. Правда, принудительного. Но – гарантированного. На три года. После окончания учебного заведения. Внемлите! Отвертеться, от этого «подарка судьбы», было сложно. Но, решаемо. Кому-то, сие, было вполне приемлемо. И, даже – желанно. Ну, а кому-то, совершен-

но – напротив. Как и куда «слился» я, получив распределение на предприятие Мин. ХимПрома, в городе Сумгаите – опишу, позднее. Так вот, что рассказывала молодой специалист-бухгалтерша Марина. О своей работе. «Опаздывать – нельзя, уходить раньше окончания рабочего дня – нельзя. Всё, очень строго!» – округляла глаза Марина. «А занимаетесь-то, чем?». «Я, в основном, в настольный теннис играю. У нас столы теннисные есть. В коридоре. Кто-то, в шахматы играет. А кто-то, в шашки. В нарды – нельзя. Слишком шумно, получается.» «А работников сколько, всего?». «Пара десятков, приблизительно. Но – это секретная информация!».

«Когда у тебя на работе, будут задавать вопрос, о том, кто интересовался твоим новым местом работы и расспрашивал о подробностях, не стесняйся – называй меня. Имя, фамилию, отчество и адрес проживания сообщи. Так надо. Это – секретно!» – прикалывался я, с абсолютно серьёзным видом. Марина была девушкой помладше, с незамутнённым особым интеллектом сознанием. Про себя, сделал вывод, что это чекистские штучки, скорее всего. Насчёт Института космических исследований, на одной из центральных транспортных магистралей крупного города. Подобные учреждения, должны располагаться в менее оживлённых местах. А демонстративно открыто расположенное подобие якобы серьёзной фирмы, но набитой неозадаченными трудовой деятельностью людьми – говорит только об одном. Что этот спектакль-пустышка. Наживка, для проявляющих настойчивый

интерес. Если таковые появятся. Но отчёт о проделанной работе и освоённой смете – будет написан. Будут совещания и работа над ошибками. Будут поощрения, а также и взыскания. В общем, работа пошла... Собственно, она и не прекращалась. Ведь – кругом одни враги! Но, вот с одной, разведывательной акцией заокеанской державы, я столкнулся реально. В доармейские, послешкольные свои времена. Летом 1975 года. На приморском бульваре города Баку. На американской выставке «Быт и жилищное строительство в США». Об этом – напишу позднее, когда буду описывать свои приключения, под знамёнами Советской Армии. Не пропустите! Приколитесь...

Вот и пришло мне время, подумать о продолжении обучения. Концептуально. Окончив восьмилетнюю школу, каковой являлась школа №3, я оказался перед первым возникшим вопросом о «выборе жизненного пути». Ситуация в сфере школьного образования была, на тот момент, такова. Получившие обязательное, неполное, среднее образование могли либо продолжить обучение в средней школе, либо совершить переход в профессиональное училище. Которое предоставляло возможность завершения среднего образования, плюс обучало навыкам какой-либо выбранной профессии. С присвоением начального квалификационного разряда. Либо, можно было продолжить обучение в вечерней школе, устроившись на работу. Как сделал мой сосед Игорь. С которым, мы проучились вместе, эти 8 лет. Он прожи-

вал на первом этаже, а я на втором, нашего дома. Так вот, этот Игорь устроился на каком-то заводе, учеником. В «Чёрном городе». Кажется, завод имени «Петра Монтина». Какой именно специальности он там обучался – не знаю. Помню лишь его рассказы о том, что работает на шлифовальном станке. Зарплата, рублей 70-80 в месяц. Учёбу он продолжил в вечерней школе. Которая располагалась в помещении дневной, 134-ой. Посещать школу нужно, но строгостей, по части «прогулов» – гораздо меньше, чем было в нашей дневной. Никто родителей не вызывает, никаких нагоняев и нудных нравоучений не читает. Получалось, что выбравшие путь продолжения обучения в дневной школе, совершали его под давлением родителей. Либо, вопрос совершения выбора, просто не вставал. То бишь, предки и не представляли, как это их дитя, преждевременно будет вовлечено, во взрослую жизнь. О работе на заводе, Игорь рассказывал, без утайки и комплексов. Как было...

Но мои невнятные размышления, о прекращении учёбы в дневной школе – были пресечены папаней. Он кратко обрисовал мне перспективы начала трудовой деятельности, на заводе. Рассказал, о своём опыте, начала работы на буровой скважине. По окончании института. Короче, продержался он там недолго. И сумел сбежать в объединение АзНИПИ-нефть. Где и проработал, почти всю жизнь, за исключением 10-ти лет. Эти 10 лет, папаня напрягался в ОКБ РЭ, о котором я говорил выше. А причиной, по которой папахен поки-

нул руководимое академиком Сеид Рза объединение, послужил следующий случай. В лаборатории, где папаня напрягался, разрабатывали прибор, который определяет «глубину прихвата бурового инструмента». Для сограждан, не отягощённых знанием подробностей бурения, поясню, вкратце. Как выглядит буровая вышка, все знают. Так, как же происходит таинство сверления поверхности Земли-матушки? А осуществляется это действие посредством вращения «буровой колонны». Которая состоит из соединённых между собой труб, в окончании которых, находится сам «буровой инструмент», или «шарошка». Эта самая «шарошка» и вгрызается вглубь. В поисках нефти, или газа. В земных-то, во глубинах. Одна из опасностей процесса – смещение пластов грунта, относительно друг друга. Которые могут сильно сжать буровую колонну и процесс бурения будет прекращён. Из-за невозможности дальнейшего вращения буровой колонны. Далее, процесс останавливают. Требуется произвести ряд манипуляций, для восстановления дальнейшей работоспособности скважины. Вот тут и нужен прибор, для «определения глубины прихвата бурового инструмента». А его, на тот момент и не существует. В готовом виде. В мировой практике. Не изобрели, ещё... Во, как.

Тем временем, лаборатория в которой работал папа, как раз и должна была разработать, испытать, утвердить и внедрить подобное чудо инженерной мысли. В упомянутой лаборатории, работали 14 человек. Включая и заведующего лабо-

раторий Александра Абрамовича Эпштейна. Так приключилось, что только у моего папани и его напарника Межлумова была реальная склонность к работе, в направлении изобретательства и внедрения. Дядя Сёма Межлумов делал всю электронику, а папаша – всю механику прибора. Работали они денно и нощно. Главное, что увлечённо! И в самой лаборатории, и в полевых условиях. То есть – на буровых. Испытывая своё детище. Вот наступил решительный момент финишных испытаний, дооформления всей документации и отправки заявки. В Госкомитет по изобретательству и рационализации. Наконец, бумаги отправлены, наступил период ожидания ответа. Из Москвы. Ждали, ждали и дождались. Авторское свидетельство на изобретение, утверждённое Госкомитетом – пришло. В качестве авторов изобретения, в документе перечислены все работники лаборатории. Внимание! Весь коллектив – не в курсе. И вот, Сеид Рза вызывает к себе Эпштейна и его зама Аважанского Юрия. И спрашивает: «какова степень готовности прибора?». На что слышит, в ответ: «Все работы уже находятся на этапе завершения. Но мы столкнулись с проблемой «соосности». У нас, в приборе, есть узел, где есть «труба в трубе» и каждая вращается в свою сторону. И со своей скоростью. Этих труб – 3 штуки. Вот эту трудность преодолеем и можно полевые испытания начинать». В ответ, директор института протягивает заведующему лабораторией утверждённое Москвой авторское свидетельство, на изобретение. Где перечислены все сотрудни-

ки лаборатории. И в самом конце списка – Петров и Межлумов.

Каким образом, аппарат для определения глубины прихвата бурового инструмента, относится к вопросу о моём образовании? Вот, непосредственно и относится. Средний аттестационный балл, который значился в моём свидетельстве об окончании восьмого класса, равнялся 3,3. Прекрасная цифра, для того, чтобы пополнить ряды учащихся ПТУ. То бишь, на общих основаниях, пристроиться в приличную школу, в 9-й класс – вопрос был более, чем спорный. Но, в мозаике моей тогдашней, жизни уже был ответ. Супруга дяди Сёмы Межлумова, Лала Сарухановна – преподавала математику, в школе № 160. Те, кто читает этот текст, могут вбить в поиск: и номер школы, и Лалу Сарухановну. И увериться в том, что я попал в приличное учебное заведение. Которое, несколькими годами ранее меня, окончил уважаемый Гусман Юлий. А ещё, ранее Юлия Соломоновича, в 160-ой отучился первый председатель Конституционного Суда РФ. Ныне, школа преобразована в гимназию. Так вот, Лала Сарухановна, представила меня тогдашнему директору Хахановой Инне Иосифовне. Та посмотрела, на меня строго, но приняла в 9-й класс. Таким образом, открылась очередная глава моей жизненной летописи. Пятого сентября того года, я уже был изловлен, за курение в туалете. Что пресекалось строго. Отловлен был одним из двух наших школьных преподавателей физкультуры. Старшего из них, Музы-

кантского – оказывается уже предупредил его коллега, мой дядя. Преподававший физкультуру, в школе №200. На Инглабе. Судья по волейболу, всесоюзной категории. Дядя Боря. Или Борис Михалыч. Летом, дядя Боря всегда заведовал каким-нибудь пионерским лагерем, на побережье. И меня, естественно туда определяли. Так что Борис Михайлович был в курсе, что племянник не совсем «сорвиголова», но постоянный контроль требуется. Музыкантский сигареты мои изъял и отправил меня за родителями. Ну, ближайший родитель – маманя, работала в паре кварталов, от школы. В АЗИнефтехиме. Куда я и сгонял, оповестив родительницу, что «сезон открыт».

Совсем упустил один эпизод, из истории обучения в третьей школе. Поэтому, вернусь назад, на пару лет. Начну, с самого «начала» учёбы в седьмом классе. А начался он – ленивым расставанием, с каникулярной «вольницей». Погода, всё ещё летняя и никакого нет желания, за партой сидеть. Вот я и повадился отпрашиваться домой, якобы в связи «с болями в правой, нижней части живота». Это в прошедшем учебном году, моему соседу и однокласснику Игорю, сделали операцию. По удалению аппендикса. Забрали его «по скорой», прооперировали в больнице им. Семашко. Но заживало плохо, резали второй раз. Вот таким образом, в поле моего зрения попал человек, который перенёс две операции, остался вполне жив, но не посещал школу целую четверть! На совершенно законных основаниях. Тут было, над чем по-

думать... Но, в самом начале «аппендицитной эпопеи» чёткого плана, ещё не было. Просто, было стойкое желание свалить в кино, вместо занятий. Но, в один прекрасный день, маман, зашедшую в школу, по какой-то пустяшной надобности, завуч Людмила Константиновна ошарашила одной фразой. «Вы обратили бы внимание на здоровье сына, он в неделю, трижды, отпрашивается с уроков». Вот оно и началось! Придя домой, мама устроила мне допрос. Где болит, почему молчишь об этом, как давно началось и так далее. Через пару дней, меня уже осматривал доктор Рошаль. Из хирургического отделения Шаумяновской больницы. У себя дома. За 10 рублей. Проживал, он рядом с магазином «Мелодия». Что напротив кинотеатра «Азербайджан». Вот, вечером, после работы, он нас и принял. Выслушал жалобы и велел лечь, заголив живот. Начал мять мои кишки-потрошки. Он нажимает, а я делаю такую физиономию, будто мне больно, но вслух отвечаю: «нет, не больно». Доктор, выдал решение: «Надо понаблюдать, в стационаре. Желтухой, говорите болел? Вы положите его в нашу больницу, в терапевтическое отделение, понаблюдаем, а там – видно будет».

Мама, быстренько, устроила направление в Шаумяновскую больницу. Хотя, нам положена была больница им. Семашко. Шаумяновская – для тех, кто живёт к ней поближе, в том районе. Но, не в этом дело. Уложили. В терапию. Лежу. Хожу. Скучно страшно. А тут ещё и температура какая-то навязалась. 37,2 С. Среди дня. Утром – нет. И вече-

ром – нет. А днём – есть. Может быть, так и раньше было, но, кто же её мерял? А в больнице, стабильно. Тем более, что лечащий врач-терапевт это заметил, и поставил на контроль. И ничего, нигде не болит. Разок наведалься Рошаль. Так провалялся я в терапии, недели две. А то и чуть больше. Мне делают всякие анализы, кормят таблетками. Несильно. Но никакой ясности, какие планы у врачей. Вдруг, бац – меня переводят в хирургию. А я-то начал уже прикидывать, скоро ли этот эпизод, больничный, прекратится. Оказывается, ситуация идёт, по другому сценарию. Лежу в хирургии, несколько дней, обживаюсь. Тут, меня, уже, доктор Рошаль посещает, почти каждый день. В коридоре, стол дежурной медсестры. Рядом – шкаф стеклянный, с медикаментами. И вот, вовнутрь этого шкафа, вывешивают новый список фамилий больных, ежедневно. Это те, кого будут резать, завтра. С опаской, просматриваю столбик фамилий, по вечерам. Тишина, нет моей фамилии. Ещё, несколько дней. И вот – опаньки, на завтра. Я – списке! Срочно звоню домой. В вестибюле был телефон-автомат, двухкопеечный. Извещаю домашних, о завтрашнем. Думаю, ну вот, допрыгался... Но к виду прооперированных, я уже по привычке. Стало понятным, что неприятна первая ночь, после операции. Поднимается температура, и сильная боль докучает. Больной хочет пить, но ему не дают. Только губы смачивают. И на лбу, мокрую салфетку меняют. На следующий день – легче. А через пару-тройку суток, люди уже начинают ходить. Понемножку,

полегоньку, вдоль стеночки, аккуратноненько. Так что, живы будем! Но, зато, уже почти месяц, я «просачковал». Все одноклассники сидят за партами, а я отдыхаю! Так, себя утешая жду завтрашнего утра.

Поутру, появилась мама. Я-то был предупреждён, ещё с вечера, что ничего ни есть, ни пить нельзя. Вот, натошак и ожидаю, развития событий. Появились на работе врачи и медсёстры. Смотрю, прибежал и мой двоюродный брат, Володя. А он учился в АЗИнефтехиме. Так вот он и появился, облачённым в белый халат, в котором он посещал «азишные» лабораторные занятия. Так, что, за студента мединститута, коих всегда в отделении хватало – он, вполне, прошёл. Повели меня в операционную. Смотрю, а там два стола. И на одном уже вскрыли какую-то тётку. Подошёл к свободному столу, мне помогли взгромоздиться. Лёг. Операционная медсестра привязала мне руки бинтом, к железякам стола. Над головой. «Это чтобы ты не помешал врачу, импульсивно» – ласково пояснила она. Гляжу вверх и вижу, что там есть второй этаж. Окна, по периметру помещения. И там люди. В белых халатах. Смотрят вниз, на нас. Потом, оказалось, что мой двоюродный брат, проник со студентами-медиками. В этот застеклённый амфитеатр. И наблюдал, как меня «кромсают». А рядом со мной, на другом столе женщине удаляли камни, из желчного пузыря. Тогда ведь не было технологи «лапароскопия». Когда подобные манипуляции, совершают через небольшой «прокол». Так вот, эта тётушка была, под

наркозом. И в разрезанном её чреве, копались трое. Поэтому, с непривычки, братан был несколько шокирован. А тут ещё, стоявший рядом, студент-медик спрашивает его что-то. О ходе операции. Употребляя латинские термины. Братуха Вова, шёпотом объяснил ситуацию. Будущий врач сделал «круглые глаза», но смолчал. Из студенческой солидарности.

Резали меня без общего наркоза. Под местной анестезией. Больно, конечно. Но, терпимо. Рошаль со своим ассистентом, молодым парнем время от времени заговаривали со мной. Проверяли. Как я жив-здоров. По ходу дела, даже «прикалывались». Ассистент говорит: «Вот это то-то, или?». Имея что-то в виду, из ассортимента моего вскрытого чрева. Рошаль отвечает. Ассистент не соглашается: «Сомневайтесь? Давайте разрежем, и вы убедитесь!». Я начинаю возникать: «А может не надо, может и так сойдёт?». Рошаль говорит: «Сейчас будет немного больно. Кратковременно. Терпи молча». Как сказал доктор, так я и сделал. Стерпел молча. Без комментариев. А оказалось, что доктор этот самый аппендикс и вырезал. И трясёт им у меня, перед носом. «И как он у тебя болел? Воспаления нет» – буднично промолвил доктор. И ни удивлённо, и ни раздражённо... А совершенно, нейтрально. Ну, правильно, ведь это не из него лишние запчасти вынимают. Меня зашили и укатали в палату. Действительно, первая ночь была неприятной. Анестезия прошла и болело сильно. Встать мне велели, только, на чет-

вёртый день. Но не ходить, а просто постоять. Пару минут. На третий день, после операции, сняли швы. А на седьмой – выписали. Доктор получил свои 50 рублей. Согласно тарифа, того времени. Не, ну можно и бесплатно получить медицинских радостей. Но, за деньги как бы надёжнее. Здоровье-то оно одно. Своё, родное! Прибыл я домой, как путешественник, вернувшийся, из дальних странствий. Всё-таки, месяца полтора отсутствовал. Ну или чуть меньше. Одноклассники приходили, навещали. Приветы передавали. В общем, всё, как положено. Потом, ещё месяц просидел, дома. На справке. Вот так лишился я, этого самого аппендикса. Нужен он организму, или не нужен – ясности нет и по сей день. Зато, всю дальнейшую жизнь, я был спокоен, что эта беда меня уже не постигнет. В самый ненужный момент. Ни на суше, ни на море.

В девятом классе, птички мои, постепенно «сошли на нет». Компаньона по «птичьей охоте» Эдика Куджаева загребли в армию. Разница в возрасте, у нас была, три года. Велосипед, исчез из моего обихода, по другой причине. Дал покататься одному знакомому парню, на денёк. Он жил рядом, со школой №3. Октаем его звали. Несколько раз, вместе птичек ловили, в районе парка им. Кирова. Несколько раз, рыбачили. На Шихове. Не на пляже, конечно. А, не доезжая, чуть. Там военная часть была. И здоровенная труба торчала, в полосе прибоя. Через которую осуществлялся, видимо, сток пищевых отходов части. Сброс бывал утром и «под ве-

чер». В это время и бывал максимальный клёв. Что ловилось? Такие, небольшие рыбёшки, головастые. «Бычками» именовались. Ну вот, про Октяя. Взял он мой велик и сгинул. Но, уже, мне было не до велика. Далее, оказалось, что моя маман, дала этому Октяю 10 рублей, с тем, чтобы этот велосипед, больше в нашем доме не появился. Ну, да невелика потеря. Потому что, поначалу, я решил не запускать учёбу, а как-то держаться «в рамках приличия». А то, ведь приняли меня в новую школу – «по протекции». Не хотелось Лалу Сарухановну подводить. Вот я и попробовал, поначалу, хоть какое-то внимание, школьным урокам уделять. Но такой благостной привычки, как «делать домашнее задание» – у меня, как не было ранее, так и не появилось. Срабатывала уже устоявшаяся практика. Переписать готовое задание, у более ответственных девчонок. Поутру, пораньше. Видимо, так было везде и повсюду? Не знаю. Наверное. Но, нет, в 160-ой школе, которая считалась «сильной», большая часть пацанов, всё-таки, решали математические задания, дома. Это были ребята «коренные». Которые учились там с 1 класса. А как раз, в том году, когда я пришёл только и началась «система отсева» в ПТУ. После восьмого-то класса.

Я написал ранее, что некоторые ретроспективные очерки, о годах моей молодости изложены ещё в 2010 году, на сайте «День Кубани». И некоторые из них, сохранены, там, по сей день. Происшествие, о котором напишу сейчас произошло со мной, в процессе обучения в 9-ом классе. Об этом,

и о некоторых подробностях моей «первой школьной» любви, можно прочесть, вбив в поиск браузера: Ё-пэрэсэтэйка-9. Данный опус, здесь и сейчас пишется мною, в расчёте на то, что будет публикация, не только в цифровом формате. Но и в бумажном. А также и аудио-версия. Такой прогрессивный формат подачи материала, обеспечивает издательство Ridero. Поэтому, изложенное в «Ё-пэрэсэтэйка-9», проще увидеть, в цифровом формате, на упомянутом сайте. Дабы не повторяться, во второй раз. Интересуйтесь, кому интересно. Здесь, в этой версии привожу лишь итог моего обучения в 9-м классе. Имея кучу двоек, в третьей четверти учебного года, я был переведён в десятый класс – без экзаменов. И досрочно! Всё это потому, что получил некоторую травму. Которая в медицинской моей карточке, была зафиксирована как «перелом костей свода черепа, извилистый перелом наружного отдела правой глазницы, сотрясение головного мозга средней тяжести». Вся эта неприятность приключилась со мной, потому что я свалился с нашего балкона. Даже не с самого балкона, а с дерева, по которому я карабкался. И ведь вскарабкался. Но подломилась ветка, под ногами. В тот момент, когда я оттолкнулся, от таковой. Дабы зацепиться. За сам балкон. Но, не прокатило... Жив остался, но в Институте травматологии и ортопедии месяц отваливаться пришлось. Куда я поступил «по скорой». И первые трое суток, провёл «в отключке». Публикую фото этого бывшего, нашего балкона. Данное фото – уже история. На этом месте, ныне, но-

вое здание. Улица Ростроповичей, дом № 11. Ростропович жил в 16-ом. Или в 18-ом.

Таким образом, началось лето 1973-го. Некоторое время, после больницы я «берёгся», не напрягался, не перегревался – «вёл здоровый образ жизни». В обязательном порядке, посетил участкового врача. В районной, моей поликлинике №2. Что напротив Ахундовского садика. И занёс ей выписной эпикриз. Из больницы. Чтобы вклеила в мою карточку. Я уже предчувствовал, что этот документ, когда-нибудь, да пригодится. Что и случилось. Позднее. И неоднократно. Летом, мы с ребятами, повадились ездить на Шиховский пляж, на такси. Расклад был прост – набирали четыре человека. Каждый, давал «по рублю». Итого: два – туда, и еще, два – обратно. На общественном транспорте, «по-минимуму», это обошлось бы в 20 копеек. До Азнефти – пешочком, это даром. Можно, на троллейбусе. Тогда, ещё четыре копейки. За троллейбус. Можно проехать бесплатно. Если нет кондуктора. Ехидно посматривая на надпись в салоне транспортного средства «Лучший контролёр – это совесть пассажира». А выходя, показать водителю билетик, подобранный на полу. От Азнефти, до пляжа – кондуктор есть, обязательно. Автобусы, Икарусы-гармошки, машины есть коммерческие. Там, не забалуешь. Платить надо. Почему-то, эти рейсы именовались «полуэкспресс». И стоили они, по 10 копеек. С каждого. Поэтому, на такси повеселее было. Во-первых, быстро. Во-вторых, удобно. И в-третьих, весьма «понтowo». В Баку,

тогда, в шортах ходить не принято было. Потому как, шорты – это атрибутика буржуазная. А мы, страна пролетарская. Поэтому, закатав брюки выше щиколоток, во «вьетнамках», в расстёгнутой тенниске, или рубашке, с полужасучёнными рукавами – мы представлялись себе, «генералами песчаных карьеров». Или, типа того. Но, на такси. Во, как!

Вот и закончились «каникулы Бонифация». Снова началась учёба. Якобы. «В хорошем смысле этого слова» – как говорил «великий и ужасный» Доренко. Правда, пятьдесят лет спустя, он это говорил. То есть – совсем недавно. Ну, не буду отвлекаться. Школа, меня встретила «героем сезона». Этому способствовало, в немалой мере, отцово обращение в городской отдел народного образования. Каковое он сделал, ещё в тот период, пока я валялся, на больничной койке. Благодаря которому, и произошли дальнейшие «подарки судьбы». В виде моего перевода в десятый класс, без экзаменов. В связи, с пристальным вниманием к вопросу, со стороны отдела народного образования. После «внутреннего расследования», выяснилось – все мои семь двоек, в третьей четверти, оказались неправомерными. Дело в том, что во время длительной командировки, моей мамани, в Питер, которая и пришлась на описываемый период – я не пропустил ни одного учебного дня. В связи с крайним нежеланием «обострения», с папашей. Что было бы чревато... А получилось, в итоге, что у меня, в классном журнале, были проставлены «двойки». По предметам, по которым я не был опрошен, ни

разу. Собственно, меня не подвергали испытаниям, на предмет знания учебного курса ни по каким предметам. Но я аккуратно, присутствовал на всех уроках. В школьных стенах не курил. И вообще, вёл себя «тихо, как мышь». По причине, описанной выше. Было классное собрание, по итогам четверти, с участием нашего классного руководителя Альбины Фёдоровны Тарасовой. Я спросил у неё: «Откуда, эти мои двойки? Я ни разу, не был опрошен!». А она ответила: «Ты руку не поднимал, не стремился отвечать, ни по одному предмету». Ну, этаким подход был новацией... «Не пойман не вор», отметки в четверти обычно ставились, таким образом. Что обозначалось цифрой «три», в ведомости, за четверть. Значит, это был «прессинг». Направленный на «слив», меня. За неуспеваемость.

Учёба в десятом классе была приятна и необременительна. В школу ходил, как в клуб. Чувствовалось, что «избавление» не за горами. Преподавательский коллектив, уже притерпевшийся к выходкам отдельных персоналий, и в предвкушении «расставания», был терпелив и доброжелателен. Собственно, каждый препод, в отдельности были людьми хорошими. И даже, более! Вбейте в поиск: «Дмитрий Ростиславович Кочубеев школа 160». И мгновенно узнаете, с какой любовью и уважением, заслуженно, вспоминают о нём, бывшие ученики. Ему бы КВН вести. Было бы впору! Но, он преподавал физику. Зато, как красиво! Мне, к точным наукам не склонному абсолютно, на его уроки ходить, было

интересно! Вечная, ему память! Уроки английского языка, оставили самые тёплые воспоминания, по сей день. В школе, в каждой классной комнате, и в коридоре, на стенах были укреплены стенды. Выполненные в интересной технике. Эстетичные и функциональные. Правда, в минималистичном стиле. Но подчёркивавшим, их информационную направленность. На раму, из деревянных реек, была натянута грубая ткань, цвета «мешковина». А стандартные, писчие, печатные листки, с информацией крепились четырьмя канцелярскими булавками. Так вот, эта булавка, воткнутая в какую-либо, щель, в зависимости от глубины погружения в таковую, могла издавать звуки разной высоты. На такой технике, устроены различные народные инструменты. Когда некую упругую пластину, зажимают зубами и извлекают неповторимую гамму звуков. Подобные звуки извлекались при помощи этих самых булавок, выдернутых, со стендов. Наша преподавательница английского, Эмма Аванесовна, говорила: «Петров, если даже, я тебя удалю из этого помещения, а этот звук будет продолжаться, всё равно я буду знать, что это делаешь именно ты!».

Уроки русского языка и литературы, у нас вела супруга дяди Вити Авакяна. Который работал ранее, с маманей моей, в Лок-Батане. И вместе с которым, мой папахен построил детскую педальную машину. Поэксплуатированную, вначале Авакяном-младшим, а затем – мною. Фото детского периода, опубликовано ранее. Так вот, поначалу, подумал, что

хоть написанием сочинений, и на «вольную» тему, в том числе покажу, что как ученик, я и не такой уж и «никудашный». Ведь, единственное, на что я был способен, так это, разве что «сочинение написать». Но, не тут-то было! В отличие от моей самой почитаемой преподавательницы в 3-ей школе, Клавдии Ивановны Донцовой, которая приветствовала собственные мысли ученика, Нелли Минаевна Авакян придерживалась более консервативного взгляда. На методичку преподавания. Для получения приличной оценки, следовало списать всё, из учебника. Слово в слово. По литературе, у нас было два учебника – в одном, был сам текст произведения, а в другом – критический обзор персонажей, биография автора и прочие подробности. Вот, если из учебника, с критикой, «передрал» всё, без купюр, неизменно, тогда ты – «пятёрочник!» И не приведи Господи, что-либо нафантазировать. Чего нет, в учебнике. Оценка, мгновенно снижается. Я не сразу въехал, в эту особенность. Но, когда раскусил – сразу, полегчало. Сочинений на «свободную» тему, Нелли Минаевна избегала. Только, программные. Поэтому, открывай учебник и переписывай. А она сидит, за своим преподавательским столом и что-то усердно пишет. Таким образом, мне стало понятно, что от личности препода, многое зависит. Даже, в нашем, тоталитарном обществе. Где, казалось бы, нет никакой свободы, для проявления своего взгляда. Потому, как взгляд, у всех должен быть такой же, как и у Михаила Андреевича Сулова. Главного идеолога КПССии,

брежневского периода. «Человека в футляре», своего рода... Ну, ещё и уроки «военки», добавляли «заряд бодрости». Благодаря специфическому, армейскому оттенку стиля подачи материала. Коим наш военрук, полковник в отставке, Лев Иосифович Бендерский владел в совершенстве. «Ну, настоящий полковник!». Шутки шутками, но именно благодаря его «курсу начальной подготовки», в части строевых упражнений, мне было достаточно легко пережить период адаптации к армейской жизни. Когда меня призвали. На срочную службу. По сравнению с другими «салагами», я уже владел премудростями армейской шагистики. «Направо», «налево», «кругом марш» и отработанный «строевой шаг» добавляли мне уверенности, в неизменной успешности дальнейшей службы. Но об этом, позднее. А вот, уроки химии, вообще, стояли несколько отдельно. Моя маман, сама, будучи химиком-технологом, убедившись в том, что, лишь наняв частного репетитора, можно меня сподвигнуть, на изучение предмета. Что она и сделала. Некоторое время, я действительно прозанимался с «азишным» преподавателем. Мухиным Олегом, отчество забыл. Головокружительных успехов, я конечно не достиг. Но, какие-то «азы», в голове застряли. Поэтому, не могу не вспомнить, о нашей преподавательнице химии Миле Ильиничне. На её уроках, я вёл себя сдержанно. В «академическом» стиле. Без излишеств. Видимо, из «корпоративной солидарности». Она знала, что моя маманя напрягается в ВУЗе. В нефтехимическом. Что мне помогло, на

выпускном экзамене? В самом начале такового, наша экзаменатор сказала: «Кто вызовется отвечать первым, и без обдумывания – повышаю отметку, на один балл!». И как персонаж кинофильма Гайдая «Операция Ы», я сделал шаг вперёд, с возгласом: «Я». Прагматично подумав, что даже если Мила Ильинична оценит мои знания на «два», она всё равно, сдержит своё обещание. О завышении оценки. Поставив мне, вожделенную «тройку». Что и произошло, благополучно! Вот так, я и завершил свой школьный период. В выданном мне аттестате, о среднем образовании – просчитывался средний балл равный 3,3.

Вспомнил случай, без упоминания которого, моя «школьная летопись» была бы неполной. Случился у меня, такой приколот. Если препода задерживался, что бывало нечасто, то я выходил к доске и травил свежий анекдот. И вот, как-то раз, пару минут, ожидаем преподавательницу обществоведения. А мне как раз, днём ранее, рассказали свежий анекдот, в тему. Выскакиваю к доске и начинаю: «Первого сентября, приходит в класс новый препода и говорит, что предмет нашего изучения, будет – о любви. Не о первом виде, между мужчиной и женщиной. Не о втором виде, между двумя женщинами. Не о третьем виде, между двумя мужчинами. Наш предмет – о четвёртом виде любви. О любви к нашей социалистической родине. Предмет называется – обществоведение!». И делаю картинный жест, в сторону двери! Которая открывается и входит наша преподавательница об-

ществоведения. Фаина Эммануиловна. Класс – просто впал в истерику! От хохота. В те времена, Фаина Эммануиловна была молодым преподавателем. Ну а сейчас, она – директор, этой же школы. Пикантность текущего момента в том, что супруга моего бывшего одноклассника по институту, друга по жизни, Сергея Гаранина – Лиля, сейчас работает в этой самой, 160-ой школе. Математику преподаёт. А в описываемый момент, в далёком 1974-ом, Фаина Эммануиловна всё ещё продолжала обучение в ВУЗе. На вечернем отделении. Но её допустили к преподаванию, сделав скидку. Как бывшей школьной пионервожатой. Этой же, нашей школы. Так вот, я не хотел предавать огласке этот случай, из школьного прошлого. Как бы, нехотя, не повредить Лиле. А потом подумал – что за глупость... В связи, с моей излишней мнительностью. Чего только в учебных заведениях ни бывает. Не так ли??

Школа закончилась. Была совершена попытка поступления в АЗИнефтехим. Но, как и предполагалось, она завершилась неудачей. Срезался, на математике. После месячного отдыха, от трудов праведных – было принято решение. Что вылилось в посещение супруга маминой сотрудницы, по кафедре органической химии, на дому. Согласно заранее достигнутой договорённости. Пришли, с маманей и коробкой шоколадных конфет. Посидели, поговорили. С тётёй Фирой и дядей Султаном. За жизнь. По итогам разговора, дядя Султан сказал: «Приходи, ко мне на работу, завтра, в 10

часов». На том и попрощались. Ну, думаю, жизнь налаживается! Султан Пашаевич Исмаилов – директор Бакинского хладокомбината. Тем, кто не в курсе, это была фабрика мороженого. За стеной этого предприятия, находилась «Дунькина фабрика». Трикотажная, с носками и чулками. Своё, такое неофициальное название, эта фирма носила благодаря исключительно женскому персоналу. А по другую сторону стены, на хладокомбинате, кроме мороженого разных сортов производилась и газообразная углекислота. В баллонах. Как для газосварки, баллоны такие. Здоровенные. Но углекислота в этих баллонах была пищевого качества. И предназначалась эта радость, для поставки в торговые точки. Где осуществлялась реализация газированной воды. Населению. С сиропом, или без. И во всем знакомые автоматы, с газировкой, были установлены такие баллоны. Ещё, в твёрдом и очень холодном виде, углекислота именовалась сухим льдом. Сфера применения, также, пищевая. Это был ассортимент продукции Бакхладокомбината. Ну вот, к 10-ти часам утра, я прибыл в приёмную: «Здравствуйте, мне назначено. Петров, моя фамилия». По селектору, это было доложено выше. В ответ, селектор сказал, голосом директора: «Начальника механического цеха, ко мне. Петров – пусть заходит». Петров зашёл и поздоровался. Присел, после приглашения. А Султан Пашаевич и говорит: «Есть вакансии учеников слесаря и токаря. Куда желаешь? Я, в своё время начинал с токаря». Токарем, говорю. Рассудив, мгновенно: токарь, име-

ет постоянное рабочее место, в помещении. А слесарь – куда пошлют. Тут и начальник механического цеха прибыл. Я был откомендован и отправлен. Для начала оформления документов. Вот так и стал Петров И. Ю., образование среднее, беспартийный учеником токаря. С месячным испытательным сроком.

В процессе написания заявления о приёме, в отделе кадров мне объяснили, что после определённой стажировки, если не будет замечаний и нареканий, состоится квалификационный экзамен. И мне, будет присвоен соответствующий разряд. По специальности – токарь. Завершив формальности, благополучно отправился домой. На следующий день, в 7:50 местного времени, я был уже в ремонтном цеху комбината. Поясню, для неспециалистов. Токарь, фабрики мороженого не вытачивает эскимо на своём станке. Он лишь участвует в поддержании работоспособности существующего оборудования. Основного производства. Везде, где есть механические устройства – всегда есть потребность в их обслуживании. То там, что-то сломается, то здесь, что-либо навернётся. Это неизбежно, при любом техпроцессе. В 8:00 пришёл начальник цеха и подвёл меня к токарному станку. Одному из трёх, стоявших в помещении. К другому – подошёл человек, средних лет, уже переоблачённый в несколько замасленную спецодежду. «Вот, это будет теперь твой мастер. Ты – его ученик. Сдашь квалификационный экзамен, станешь самостоятельным работником. А пока что, это твой

наставник. Ну, приступайте...» – промолвил начцеха стро-го. И ушёл. «Женя, я» – бодро представился мастер. «Рабо-таю по 5-му разряду, живу в районе Монтино, неподалёку, от метро. Женат, двое детей» – продолжил он, закуривая. За-курил и я. Отказавшись от предложенных сигарет. И он, и я курили одну марку. Без фильтра. «Аврора» называлась, за 14 копеек. К металлическим монетам, в качестве сдачи, ба-кинское население относилось не очень трепетно. Когда дело касалось оплаты товара или услуги. Со стороны покупателя, конечно! Оставить продающей стороне "на чай", несколько копеек – считалось правилом хорошего тона. В республиках Закавказья, так было принято. В то время, как в Беларуси и Москве, бывало, как продавец кричал вслед: «Мужчина, вы сдачу забыли». Про Прибалтику не скажу, при совдепии, бывать там не доводилось. Равно, как и в Средней Азии.

Далее, мастер Женя провёл первый инструктаж: «Значит, так. В 8:00 надо уже находиться около своего шкафчика и начать одевать спецодежду. То, в чём ты был одет, придя из дома – следует повесить в свою ячейку. Запереть замок и ключ положить в карман. Висячий замок – с тебя. Здесь, его не выдадут. Купи в магазине новый, или принеси бэушный. Далее, проходишь в цех и включаешь электромотор, своего станка. Патрон не вращается, потому что ты ещё не вклю-чил никакую передачу. А движок, пусть крутится. На станок, слева, можешь положить коробку спичек. Даже пустую. Кто в неё заглядывать будет? Это всё показывает, что ты присут-

ствуешь, на рабочем месте. Но отлучился, на минутку. Если электромотор станка выключен – значит ты отлучился надолго. Или, тебя вообще нет. На работе. Значит, реально начинаем работать в 8:30. А первые полчаса, мы пьем чай и закусываем. Чем бог послал.» Вот так и начинался рабочий день, у нас. На пищевом предприятии. При развитом социализме. Кто-то жуёт свои бутерброды, принесённые из дома. А кто-то, сгоняет в вафельный цех, за свежими вафлями. Или с пустой, пол-литровой баночкой, в молочный цех. За сгущёнкой. Употребление мороженого, с утра-пораньше – считалось дурновкусием. Так как было сопряжено с потенциальным риском, нарваться на комментарий начальника цеха. О нерадивой жене, которая отправила на работу мужа, голодным. В зимний, только, период. Исключительно. Летом, в жару это неписанное правило не работало. Потому что – жарко! Меня, как самого молодого, не гоняли за сгущёнкой и прочими радостями. Памятуя то, что я – «директорский человек». О чём, всем сообщил начальник цеха. На всякий случай. Превентивно. До выяснения обстоятельств, что я за фрукт. Ну что же, вполне прагматичный подход. Ничего не скажешь. Люди взрослые, в тонкостях жизни уже разобравшиеся.

Вот и начались «мои университеты». Производственные. Мастер Женя оказался вполне коммуникабельным и доброжелательным наставником. Он подходил к своим обязанностям, вполне ответственно. С учётом того, что его роль опла-

чивается государством, дополнительно. Не помню, в каком размере, точно. Но, наверное, рублей 50. В месяц. Не более. Если бы учеников было больше, то общая сумма выплат – была бы меньше. Чем 50 рублей. За каждого. Не гоже, при социализме советского образца, работнику увеличивать зарплату, пропорционально вложенному труду. Мы же не буржуи. А за счёт чего же будет расти пресловутая производительность? Так вот, она и не росла. Реально. А в отчётах – ещё как! Женья рассказывал, об особенностях исчисления заработка, бухгалтериями тех предприятий, на которых ему довелось трудиться. На собственном примере. Без прикрас. «Работа у нас, здесь – повременная, не сдельная. Поэтому, более, чем на 40% своих возможностей работать не надо. Всегда, нужно иметь неиспользованный ресурс. Для чего? А вот, если возникнет ситуация, когда надо совершить какой-либо объём работ срочно. Ну, мало ли почему... Вот, надо и всё! Доплатить деньгами, за срочность, бухгалтерия не может. Нет таких полномочий. Они работают, как им предписано. Так как же стимулировать работягу, для совершения трудовых, сверхнормативных подвигов? Ответ один. Только предоставлением отгулов. В количестве, оговариваемых рабочих дней. И вот, начальник цеха тебе говорит, например – что срочно, что необходимо, что «изо всех сил» ... Иначе – «конец света», для всей фабрики. Вот тут, зная слабые стороны системы, надо начать торговаться. Мол, резцы новые, с твёрдосплавными напайками, сколько времени, нам снаб-

жение обещает? А у нас, резцы-то уже все закончились. Сам знаешь! Но, есть у меня, дома, в загашнике, ещё с предыдущего места работы остались. Вот я и берегу их, на особый случай. Он и наступил, наверное? Так что ещё, плюс три отгула!

А приключилась такая ситуация, лет несколько назад и Женя назвал предприятие, какое-то крупное. Вот пришёл новый токарь, в цех. Молодой парень. Взялся он работать, поначалу, изо всех сил. На том предприятии, система оплаты, была сдельная. Платят от выработки. Но, в этом случае, есть некоторые, скрытые подробности. Которые, не заметны. На первый взгляд. Человеку неопытному. Далее, коллеги ненавязчиво указали ему, этому молодому на ошибочность такого, «стахановского» поведения. Объяснили перспективу. Он не понял. Продолжил надрываться. Прошёл месяц. Бухгалтерия начислила – ему заплатили. Согласно выработки. Но уже на следующий месяц, этот деятель доигрался. Расценки снизили. Для всех. И для него, также. Значит, для того, чтобы принести домой такую же сумму, как и в прошлом месяце, работать надо больше. И кто это сотворил? Несмотря на предостережения старожиллов. У непонятливого токаря, начались различные неприятности. Мелкие, но много. То замок, на его личном шкафчике, перестал работать. Кто-то клей в него накапал. Затем, обувь оказалась приклеенной, к доньшку шкафа. И так далее... Помыкался бедолага, помыкался и уволился. С этого предприятия. А кол-

лектив так и остался, с заниженными расценками. Вот и пример! На тему – «сначала думай, а только потом – делай». И подобных, производственных ситуаций, мастер Женя описывал множество. Как сказал классик: «опыт – сын ошибок трудных». Я, внимательно, впитывал уроки наставника. Работа на станке, потихоньку, начала ладиться. Кроме того, мой рабочий день, был на один час меньше, чем у всех. Как у несовершеннолетнего. Плюс, неограниченное потребление мороженого! Так что, ежедневное посещение рабочего места меня не раздражало. Всё было, вполне терпимым. Зарплата была, рублей около восьмидесяти. Чуть менее. Ведь, это ученический период. Неохота лезть за трудовой книжкой, для излишней точности, в части излагаемого. Скорее всего, пробыл я учеником, месяца четыре. И вот, назначен вожде ленный день – квалификационный экзамен!

Этот самый экзамен, состоялся из двух частей: теоретической и практической. Вот только, не помню, что было первым. Практическая часть, состояла из выполнения работы: выточить вал, согласно выданному чертежу. Тонкость момента состояла в том, что на этот вал должен запрессовываться стандартный шарикоподшипник. Деталь была предназначена для замены, в реально работающем редукторе. Где-то, на основном производстве. Подшипник, обязан садиться на своё место, с определённым «натягом». Чтобы не проворачивался. Монтаж шарикоподшипника, на вал, должен был осуществить слесарь Толик. Мужчина, возраста –

чуть моложе предпенсионного. Толстячок-здоровячок. С руками и грудью, в татуировках. Синих. Особенно, выделялась довольно крупная композиция, в области сердца. Которая становилась видной, когда он переодевался из домашнего в рабочее. Это были профили Ленина и Сталина. Выполненные, достаточно художественно. Сорочка на нём, всегда была застёгнута. Кроме одной, самой верхней пуговицы воротничка. Теннисок, с короткими рукавами, он не носил. И даже летом. В страшную жару. Пуговицы на манжетах, были всегда застёгнуты. Ну, по правилам техники безопасности, на работе – так и должно быть. Но Толик, соблюдал этот канон и в быту. Забегая вперёд, скажу, что после окончания срочной службы в армии, я посетил старое место работы. С визитом вежливости. Через окно, поговорил с Женей. Так вот, среди прочих новостей, бывший мой наставник поведал, что посадили Толика. За изготовление и сбыт стреляющих авторучек. Проще говоря, это ствол, под мелкокалиберный патрон, со спусковым механизмом. Оформленный пластмассовым, декоративным кожухом. Можно носить в нагрудном кармане. Всем, напоказ. Народ-то думает, что это авторучка. В то время, как это – однозарядный пистолет. Короче, этот Толик, был специалист своего дела. Слесарь-корифей...

Сколько тысячных долей миллиметра, надо было накинуть к диаметру вала – мне подсказал мастер Женя. Позднее, я узнал, что исчерпывающая информация, по вопросу, содержится в справочниках, по металлообработке. В разделе

«Допуски и посадки». Оказывается, ещё до завершения, моего практического, экзаменационного задания, среди старожилів нашего механического завязался спор. Женя говорил: «Парень справится, вполне! Утверждаю!». Кто-то отрицал такое, в принципе: «Не, сырой ещё, пусть созреет». Слесарный «профи» Толик, держал скептическую паузу. «Поглядим, после обеда, что и как» – процедил он, когда я принёс ему готовую работу. Для экспертизы и оценки. А времени было, без нескольких минут двенадцать. Начало перерыва, в полдень. Ровно. Так что волнительный момент, оценки моих трудов, был отложен. На час. Война, войной, а обед – по расписанию. Это святое. Ну, вот и дождались, Толик взялся за работу. Пару минут и подшипник занял своё место, идеально! По-иному, быть не могло. Женя мастерски справился, с моим обучением. Далее – Толик, меня позвал и протянул руку. Я пожал его лапу. Насколько смог. «Ну, теперь и ты можешь считать себя пролетарием. С заданием справился. Моя оценка – высший балл! Проставиться, не забудь. С тебя причитается!» – промолвил экзаменатор. Он же – неофициальный эксперт слесарных дел. Я, окрылённый трудовой победой, неторопливо открыл свой шкафчик и выудил оттуда принесённую утром бутылку водки. «Сегодняшний перерыв уже закончился. Как поступим? На завтра, в обед?» – как полноправный работяга, выразил я своё мнение. Народ одобрительно закивал головами: «Верно соображаешь! Режим работы коллектива, ты понял!».

Так, вот и стал я токарем второго разряда. Зарплата повысилась, рублей до 80-ти. С копейками. После первой «получки», я посетил магазин, торгующий радиоэлектроникой. Взял у них соответствующий бланк и принёс его, в нашу бухгалтерию. Те указали размер моего заработка. Снова посетил магазин. Бухгалтер магазина, во второй раз, просмотрела мой паспорт и отказала. Сославшись на то, что мне ещё нет 18-ти лет. Тьфу! Так какого лешего, не сказать сразу... Пришлось задействовать маман. И рассрочка, на шесть месяцев оказалась оформленной, на неё. В результате всех этих манипуляций, был приобретён магнитофон «Сатурн». Монофонический. Но, четырёхдорожечный. Бобинный. Профессиональной, 19-ой скорости, там не было. Была девятка. И ещё, вдвое меньшая. Эта цифра означала, сколько метров плёнки, в минуту проходит, мимо головки. С которой и снимался сигнал. Максимально большие бобины плёнки, использовавшиеся в быту, содержали в себе 550 метров плёнки. Самой крутой, на то время – ТИП10. Радость от покупки, была соразмерна затраченной сумме. Образно говоря... Магнитофон стоил 180 рублей. Третью суммы была внесена, сразу. А на остаток, полагалась рассрочка. Беспроцентная. Соответствующий платёж совершала институтская, мамина бухгалтерия. Ежемесячно. А домашняя моя дискотека, начала обрастать дополнительным оборудованием. Самодельным, не моего производства, 20-ти ваттным усилителем. Цветомузыкой – моего производства. Устройство состояло из трёх дат-

чиков охранной сигнализации. Которые реагируют на сотрясение. Их клеили на стёкла витрин. В магазинах. А я установил эти датчики вблизи динамиков, внутри колонок. Соединил их с разноцветными лампочками. Колонки моего производства, входили в комплектацию оборудования. Динамики, для которых я выписал по почте. Совершенно случайно, наткнувшись на объявление. В газете. Во, как!

При первой же возможности, не помню в связи с каким празднеством я притащил магнитофон, на работу. Гулянка проводилась под эгидой нашей, комбинатовской комсомольской организации. Комсомол курировал сферу молодёжного досуга. Там, где подопечные были организованы. В учебных заведениях, на производстве. И в армии. Комсомольцем, кстати я не был. На тот момент. Просто, в школе, восьмилетней меня не считали образцом поведения. И даже, не предлагали вступить в ряды. В шестидесятой, где я прочился девятый и десятый классы – про это, даже и не упоминалось. Ни разу. На хладокомбинате, девушка секретарь комсомола, напомнила мне, об этом беспартийном обстоятельстве. Ненавязчиво. Поскольку, в факте вступления в эту молодёжную организацию, практического смысла мной не усматривалось, дело было мягко спущено на тормозах и предано забвению. Но обеспечению нашего молодёжного праздника, весёлой музыкой – сей факт несколько не повредил. Музыкальные мои пристрастия, кстати, не поменялись и по сей день. Оставшись такими же. Как и в молодости. Вбейте

в поиск: Яндекс.Музыка, затем – Радио. Найдите станцию *monpartya*. И слушайте, бесплатно. Согласно моим вкусам, команда Яндекс. Радио в режиме нон-стоп, транслирует различные треки. Небесплатно, конечно. Который, уж год. Я – вполне доволен! Спасибо тебе, Яндекс.Музыка! Но, во времена описываемые, советские – с музыкой, было сложнее. То, что предоставлялось поклоннику музыкального жанра, в системе торговли, выпускалось лишь одной фирмой грамзаписи «Мелодия». Это были пластинки, одобренные партией. Значит, соответствующие образу мыслей молодых строителей коммунизма. Как виделось долгожителям из Политбюро ЦК КПСС. Но молодёжь, хотела современную музыку. Каковая иногда вылавливалась на коротких радиоволнах. А зарубежные грампластинки поступали в страну, путями контрабандными.

Дальнейший путь, до конечного потребителя, у разных произведений был одинаковым. Неизменно приводящим, к одному результату. К ухудшению качества записи. С каждым, последующим копированием. Была интересная технология, осуществления переноса музыкального содержимого с магнитофонной ленты, или фабричной пластинки на плёнку больничного рентген-снимка. Это была «музыка на костях». Говоря сленгом, того времени. Стационарные студии кустарной звукозаписи появились несколько позднее. А в большей мере, народ переписывал «музон» друг у друга. Но магнитофоны были, далеко не у всех. Поэтому, счаст-

ливые обладатели таковых, пользовались повышенным интересом общественности. В преддверии праздников. И семейных торжеств. Короче, обладатель звуковоспроизводящего устройства был и ди-джем, локального значения. По совместительству. Кому-то нравилось. А некоторые сограждане уже внимательно присматривались к развивающемуся рынку кустарной звукозаписи. С целью извлечения доходов. Что было незаконным, с позиций советского законодательства. Ну времена такие были, странные. Например, на нашей фабрике работницы варочного цеха ежедневно выносили по пачке сливочного масла. Через проходную. Идя домой. Предъявляя сумку к досмотру, по требованию вахтёра. Который это делал выборочно, по своему усмотрению. Будучи профессионалом своего дела, хозяин проходной регулировал некую тонкую сферу. Которую, не знаю, как и обозначить. Бытовым языком, не юридическим. Например, если в сумке работницы оказывались две пачки масла, то это становилось чрезвычайным происшествием. Для начала, страж калитки строго вопрошал виновную: «У тебя совесть есть? Вон все, люди как люди, несут по одной пачке. А ты, две берёшь! Как это понимать? Иди назад, начальника цеха сюда, зови. Что-то решать будем. Пока я никому докладывать не буду. Давай, не стой здесь. Иди за своим начальством!».

И вот, после первой же праздничной вечеринки, с моим магнитофоном, на фабрике мороженого я был окончательно признан «своим человеком». Не «директорским протеже», а

«своим парнем». На равных... Так, день за днём, неспешно и протекали мои трудовые будни. В меру работы, на токарном станке, не до упада. Мороженого – ешь, сколько влезет. Плюс зарплата. Невеликая, но как у всех. В смысле, окружающих. Советских граждан. В перерыв, бились в нарды и домино. Алкоголь, если и употреблялся кое-кем, то окружающие этого практически не видели. Но, догадывались! Иногда, делились семейными неприятностями. Иногда, лениво поругивали советскую власть. «Вот вчера вечером, гляжу в телевизоре показывают, как наш корреспондент берёт интервью у американского безработного негра. А тот, опираясь на собственную легковую машину, рассказывает. Как трудно жить на пособие. Потому что правительство не может вести правильную налоговую политику. Так, чтобы работа была у всех. Блин, мне на такую машину не заработать и за три жизни! А он, ещё и недоволен...» – рассказывает кто-то из слесарей. Другой подхватывает тему: «А ещё показывали магазин колбасный. В Германии. Двести сортов есть, сказали...». «Но у них президента Кеннеди пристрелили, а у нас – Гагарин, первым, в космос полетел! Знаем, мы это всё. Тыщу раз слышали. Да хорош бухтеть, вместо телевизора, давай ходи – твой ход!» – раздражённо обрывает другой. Так и пролетало время перерыва. Но, это уже после приёма горячего обеда. В столовке. Еду привозили нам из близлежащего «Дома правительства». В этом здании, неподалёку, располагались ряд республиканских управленческих структур. Гос-

план, Минобр и так далее. Короче, еда была вполне приемлемой. Обед стоил тридцать копеек. В эту низкую цену была заложена скидка, как работникам пищевой промышленности. Но, наступило лето и пришла пора начала вступительных экзаменов, в институт. Я взял положенный мне отпуск очередной. Думать о том, что придётся идти в армию, не хотелось. Хотя, осознавал, что чудес ждать не следует. Как проходят вступительные экзамены, в институте я уже видел. В прошлом году.

А в том учебном году, с целью борьбы со злоупотреблениями, на приёмных экзаменах вели систему «централизованной комиссии». Выглядело это так: каждый ВУЗ, направлял определённое количество преподавателей. Профильных. Из них и формировался состав комиссии. Количество комиссий соответствовало количеству институтов, в которых, на текущий день, был запланирован экзамен. Плюс один состав, резервный. Вот такие хитрости, применил Бакинский горком. Это по его рекомендации внедрили такую антикоррупционную схему. Конечно, документы я сдал в приёмную комиссию АзИнефтехима. За последний год мои воззрения на стиль жизни не изменились. Институт, конечно тот, где мама работает. Мотивации такого решения я описывал ещё в прошлогодней летописи. Не помню, какие два первых экзамена, я сдал успешно. Но прокатило. Пронесло. Не срезался. Третьим экзаменом была литература. Письменная. Сочинение. Темы были на выбор. А фишка ещё была в том, что уш-

лые институтские преподаватели научились вычислять, кто где экзаменируется, в ближайшие дни. И находили концы своих коллег из других ВУЗов. Корпоративные интересы, сильнее административных заслонов. Сегодня ты помогаешь мне, завтра я помогу тебе. Формула рабочая. Во все времена. Так и что? Мама узнала, что мою письменную работу по литературе будет проверять её хорошая знакомая, с кафедры литературы. И попросила её отнестись с пониманием. Та не отказала. А потом и выдала мамане, следующее резюме: «Надя, я за сочинение твоему сыну поставила четвёрку. Вполне заслуженную. Пять я не могла поставить. У парня по двум предыдущим экзаменам, как ты сказала – две тройки. Потом, тебе бы и сказали, что мальчик пришёл не в тот институт. Ему нужно, в гуманитарный. Ты же, на своём факультете парторг. Нескладно было бы. Сама видишь, какие строгости начались. Вот в прошлом году, может быть я и поставила бы пятёрку. Но в этом, никак не могу». Ничего печального, всё равно, на последнем экзамене, по химии, я получил свою двойку. Заслуженную, кстати...

Пока что не пришла повестка из военкомата, я решил несколько подстраховаться и уточнить свой правовой статус. Как призывника. Поэтому, я наведёлся к участковому врачу и пожаловался на частые и сильные головные боли. Заодно удостоверился, что выписной эпикриз из Института травматологии и ортопедии всё ещё благополучно приклеен в моей медицинской карточке. Участковый наш терапевт, к которой

я обратился, перенаправила меня к невропатологу. Посетил патолога нервов. И он уточнил дальнейший мой маршрут. По лабиринтам Минздрава. Нервный доктор сказал мне: «В армию, говоришь, забирают?». Пришлось согласиться, с догадливым доктором. «Наверное...» – промямлил я, в ответ. Далее, доктор, абсолютно бесплатно, написал мне направление. На консультацию, в психо-невродиспансер. Отправился я туда. А это учреждение, вроде уже и не совсем медицинское. С виду, на режимный объект похоже. Вооружённой охраны, правда нет. Но пару человек, плотного телосложения, в белых халатах празднично сидели за столиком, в вестибюле. И внимательно оглядев вновь пришедшего, интересовались целью посещения. В моём случае, было именно так. Я вежливо показал направление из моей районной поликлиники. Мне предложили подойти к окошку регистратуры. Далее, тётушка приняла от меня направление, паспорт и светокопию справки из Института Травматологии. Это теперь, ксерокопию любой бумажки сделать не проблема. Даже дома. У кого есть аппарат. А в те времена, я посетил светокопию. Затем зашёл к нотариусу и заверил свой экземпляр. На эту беготню, ушло полтора дня. Ну ладно, главное, что «шевеление» по вопросу началось. Открыли мне карточку в ПНД и назначили приём у доктора, на послезавтра. На девять часов утра. «И чтобы не опаздывать, к девяти – быть здесь!» – напутствовали меня, в регистратуре. На сим, день общения, с преддверием психушки завершился.

Следующий день, прошёл в раздумьях о стратегии. В части общения с диагностами. Поразмыслив, пришёл к выводу – главное, это «не перегнуть». Умеренно талдычить, о постоянных головных болях. И не выходить за пределы... Что сможет посоветовать врач, в ответ на такую симптоматику? «Поменьше курить, а лучше – совсем бросить. Проследить за артериальным давлением. Почаще бывать на свежем воздухе. Заниматься оздоровительной гимнастикой. Следить за рационом. Не перегружать себя чрезмерными умственными нагрузками. Понаблюдать, как окружающие справляются с подобными недомоганиями. И это всё, в комплексе можно осуществить, находясь в доблестных рядах Советской Армии. По призыву. Два года!» – скажет доктор. Успокаивая себя подобными мыслями, я перешагнул порог психоневрологического диспансера. В назначенное время. Далее, после обращения в регистратуру, я был препровождён к доктору. Врач, ознакомившись с моими медицинскими документами, произвёл все должествующие мероприятия по осмотру больного. То есть, мне было предложено: достать указательным пальцем, с закрытыми глазами, до кончика носа. Затем – проследить взглядом, за перемещением блестящего молоточка. После, этим же молоточком я получил сначала по одной коленке. Затем, по другой. Измерили давление. Завязали глаза полотенцем и попросили сделать несколько шагов, в сторону медсестры. Что было выполнено. Мной. Вполне успешно. На этом осмотр был завершён. Доктор огласил

результат обследования: «Причин для госпитализации нет. Продолжайте жить обычной своей жизнью, не перегружайтесь излишними физическими нагрузками, ешьте побольше овощей и фруктов. Не перегревайтесь, на солнце. Дважды в год проведите курс витаминотерапии. Инъекциями. Вот, всё это я пишу в вашей медицинской карточке. И в ответ на направление из вашей поликлиники пишу, что вы поставлены на учёт в Психоневрологический диспансер. С диагнозом: последствия черепно-мозговой травмы. Всё, до свидания, не болейте!». На этом, визит был завершён.

Теперь, надо ждать повестки, из военкомата. И продолжать ходить на работу. Что и было сделано. Ждал и ходил. Ходил и ждал. Дождлся – пришла повестка. Явился. И сразу, медкомиссия! Видно, что вояки вопросы решают шустрее. Чем гражданские... Пройдя на комиссию – сразу, терапевту заявил о том, что состою на учёте в ПНД, как травматик. Сразу же выписали запрос, к нервным. И психиатрическим. Но на руки, его не дали. А меня отправили домой. Сказали мол, жди. Вызовем, повесткой. Ну, думаю, машина завертелась... Через неделю, получил повестку. На следующий день, явился в военкомат и узнал, что мне присвоена «Неполная годность». Значит, годен к прохождению нестроевой службы в мирное время. А в военное время – годность полная. «Можешь идти на своё место работы и увольняться!» – напутствовали меня, в военкомате. Я и пошёл. Но не на комбинат, а за бутылкой. Проставиться на работе – свя-

тое дело! У нас, все так делали. Иначе – не вежливо... Традиция, есть традиция! На следующий день, появился в цеху, с утра. С пузырьём. За пазухой. Оставив ёмкость и нехитрую закуску, в своём шкафчике – отправился ставить печать в трудовую, об увольнении. В отдел кадров. Пока там поговорил, пока здесь пообщался, пока завершил бумажные формальности – гляжу, время к перерыву уже. Точность, как в аптеке! По ходу прощания, с теперь уже бывшими коллегами, в ходе застолья, взял на особую заметку рассказ одного из наших сварщиков. Сашки. Из третьего микрорайона. Как он описывал, период своего поступления, на срочную службу. Полезная информация состояла в том, как он, появившись на сборном пункте, среди множества призывников со всего города выяснял куда, какую команду отправляют. В какой регион СССР. Делалось это так – прикинувшись родственником призывника, он, изображая крайне обеспокоенного поисками сородича, приставал ко всем, с вопросом: «Братана ищущу, он полчаса назад, звонил из телефона-автомата домой. Сказал, что в Белгород, его определили. Через пару часов отправка уже. А я в ночную смену работал. Только домой зашёл, он и звонит! Это вы в Белгород?? Ваша команда?». Выслушав ответ, куда отправляется этот отряд, он принимал решение. Нравится ему это место, на географической карте, или нет. Главное, в руках ничего не иметь. Дабы себя не выдать! У призывника в руках чемоданчик, или рюкзак. Обязательно!

Значит, алгоритм был найден! Главное, не перешагнуть ту дату, когда заканчивается набор. Это уже может быть квалифицировано, как уклонение. А за такой грех и статья есть. Вполне себе уголовная. Действуя таким методом, я дотянул до того момента, когда таких артистов осталось человек сорок. Со всей республики. С призывного пункта нас отвезли в Сальянские казармы. Для не бакинцев, поясняю. Это войсковая часть, на краю города. Штаб дивизии, наверное. Откуда взялось, в какие времена закрепилось это название – мне неизвестно. Но продержали нас, там, до вечера. Все новобранцы, уже стали робко надеяться, что останемся служить в родном городе. Не тут-то было! Не знаю, куда подевали всех остальных, но мне и ещё троим ребятам выдали предписание. В город Ханлар. Это в десяти километрах, от тогдашнего Кировабада. Или от нынешней Гянджи. Поехали мы на железнодорожный вокзал. И увидели, что поезд до Кировабада, только завтра. Договорились встретиться завтра, здесь. На вокзале. Я в последний в этом сезоне раз переночевал дома. Через сутки, мы уже стояли на КПП воинской части, в Ханларе. Каковая стала нашим домом на последующие два года. Зашли. Осмотрелись. Видим, что нам ещё одну проходную миновать надо. Дорога в спуск, метров через двести, ещё КПП. Стекляшка. Вертушка и ворота двустворчатые. В обе стороны ворот – забор из сетки рабица, труб и уголков. Окрашенных в зелёный цвет. Подошли к вертушке, глядим на группу офицеров, которые были внутри застек-

лённого, со всех сторон, помещения. Что-то они там разглядывают. Лежащее, на полу. Рассмотреть не успели, как к нам подошёл солдат. С красной повязкой, на руке. «Дневальный КПП», значилось на повязке. Мы сказали, что прибыли из Баку – вот наши документы. Но уже вышел из стекляшки офицер и взял дело, в свои руки. У него также была красная повязка, выше локтя. Но на ней было написано – «Дежурный по части». «Не глазейте туда! Вас это не касается! Шагом марш, за мной!» – сурово молвил этот капитан. Мы и зашагали, за ним. Так начался первый день, нашей службы. В Советской Армии.

Офицер довёл нас до казармы, стоявшей на отшибе. «Это карантин водителей. Будете размещены здесь» – забрав все наши документы, он удалился. А мы, зашли внутрь помещения. Нас неприветливо встретил дневальный, по казарме. Спросил – кто такие, откуда и почему так поздно. Оказывается, месячный карантин, для новобранцев уже окончился. Всех распределили, по подразделениям. Кроме водителей. Для них карантин продолжается. Вот совершат пятисоткилометровый марш-бросок и только тогда их определят для дальнейшей службы. В различные подразделения. Но вот появился прапорщик. Выудив из кармана здоровенную связку ключей, долго пробовал открыть дверной замок. Наконец-то дверь открылась. И нашему взору предстали стеллажи с пачками постельного белья, подушками, одеялами и обмундированием. Сапоги, головные уборы и портянки рулоном –

оказались в другой комнате. Прапор наделил каждого из нас положенной уставной формой цвета хаки. Подушкой, одеялом и постельным бельём. А также, прикроватным ковриком. Бесхитростно сделанным, из куска байкового одеяла. Но с обработанным периметром. Чтобы не махрился. Также, было выдано вафельное полотенце. Белое. Чистое. Кроме подушки, одеяла и прикроватного коврика, всё было абсолютно новым. Матрац лежал свёрнутым, на койке. «Так, пришивайте погоны, петлицы и подворотнички. Застелите койки. Дневальный, возьми из каптёрки машинку, для стрижки волос. И обработай новобранцев. Баня холодная, поэтому водные процедуры, напротив казармы. Вон, через дорогу! Чтобы к ужину были пострижены, побриты и обмундирование – по Уставу. Сапоги вычищены, подшит чистый подворотничок. Ужин в 20.00. В 19.30 – построение. Здесь, перед казармой. Я приду. Проверю внешний вид и отведу подразделение, на ужин. В казарме не курить. Для курения, вон там место. Окурки, аккуратно – в урну. Приступите, время пошло» – отчеканил прапорщик и ушёл.

Вот и начались армейские будни! К нам, четверым новобранцам, прикрепили сержанта Кодзоева. Уроженца Сев. Кавказа. Бравый вояка Кодзоев обучал нас строевым приёмам. И прочим тонкостям из «Памятки молодому бойцу». Ещё раз отмечу, что благодаря курсу начальной военики, пройденному в школе №160, под руководством Льва Иосифовича Бендерского, я владел всеми премудростями

строевой подготовки. Что меня радовало! А сержант, только диву давался... Ещё несколько дней спустя, мы приняли «Воинскую Присягу» в кабинете начальника штаба части. И нас распределили, по подразделениям. Я попал в «батарею управления». Выяснилось, что наша войсковая часть № 55582 является зенитно-ракетной бригадой. Состоящей из трёх дивизионов. Третий – располагался где-то, в Нахичевани. Жители города Ростов, это не ваша Нахичевань! Это район республики Азербайджан. Видимо, во времена расселения армян по планете, они и принесли это название, в Ростов. Обозначив так часть города. А может быть и не армяне, это были... Ну кто-то был, точно. Да не об этом речь сейчас! А о структуре нашей войсковой части. И её вооружении. Значит, о зенитно-ракетном комплексе «Круг». Это не переносной ЗРК современности. Это несколько боевых машин, начинённых электроникой. И пусковых установок, на гусеничном ходу. На каждой, из которых, находятся по две жидко-топливные ракеты. Комплекс предназначен для решения боевых задач, в военное время. Он защищает войска, от атак фронтовой авиации противника. Поэтому, предположительный срок жизни подразделения, в боевых условиях равен одному часу. Но и в мирное время, находясь на боевом дежурстве охраняет мирное небо, над головами сограждан. В начале шестидесятых, этой ракетой был сбит американский лётчик-разведчик Пауэрс. На его сверхвысотном самолёте У-2. Гордости авиационной разведки нашего, вероятного против-

ника. Расчёт на то, что на таких высотах, советские средства ПВО неработоспособны – оказался ошибочным. Сбили Пауэрса. Нашим комплексом!

Подъём, физ. зарядка, утренние процедуры, завтрак, построение, развод на работы, или занятия. Термин «развод», ныне, употребляется, как синоним обмана. В те советские времена, пока ещё полублатной сленг не пустил такие глубокие корни, в русский разговорный и полуофициальный языки, в армейской терминологии, это обозначало следующее. Под командой старшего, не обязательно офицера, подразделение выдвигается для исполнения предписанного. Значит, командиры разводят личный состав, в те места, где будут происходить работы, или занятия. Работы могут быть, по обслуживанию техники, или по уборке территории. Для строительных работ, к нашей части было прикомандировано подразделение строительного батальона. Из одноимённых войск. По случайному стечению обстоятельств – все таджики. И с проблемами, в части владения русским языком. Почти, поголовно. Они пахали, как черти. У нас, на глазах. Они строили здание. Двухэтажное. Это будет штаб части. Ныне, штаб есть, конечно. Но одноэтажный домик, стал тесноват. Не только для начальника штаба. Но и для всех. Значит, и для оперативного дежурного, и для политотдела, и для секретной части. С кодировщиками вместе. Короче, аппарат требует пространства. Стройбат – строит, а мы – несём боевое дежурство. Но, стройбат работает, в две смены. Мы

охраняем мирное небо круглосуточно. Ещё, в части есть сви-
нарник. За пределами административной территории и парк-
ка боевых машин. Через асфальтированную дорогу и ещё,
чуток. Там и свинарник. Туда, полковой конь Васька возит
в здоровенной бочке, пищевые отходы. Васькой управляет
солдат срочной службы. Как его в армию призвали, вели-
кая тайна есть. Это неполноценный умственно, но физиче-
ски развитый воспитанник детского дома. Полный сирота. И
вот, куда его девать, советской-то власти? Ну, разве что в ар-
мию призвать. Что, кстати, было вполне гуманно и разумно.
По отношению к этому человеку. Вот, фамилию забыл! Ну,
ладно, спрошу здесь, на Фейсбуке, у бывшего однополчани-
на. У Виктора Валентиновича Жолудова спрошу.

А ещё, у нас было стрельбище. Напротив части. Через до-
рогу. Мы завершили курс молодого бойца и приняли прися-
гу. С нами провели несколько занятий, по устройству авто-
мата АКМ 7,62. По итогам нас и вывели на это самое стрель-
бище. Надо было выполнить следующие упражнения. Совер-
шить несколько, не помню сколько именно, но одиночных
выстрелов. Затем, очередями. По мишеням. С вышки. Не
с земли. Вышка, ну метра три-четыре, высотой. С крышей,
над головой. И площадкой, для стрельбы лёжа. Забрались мы
все, впятером. Нас, салаг четверо и офицер. Стреляли, со-
гласно списка, по-алфавитного. Один отстреляется – другой
начинает. Ну, вот. А у меня были неплохие навыки стрель-
бы из пневматической винтовки. То бишь, из «воздушки».

Многие помнят советские тир. Где можно было стрелять и по бумажным, классическим мишеням, и по различным, другим целям. Как по неподвижным, так и по движущимся. Так у нас дома – была, такая пневматика. Мы с папаней выменяли эту радость у его приятеля. Когда я учился в классе шестом, или седьмом. Выменяли на новую акустическую гитару. Которая была куплена мне. Но не пригодилась. Побренчал-побренчал и выяснил, что с музыкальным слухом у меня не ахти. А так, хоть винтовка в доме завелась. Отец провозился над её восстановлением некоторое время. В результате реставрации, инструмент для развлечений в квартире получился отличным. Так что, по мишеням пулять сноровка имелась. Ещё в школьные годы отвёл нас военрук, однажды, на стрельбы. В ДОСААФовском тире. Стреляли из мелкокалиберной винтовки. И что? Из пацанов, трёх десятых классов у меня были наилучшие показатели. Несмотря на минусовые диоптрии. Очкарик я. Минус четыре. Было. Теперь-то, поменьше. Дальнозоркость старческая, наверное, компенсирует. По молодости я ещё в очках ходил. Но потом, бросил их надевать. Только за рулём. Ну, не об этом разговор. А о мелком эпизоде, который мне запомнился. По сей день.

Лежим на площадке, этой самой вышки. На стрельбище. Смотрим на мишени. Офицер подкручивает бинокль. Настраивает. Затем, спрашивает: «Кто из чего стрелял ранее, на гражданке?». Я бодро отрапортовал, что доводилось. Из

мелкокалиберной винтовки. Но из пневматической – безмерно. Другие трое, указали только «развлечения в тире». Из «воздушек». «Ну поглядим, какие вы стрелки... Упражнение такое: я выдаю боеприпас, вы снаряжаете магазин, готовите оружие к бою. Занимаете позицию. Прицеливаетесь в центр мишени. Производите три одиночных выстрела. Затем, очередями, по два выстрела. На счёт «раз-два», удерживаете спусковой курок. И происходит два выстрела. Удержите дольше, произойдут лишние выстрелы. А это снизит оценку выполнения упражнения. Вопросы есть? Вопросов – нет. Петров, занять боевую позицию. Стрелять, по команде «Огонь!» – скомандовал руководитель занятий. Я, получив патроны, снарядил магазин, подготовился к стрельбе, навёл прицел на крайнюю левую мишень. Которая представляла собой стоящего человека. В натуральную величину. Это моя мишень. Условный противник. «К стрельбе готов!» – бодро отрапортовал я. И вдруг, вижу, как слева, к мишеням приближается собака. Целенаправленно так, трусцой. Видимо, учуяла, что около мишеней крутились люди, приводившие эти устройства, в боеготовое положение. «А вдруг, они что-либо обронили там, съедобное, эти бойцы? Надо проверить!» – наверное, подумала голодная собачка. И вышла в «зону поражения», непосредственно. Почти около мишени стоит уже! Землю нюхает. Всё это происходит достаточно быстро! А офицер командует: «Огонь!». Медлить нельзя, надо исполнять команду. Но я понимаю, что на мушке у

меня не мишень, а собака! Значит, на какое-то мгновение, я инстинктивно прицелился в движущийся объект. В собачку. И вот произошло осмысление ситуации. У меня есть выбор! Пальнуть в мишень, или в животное! Вероятность промаха равновелика, я не профессиональный снайпер. И вообще-то, из автомата Калашникова стреляю впервые. На принятие решения, ушла пара секунд. Наверное. Перенацелился в мишень и завершил упражнение. Собачонка не пострадала, она дала стрекача. После первого же выстрела. Упражнение я выполнил на «отлично». Единственный, кстати! Хотя, соблазн пальнуть в собаку всё-таки был...

Дело, потихоньку подошло к Новому Году! Телевизор чёрно-белый работал, но «не ахти как». В ленинской комнате. Так называлось в Советской Армии помещение, где военнослужащие должны были проводить свой досуг. Для этого, кроме телевизора, здесь были установлены канцелярские столы в минималистичной комплектации. И стулья. На стенах, конечно были развешаны плакаты. Агитационные. И никаких голых женщин! Сугубо политика. И позитивное восприятие советского образа жизни. Как трактора, вспахивают колхозные поля. Как депутаты, слушают ораторов. Как стада крупнорогатого скота, кормятся на лугах и пастбищах Советского Союза. Ни на одной из стен, не было ни одного квадратного сантиметра, не занятого пропагандистскими материалами. Ведь заходя в ленкомнату, боец должен сразу, начать ощущать прилив патриотизма. И чувства глубо-

кого удовлетворения. Одновременно с этим, оформлялись и росли отрицательные эмоции в адрес вероятного противника. Каковыми являлись страны НАТО, под управлением США. Упоминание стран социалистического лагеря должны были неизменно вызывать чувства искренней международной солидарности и братской дружбы. Но, не с Китаем. Про эту страну мы знали, что там есть Мао Цзе Дун, хунвейбины, остров Даманский и доменные печи, в каждом дворе. И ещё, они перебили всех воробьёв. Чтобы те не поедали урожай злаковых культур. Вместо китайцев. Ценились в со-вдепии, времён моей молодости китайские ракетки, для настольного тенниса. И кеды. Являвшиеся дефицитом, в госторговле. Больше ничего примечательного китайского производства не припоминается... Ну, ладно, про Китай-то. Про армейские шутки и приколы, продолжим. Коснувшись описания ленкомнаты в канун Нового года вспомнилось, как одного молодого бойца, старослужащие заставили залезть на крышу казармы и метлой отгонять помехи, от телевизионной антенны. И кричали ему, через форточку: «Вот правее – хорошо отогнал, молодец. Но по центру, все-равно, рябь какая-то. Прибавь активности, шустрее махай...».

Розыгрыши и различные прикольные шутки – есть неотъемлемая часть жизни и быта большого, мужского коллектива. Собственно, и не очень большого, также. Определили меня в расчёт станции КБУ. Или «кабины боевого управления». Это ЗИЛовское шасси, с целой комнатой экранов,

пультов и прочего оборудования. Сюда стекаются данные от других машин комплекса. От станции обнаружения цели, от дальномера, от высотомера и так далее. Внутри тесно. Когда это всё оборудование работает, то оно нагревается. Зимой это приятно. А летом – караул! Ведь, это был этап ламповой радиоэлектроники. Анекдот припомнился, в тему: преподаватель войскового училища читает лекцию курсантам: «На современных самолётах и наземной, военной технике применяются новейшие радиоприборы». Вопрос учащегося: «На лампах или транзисторах?». Ответ лектора: «Повторяю русским языком. Для непонятливых. На самолётах и наземной технике». Ненавязчиво и доходчиво. Это – армия, сынок! Ха-ха... Так вот, из числа шуток и розыгрышей, произошедших на этой самой КБУ. После занятий по строевой подготовке, сидим внутри станции, мёрзнем. Офицеров нет, боевую задачу на разводе никто не поставил. Дежурный по части провёл развод и не вникая в ненужные подробности, скомандовал: «По местам занятий и работ – разоитесь!». Ну, все и разошлись. Что-то ни командира части, ни начальника штаба, на разводе не было. Это случай редкий. Ну, приплелись мы к нашей станции. Вдруг появляется солдатик, по невыцветшему обмундированию видно, что из «молодых», из «салаг». И вообще, не из нашего подразделения. Не из батареи управления. Спросили: «Тебе чего?». Он отвечает: «Мне наш старшина сказал, что около плаца стоит станция. Иди туда, там тебе скажут, что делать. Я из первого дивизи-

она. Вот, я прибыл. Что делать-то?». Нам-то никто ничего не говорил, понятия не имеем. Но есть в команде старший. Байрамов Эльдар. Он старший сержант, прослужил уже полтора года. Сам, откуда-то, из Грузии. Ему и решать.

Байрамов парень был тихий, без выпендрёжа. Но тут он, видимо, решил расслабиться. «Есть тебе работа. Расчёт – занять свои места. Хорош курить» – и полез сам в станцию. Мы, значит это я ещё один ефрейтор тоже проникли внутрь. Байрамов вынул откуда-то двух- или трёхлитровую жестяную банку с крышкой. Открыл крышку, глянул внутрь и удовлетворённый увиденным передал банку тому солдатику. «Значит так. Найди какую-нибудь палочку или шепочку. И этой палочкой начни смазывать клиренс станции. Смазка в банке. Должно хватить. Там, больше половины осталось. Времени тебе – час. Мы, пока, внутри станции поработаем. Приступи, время пошло. Закончишь – доложишь. Вперёд!» – отдал распоряжение сержант и захлопнул дверь станции. Я сразу начал перебирать в памяти всё, что могло быть связано с термином «клиренс». И неизменно вспоминалось, только одно толкование. Сие есть – расстояние. От самой нижней точки автомобиля. И до земли. Но ведь это нельзя смазать. Ни густой смазкой, ни жидкой. Теперь понятно, в чём соль. Но молчу. Жду развязки. А сержант включил станцию, начал там что-то проверять. Вынули они, вдвоём, какой-то блок и начали новый конденсатор припаивать. Взамен сгоревшего. И посмеиваются. Оба. И Байрамов и этот...

Не помню кто. Решаю разрядить повисшую тишину: «Интересно, он всю станцию вымажет, или?». Байрамов и говорит: «Почему так думаешь?». «А как ещё думать, ведь сразу видно, что клиент спёкся. Это слово «клиренс», он впервые слышит, ясен пень. Валенок, что с него взять. Кроме анализов, как сказали бы в поликлинике» – отвечаю. «А ты откуда знаешь этот прикол? Уже рассказали, старослужащие? Это мы молодых бойцов разыгрываем!» – ввязался в разговор этот, которого я не запомнил. – Да в журналах, наверное, вычитал. Может быть в «Технике молодёжи», а может быть в «Зарулём». Да откуда, такое упомнить? Просто, знаю и всё... – отозвался я. Чем заслужил уважительный взгляд и одобрителный кивок сержанта Байрамова.

Конечно, дорогой читатель, создаётся впечатление, что без удержу, я начал заниматься самовосхвалением. Во, какой я догадливый! А когда мы выползли из станции, сразу увидели этого деятеля. Перемазанного солидолом на две трети от его общей поверхности. Примерно, в таком же состоянии, находилась и сама станция. Вдобавок, мимо проходивший прапорщик, опознал своего подчинённого. В перемазанном смазкой солдатике. Мгновенно начав орать: «Я тебя куда послал, а где нахожу! Чем ты здесь занят и почему?». Сжавшийся от страха бедняга пролепетал: «Прибыл, как вы сказали. К боевой машине, которая около плаца стоит. Обратился к старшему сержанту. Доложил о прибытии. Получил распоряжение и приступил к исполнению. Вот, как раз всё и закон-

чил». Начавший прозревать, прапор сурово гаркнул: «И что же ты закончил??». Салага, воодушевлённый своим трудовым подвигом, гордо ответил: «Клиренс смазывал!». Далее, последовала непередаваемая тирада прапорщика. Нашему веселью, подбавила огонька вскрывшаяся разгадка. Нежданного появления этого бойца возле нашей машины. Выяснилось, что направлен он был не к нам вовсе. А к другой станции. Которая стояла на противоположной стороне футбольного поля. И машина та, вовсе не КБУ – кабина боевого управления. А совсем другая. Станция обнаружения цели – СОЦ. Совершенно, не похожие машины. СОЦка – та, на гусеничном ходу. И со здоровенным локатором на крыше... Вбейте в поиск, поинтересуйтесь. Ну салага! Или – салабон. Термин «салага» встречался мне «на гражданке». А вот про салабона, услышал здесь впервые. Иная среда, другая лексика... Никогда не задумывался раньше, но может быть салабон, это только сухопутный новобранец? Потому как, словечко «салага» употребляется на флоте, точно. Ведь Баку – морской город! У нас и Военно-морское училище было. Кроме наших, там ещё и арабы учились. На Зыхе. Это на краю города, на побережье. Было училище и для моряков гражданских. Недалеко от музея Ленина. Сейчас, конечно, всё не так. Но я ведь пишу, о том, что было. Очерки, так сказать, автобиографического характера.

Все отслужившие в армии ребята, вне зависимости от рода войск, сходятся в одном – сложновато только в пер-

вые шесть месяцев службы. Офицеры несколько продлевают срок своих сложностей в армии, шуточно, конечно: «В армии, трудно только первые двадцать пять лет. Потом привыкаешь!». Вот я и подумал: «Не сократить ли мне адаптационный-то срок? В общих чертах видно, что ничего особо страшного, здесь не происходит. Но скукота – неопиcуемая. К тому же, зима. А зимой, всё живое спит. А не в наряд ходит!». Так, не посетить ли мне госпиталь, в Кировабаде? С тем, чтобы там притормозиться. Ведь задел-то я совершил, устроив себе «неполную годность». Как травматик. В прошлом. Вот и пришёл в санчасть, начал ныть про головные боли. Выдали анальгин. Через день, опять заявился, к начмеду. На этот раз, более подробно объяснил свою ситуацию. Не помогает, говорю, анальгин-то. Ну, на несколько минут легчает, всего-то. А потом, опять башка трещит. Смерил он мне давление, температуру, убедился, что кариозных зубов нет. И выписал направление в госпиталь. В неврологию. Но машина пойдёт в Кировабад только послезавтра. Ну и ладушки, думаю. До послезавтра подождать – не проблема. Подожду! Через день, свершилось задуманное. Уложили меня в госпиталь в неврологическое отделение. А там двое ребят, из нашей части, уже отдыхают. Но они старше меня, по сроку призыва. Один – на год, из Сухуми, парень. Мусаэлян Аршак. Другой – на полтора года. Бакинец – Фархад Алиев. Он недалеко, от моего старого места жительства обретался. Улица Низами, угол Чичерина, по-моему. 189-ю школу закон-

чил. На юридическом учился, но что-то у него там притор- мозилось... И с третьего курса, его забрали в армию. Отец его работал, в тот момент начальником следственного отдела МВД АзССР. Эти ребята меня сразу ввели в курс ситуации. Как здесь, в отделении, житьё-бытьё. Начальником неврологии был подполковник медицинской службы Баратов. Тбилисец. И он докторскую диссертацию писал. Именно, в связи с этим обстоятельством, было нечто... О чём расскажу чуть позднее.

Обжился, потихоньку, в неврологии. Режим щадящий, больничный. Питание несколько попрличней, чем в части. Биллиард во дворе есть. Нарды, шахматы и шашки – в помещении. Про библиотеку, не припоминается. Скорее, не было. Часть города, где располагался госпиталь, не был захолустной окраиной. Вокруг жизнь, как жизнь. Асфальт, машины, общественный транспорт заметен. Справа, от госпиталя, через стенку – общеобразовательная школа. Слева – пенитенциарное учреждение. Я пошутил – если справа добавить роддом, а слева – кладбище, то можно прожить жизнь, в пределах одного квартала. Но, не приведи, Господи, такое счастье... В общем, лежим, бодем, принимаем медикаменты и процедуры. Согласно назначениям. Народ, вокруг разнообразный. В конце коридора – офицерская палата. Они от нас, отделены другим уровнем сервиса. Там, отдельный телевизор. Наш, в коридоре. По расписанию. Мы ходим в столовую комнату, им подают в палату. А вот досуг – это вместе.

Шахматы, нарды – можно и в помещении, можно и на воздухе. Но бильярдный стол – есть только, во дворе. Народ, болеет – кто чем. Мои двое однополчан, Фархад и Аршак, болели радикулитом. Среди остальных больных, значительную часть составляли те, кто ожидал поступления своих документов из Тбилиси. Из штаба округа или окружного госпиталя, не знаю точно. Документы о комиссации. По состоянию здоровья. Значит, домой! По болезни... С присвоением определённой статьи в военном билете. И в личном деле, в военкомате – соответственно. Люди это были разные. По некоторым сразу видно, что человек болен. Да не насморком или желтухой. Отсталость, в развитии... Возможно – психиатрия... И прочие, сходные пациенты находились в отделении. Но почему их направляли в неврологию? Вот, не знаю. Предполагалось ли в советском военном госпитале психиатрическое отделение? Понятия не имею. Зачем психи в армии?? Их должны отсеять, на гражданке. Наверное, так было.

А вот теперь, вернусь к подполковнику Баратову и научной работе, которую он проводил. Среди тех больных, которые ожидали поступления своих документов из Тбилиси, в основном, были солдатики, которым сделали некоторую процедуру. Из рассказов этих пациентов, выяснилось – проводимая медицинская процедура носила и диагностический характер и, якобы, лечебный. Именно, на эту тему, Баратов писал диссертацию. Страшное название процедуры,

после которой отпускают домой, называлась ПЭГ. Больные рассказывали суть процедуры. В межпозвоночном пространстве на спине делался прокол иглой. Да не швейной, а как от шприца. Но, потолще. Выкачивалось, некоторое, количество спинномозговой жидкости. Затем, в эту же иглу подавался кислород. Под давлением. А уже потом, делался рентгенснимок черепа. Когда я неоднократно выслушал этот рассказ от разных людей, мне пришло в голову предположение о расшифровке аббревиатуры ПЭГ. Но все говорили ПЭК. П – это значит «пневмо». Потому что, под давлением закачивается нечто. Что может быть продолжением буквы «Э»? Скорее всего, это «энцефало». Потому, что так называется мозг по-гречески. Вот буква «К» никак не вписывалась. Ну, мало ли что напутают солдатики-неспециалисты? Зато, буква «Г» – ложится, как домой. Тогда всё сходится: Пневмо-Энцефало-Графия. Во, как! Книжки надо читать, а также – газеты и журналы! Как сказал Бендер: «Читайте газеты, Шура. Они сеют разумное, доброе, вечное!»

Прошло недельки три. Госпитальных каникул. Вот тут и начались тревожные симптомы. То один, из постояльцев неврологии, то другой вкрадчиво интересовались у меня: «А тебе, зав отделением ещё не предлагал сделать ПЭГ?». «Нет», – отвечаю... «А что, должен?». «Ну, тем, кто соглашается, он эту процедуру делает. Заполняет какие-то бумажки и отправляет, в Тбилиси. Когда ответ приходит, человека отпускают, домой». Ну, думаю – вот она, разгадка! Врач

пишет «дисер», попутно делая свой бизнес. Используя пациентов, как подопытных кроликов. Ну про тех, кто действительно болен, предположим, вопросов нет. А тех, кто служить не хочет, он по-честному, спрашивает. Наверное... Поглядим, что дальше будет. Через день, появляется новый больной солдатик, с температурой. Менингит у него. Для уточнения диагноза, ему должны сделать пункцию. Это значит, взять для исследования пробу спинномозговой жидкости. Заходит к нам в палату ассистентка доктора. А в самом начале моего здесь пребывания, получился некоторый казус. С участием этого врача. Вызывает она меня, начинает задавать вопросы. И мои ответы заносит в карточку. Что-то она спросила, а я ляпнул, в ответ: «Да, девушка!». Или что-то иное, но с упоминанием «девушки». А она, ею-то и была. По возрасту – ну вчерашняя студентка. Как потом, выяснилось, Баратов привёз её с собой. Из Тбилиси. Кто там она ему была, не знаю. Ну, разница возрастная, со мной – невеликая. Она-то постарше, конечно! Но, не на много. Вот я и расслабился. А она, разве что не подпрыгнула. Вместе со стулом. «Я – доктор такая-то! Я при исполнении! Я здесь шутки не шучу, а работаю!», – металлическим тоном молвило это чудо в белом халате. А я, ещё в школьные годы, нашёл на отцовской книжной полке книгу «Охота за мыслью». Автор – психиатр, Леви Владимир. Так вот, он поделился рецептом наилучшей реакции на любого оппонента: «Войдите в роль главного врача психиатрической клиники. Мысленно... А тот, кто к

вам обратился – есть ваш пациент! Как в психушке доктор будет разговаривать со своим больным? Представили? Вот, так и держите стиль. Да, вы – Наполеон! Бесспорно. Я вас сразу узнал по манере разговора! Сейчас, вот только укольчик сделаем и поедем. Домой, в Париж!».

Поэтому, находясь на территории превосходящих сил противника, я моментально «включил заднюю»: «Да, да – конечно, доктор! Приношу мои извинения, случайно вырвалось! Бесконтрольно, машинально... Извините, пожалуйста, прошу о снисхождении. Виноват, исправлюсь!». Ну, не сдержался – «разведка боем». Меня-то уже начинает беспокоить мысль о развитии ситуации! Видится два варианта. Согласиться с игрой, по правилам заотделения, прикинувшись абсолютным мешком? То есть, отдаться системе. Отпадает! Это, не про меня! Значит, нужны деньги. Которые можно выудить только из дома. Сумма, примерно, сто рублей в месяц. За отдых на госпитальной койке. Тариф, как на гражданке. Выяснилась цена, из конфиденциальных разговоров с «сокамерниками». Не все, здесь находящиеся, чем-то больны. Завотделением предпочитал кавказцев. Глядишь и придут родственники. Простимулировать лечебный процесс. Значит так, надо звонить домой. Говорят, что это решаемо. В отделении есть городской телефон. Днём это проверить невозможно. Только вечером. Начал прикидывать, на какую из медсестёр сделать ставку... Но вернусь к упомянутому солдатику с менингитом. К нам в палату зашла эта молодая

женщина-врач и говорит: «Кто поможет поддержать больного, в операционной?». Реагирую мгновенно: «Я помогу!». Пришли. Вижу, на столе свернувшись калачиком, на боку уже лежит этот боец. С менингитом. И еще, один боец, из палаты напротив, стоит рядом. Видимо, как и я, желающий подсобить. Гляжу, докторша берёт шприц, набирает лекарство и говорит мне: «Сейчас, только укольчик сделаем. Так надо!». Подставляю руку. Получаю свою инъекцию. Успеваю подумывать: «А мне-то, зачем?».

Но врачиха даёт сигнал к началу манипуляций с пациентом. Мы с бойцом из палаты напротив занимаем места, рядом со столом. И лежащим на нём болезным. Нам указывают, где держать и куда придавливать, чтобы пациент находился в скорченном состоянии. Врачиха толстой иглой делает прокол в позвоночнике лежащего. И подставляет пробирку под иглу. Оттуда падает капля крови. Пробирка заменяется чистой. Вовремя! Из иглы начинает капать желтоватая жидкость. Медленно. Капля, за каплей. Чувствую, что мне приплохело. Слабость, ноги подкашиваются... Делаю знак рукой, в сторону двери. Сразу, санитарка суёт мне под нос ватку, с нашатырным спиртом. Вдох, другой – аммиак бьёт в переносицу, меж глаз. И мне легче. Двигаюсь к двери. Санитарка, за мной. Вышел в коридор, она меня тянет к выходной двери. Выполз во двор, присел на лавочку. Свежий воздух принёс облегчение. Пара-тройка вдохов и выдохов – мне, окончательно полегчало. Полез в пачку, за сигаретой.

Санитарка мягко меня остановила. Придержав рукой. «Подожди, минут несколько. Оклемайся окончательно. Потом, закуришь. Позднее», – промолвила эта добрая тётушка. И ушла. Убедившись, что я жив. Вполне. Сижу, размышляю. Врачиха, вот ведь зараза – вколола мне что-то сосудосуживающее. Для чего?? Вывод один. Единственный. Чтобы меня испугать! Ладно, черти – не кипишуйте! Я ведь уже решил(ся) домой звонить. Про денежки... Следующим вечером позвонил к отцу. Объяснил, что нужно. «Жди, приедем!», – ответил папаня. Притаился я и начал ждать.

Через день, сподру, и папаня, и маманя прибыли в Кировабадский госпиталь. Ранее, в ходе воспоминаний о конце моего школьного периода, я не упомянул о некоторых изменениях в моих обстоятельствах. А существенное изменение состояло в следующем. В начале моего десятого класса, уже прояснилась картина изменений во внутрисемейных обстоятельствах. Один за другим скончались бабушкина сестра и её муж. Супруги проработали всю жизнь в АзНефти. Экономистами. Дедушка Алёша был даже награждён Орденом Ленина. Бабушка Аза – только орденом Трудового Красного Знамени. Их фотки, есть у меня, на Фейсбуке. Или, можно посмотреть, на сайте www.rusalbom.ru. Печальные эти события сделали меня и папашу владельцами двухкомнатной квартиры. Кооперативной, на проспекте Ленина. Ныне – проспект Азадлыг. Что значит – «проспект Свободы». Дом № 84, квартира 2. Тонкость ситуации состояла в том, что осталось от

дедушки и бабушки завещание. На меня и папахена. Но, по советским законам, квартира не может завещаться. Завещается только пай. Денежная сумма, внесённая в кооператив. При его строительстве. Советский человек не мог быть собственником своего жилья. Если оно государственное. А если кооперативное, то оно твоё. Пока ты жив. Но после того, как помер, если есть завещание – значит наследники будут судиться долго. С Советской властью. Но если наследник был прописан в квартире при жизни хозяина, то вопрос требовал лишь переоформления. Документального.

Так вот, с моей-то пропиской и приключилась накладочка. Дедушку сбил пассажирский автобус. Насмерть. Пока бабушка лежала в больнице. С диагнозом – рак крови. Вот и думали мои родители, что после того, как мне исполнится 16 лет, паспорт я буду получать по новому месту жительства. Не в адресе, папы и мамы. Но.., не прокатило. Онкология подкосила отцову тётку за месяц до моего дня рождения. Ну, хоть завещание успели оформить. На отца и меня. В равных долях. Далее, папаня с маманей – развелись. И в десятый класс, школы № 160, я ходил уже с нового места жительства. С проспекта Ленина. Ну вот, приехали мои родители, находившиеся в разводе. Проживающие в разных концах столицы союзной республики Азербайджан. Но прибыли они дружно в стольный город Кировабад. Для нейтрализации авантюрных затей сыночка предки забыли о разногласиях. И примчались, разруливать ситуацию. Отец сказал мне: «Приказываю тебе

не маяться глупостями. Не только, как отец, но как старший, по званию! В конце концов – я офицер запаса! Поэтому, слушай приказ. В палату, шагом марш! А мы пока что потолкуем со здешним командованием». Я отправился занимать тыловую позицию, предоставив старшему поколению приступить к переговорам. Каковые завершились в предобеденное время. Я был оповещён о том, что маман поговорила с Баратовым. Успешно. Попросив его, дабы её чаду провели витаминотерапию. Инъекциями. И вообще, хорошо бы сделать биохимический анализ крови. И рентгенснимок черепа. Для стимуляции процесса, в карман белого врачебного халата подполковника медицинской службы было опущено двести рублей. В конверте. О сроках окончания лечебного курса договорённости не было. На том, предки отбыли. Восвояси.

Значит, нервная ситуация застabilизировалась. Кипишок утих. Можно отдыхать дальше. Как говорится – «солдат спит, служба идёт». Никаких экстраординарных всплесков не наблюдалось. Ещё целых полтора месяца. А потом – бац! И выписали. Без предупреждения. Видимо, двухсотрублёвый лимит был исчерпан. По мнению администрации. Ну, да и ладно! Ведь весна уже на дворе. Пора и честь знать! Прибыл в свою часть, осмотрелся. А соответствующий призыв уже к демобилизации готовится. А такой негласный порядок заведён, что уникальные специалисты, из числа демобилизуемых, должны найти и обучить замену себе. Иначе, не отпустят. Нет, ну домой-то поедешь. Но в последних чис-

лах действия Приказа Министра обороны. Например, приказ выходит в октябре, а действие его – до 31 декабря. Ну, и в весенне-летний призыв – аналогично. Поэтому, те ребята, кто подпадал под эту категорию, чувствовали напряженность. Если ещё не присмотрели себе замену. Из числа тех, кому ещё «пахать и пахать». На мою удачу, был в части парень-голичник, то есть с высшим образованием. Их призывали, на один год. Бакинец, Гуссейнов Гуссейн. Он после народно-хозяйственного бакинского института. И, кроме того, двоюродный брат моей одноклассницы, по сто шестидесятой школе, Алескеровой Ирады. Вот он и переговорил со мной. Первое требование – умение печатать на печатной машинке. Ну, хотя бы, чуток. Для начала. Чтобы непьющим был – начальник этого не потерпит, выгонит. То, что бакинец нужен, именно – объяснялось потребностью иногда что-либо отвезти в штаб четвёртой армии. Который был в Баку. Либо, что-то забрать, оттуда. Чтобы был аккуратен в работе с документами. Это – отдельная тема, подробности которой Гуссейн мне объяснил за пару «занятий». И совершенно архиважное задание, которое мне предстоит выполнить – это привести в соответствие фактическое наличие на складе и документальный учёт в службе. Кстати, наша служба называлась РАВ. Тобишь, «служба ракетно-артиллерийского вооружения».

А руководил этой службой полковник Рыжков. Отличный человек и грамотнейший специалист. В нашей зенитно-ракетной бригаде он являлся заместителем командира части по

вооружению. Под командованием или руководством такого человека служить, или работать – одно удовольствие. Порядочный и справедливый. Придаться не к чему! Несколько завмаговских хитростей мне объяснил выпускник бакинско-го нархоза. Земляк Гуссейнов. По поводу наведения документального порядка в складском учёте. За службой РАВ – числилось два склада. Один – стрелкового оружия и боеприпасов, а другой – склад ЗИП. Это значит – запасных инструментов и принадлежностей. Дело в том, что к каждой станции или машине, придаётся комплект инструментов. Которые являются расходными. А значит, подлежащими списанию. С книг учёта. Для пополнения естественной убыли инструментария и прочих лако-красочных материалов, в бухгалтерских премудростях была предусмотрена статья. С денежной наличностью. Две тысячи рублей на календарный год. Перерасходовать не возможно, потому что лимит. Недорасходовать, тоже нельзя. Потому что, на следующий год выделяют ровно такую же сумму, каковая была потрачена. В году текущем. Или уже утёкшим. Потому, что сведения эти подавались в декабре. Заведовал складом оружия и боеприпасов прапорщик Петросян Гамлет. Местный ханларский парень. У него, на складе, всё было в полном порядке. В части числился один пистолет Макарова, в розыске. Но Гамлет, здесь был «не при делах». Пистолет спёрли у «дежурного по части». В этой «стекляшке» с вертушкой на проходной, где был пост этого самого дежурного офицера, находил-

ся сейф с личным оружием командного состава. При объявлении тревоги и для заступления в наряд, офицер или прапорщик забирали из сейфа свой пистолет Макарова. Оставляя вместо него, карточку-заменитель. С указанием фамилии. В части было около 120 пистолетов. Значит, в удобный момент, некто взял два пистолета. Свой и чужой. А дежурный по части прохлопал ушами. Или – глазами. Было следствие, но безрезультатно. Поэтому, одна единица стрелкового оружия числилась в розыске.

Но вот, на складе ЗИП, у прапорщика Авдышева Юры был катастрофический беспорядок. Никакой учёт толком не вёлся. Что есть в наличии, а чего нет – одному Богу известно. Так получилось, потому что складской ангар был новый. Ну, относительно... Полтора года назад, служба получила три ангара. Один оборудовали и запустили, в эксплуатацию максимально быстро. Это Гамлета склад. Здесь тянуть резину и работать «спустя рукава» было невозможно! Это склад стрелкового оружия и боеприпасов. Тема не шуточная... В этом вопросе небрежности быть не могло. Учёт и хранение были поставлены идеально. После того, как на стрельбище бойцы пуляли по мишеням, мы с Петросяном ползали по траве и собирали стрелянные гильзы. Затем складировали их в те цинковые упаковки, откуда они были извлечены. Куда-то и когда-то их надо было сдавать. Но эти подробности меня не касались. Из штучных, редких образцов стрелкового оружия у нас была снайперская винтовка с оптическим

прицелом и револьвер Марголина. Ни из того, ни из другого мне пальнуть не довелось. Боеприпасы к этим стрелялкам, были в мизерном количестве. Как эти штуки, главное – зачем, попали в нашу часть редкие и не относящиеся к штатному оружию бригады предметы, ответа не знал никто. Просто, они были. В наличии. И были учтены по всей форме. Но вернусь к интересной теме, к бесценному и уникальному жизненному опыту. Мой наставник Гуссейн, как будущий завмаг, преподал мне некоторую тонкость. Касаемо наведения порядка в книгах учёта. В службе, в кабинете, имелись журналы входящей и исходящей документации. В журнале исходящих учитывались те письма, которые писали мы. В журнале входящих регистрировалась корреспонденция, которую присылали нам.

Поэтому, был применён следующий трюк. В журнале учёта накладных делалась фальшивая запись. Что, такого-то числа, такого-то месяца была выписана накладная. Регистрировался номер документа и число. Не указывалось, кому была выдана эта бумага. Эта графа оставалась пустой. Далее, всё шло, как положено. Для чего это было нужно? Дело в том, что, когда к нам приезжала комиссия, из штаба округа, из Тбилиси следовало «проставиться». А вышестоящее командование отлично знало, что в нескольких кварталах, от нашей в/ч 55582 располагается Ханларский агровинпромкомбинат. Производящий отличный коньяк. Минимальная доза, которую мы должны были выставить проверяющим то-

варищам, равнялась одной канистре. Двадцатилитровой. Ну, а если бывали обнаружены недостатки, в нашей работе, то объём магарыча возрастал. Ещё на двадцать литров. Но мы-то этот коньяк, ворованный, покупаем. Нам, комбинат бесплатно не наливает. А как всем, отдаёт по четыре рубля. За один литр. В розничной торговле, в магазинах поллитровая бутылка стоит семь рублей шестьдесят две копейки. А тут, литр – за четыре рубля. Бутылка шампанского – один рубль. Но, шипучее вино спросом не пользовалось. Солдатики, покупали какую-то «бормотуху» с отвратительным запахом у «деда». У местного престарелого бутлегера. По цене – один рубль. За литр. И пили эту дрянь, ночью. Ну, а мы, кроме коньяка, ещё и канистру пустую покупали. В магазине. На всё это деньги нужны. А количество их – лимитировано. Две тысячи рублей, в год. Всего-то... Значит, наши два прапорщика, каким-то «макаром», доставали и приносили мне чистые бланки накладных. Но, с печатью магазина. Гражданского. Или кировабадского, или какого-нибудь иного.

В чистый магазинный бланк, я вписывал некоторое количество товаров. Которые у нас проходили, как расходимые инструменты и принадлежности. Затем, оформлял эти несуществующие инструменты на склад. А следующей накладной, я выдавал эти молотки и плоскогубцы какому-нибудь офицеру, который уже убыл к новому месту службы. Страна-то большая, а министерстве обороны придерживались неписанного правила – офицер должен прослужить в

разных военных кругах. С разным климатом. Так получалось, что при убытии офицер Пупкин полностью укомплектовал свою станцию всем положенным инструментарием и отбыл. В Сибирь или Германию. В итоге, никакие инструменты, ни в какую машину не попадали. Их ведь не существовало в реальности. А мы, просто списывали эти две тысячи рублей в год. И начальник финансовой части, майор Михальчук – обо всём об этом знал. Ведь те накладные, где проходили не существовавшие инструменты и принадлежности, купленные за наличные деньги, которые этот-же начфин нам и выдал, я приносил в финансовую часть. Как оправдательный документ. Подтверждающий расходование материальных средств. Так была устроена армейская теневая жизнь. Все всё знали. Но, помалкивали... Однажды, наши прапорщики принесли мне чистые бланки магазинных накладных без круглой или треугольной печати. «Нету, с печатью, хоть убейся!», – говорят. А я-то, помню инструктаж Гуссейна. О том, что можно расписаться за завмага. Написав, «у магазина нет печати». Но не чаще, чем один раз в полугодие. А лучше, в год. Один раз. Так я и написал: «Магазын пэчат нэт. Зав.маг Мэммэдов». И занёс в финчасть.

Через день, майор Михальчук встречается меня, когда я спускался по центральной лестнице штаба. С нашего второго этажа. А финчасть – на первом. Вот начфин и спрашивает у меня: «Петров, кто из твоих родителей в торговле работает? Папа или мама?». «Никак нет, товарищ майор! И па-

па, и мама – инженеры», – отвечаю. Михальчук скептически повёл бровью: «Далеко пойдёшь, Петров! Будь осторожен...». Сейчас написал это и подумал: «Спасибо, товарищ майор, за добрые пожелания! Вашими молитвами, Бог милостив. Не привлекался, под судом и следствием не был! Надеюсь, что и впредь повезёт...». Вот так и шла моя служба штабного писаря. И не просто писаря, а старшего писаря! Ефрейторская должность, не хухры-мухры! Месячная зарплата, на один рубль больше, чем у рядового. Выдавало мне Министерство Обороны СССР четыре рубля восемьдесят копеек. Ежемесячно! Эта сумма уходила на белую хлопковую ткань, для подворотничков. Ну, и на сигареты оставалось что-то. Моя финансовая ситуация, существенно улучшалась бабушкиным ежемесячным почтовым переводом на десять рублей. Если бы не этот червонец, жить было бы сложнее. В пропорции... Это «чирик» давал мне возможность питаться сгущёнкой и белым хлебом, из нашей солдатской чайной. Или буфета, говоря гражданским языком. Вместо посещения штатной столовой в обед. Непременный электрический чайник, чай в пачках и сахар хранились у меня в нижнем отделении сейфа. Сейф был знатный, несгораемый! На колёсиках. Когда служба переезжала из старого помещения в здание нового штаба, этот сейф кантовала почти вся техническая батарея. В которой было около сорока бойцов. Ну, насчёт количества грузчиков, я несколько преувеличил, конечно. Но, человек шесть, справились. Никто не пострадал.

И я, в том числе. При помощи ломов и «какой-то матери» – работа была выполнена. Успешно.

Из воспоминаний об армии, не могу не отметить памятный момент, когда и как меня приняли в комсомол. Приходит старший лейтенант Кирпичников и говорит: «Петров, ты мне всю статистику портишь! В части пятьсот комсомольцев. И один – некомсомолец. Это – ты! У меня вся статистика, которую я, как секретарь комсомола части подаю в штаб округа, тобою испорчена. В чём дело?». «А что нужно?», – спрашиваю. «Что нужно, ты спрашиваешь? В комсомол вступить, нужно! Вопросы есть? Вопросов нет!», – сурово молвил старлей. И ушёл. «Ну, не я в тбилисский штаб отчёты сдаю комсомольские. Тебе надо, вот и активничай, Кирпичников!», – подумал я. И благополучно забыл. Об этом. Проходит недели две-три. Опять, комсомольский главарь меня отлавливает. «А что надо сделать, чтобы вступить? Я же – не против!», – проявляю инициативу. «Тебе следует сфотографироваться в городском фотоателье. И принести мне фотографию Три сантиметра на четыре. На документы. Возьми увольнительную у Рыжкова и сходи. Понял? Не тяни резину...», – выдал инструкцию главный «комс». Опять, прошла неделька. Встречаемся, вновь. «Товарищ старший лейтенант, у нас отчёты сейчас, в службе – нет никакой возможности в город идти. Работаю по воскресеньям, как в будни!», – иду в атаку, первым. Отбил, вроде... Проходит еще пару дней. Лежу в казарме, отдыхаю перед заступлением в

наряд. Дежурным по штабу, я ходил. Так, нам, «писарчукам» положено было. Как заведено, лежу после обеда. Отдыхаю. Перед разводом. Прибегает Кирпичников и выволакивает меня из койки. Тянет за собой. Меня, в трусах и майке. Босиком. Ну, хорошо – лето! Вытаскивает меня на крыльцо казармы и ставит спиной к стене.

Я, конечно, приколотся: «И чо, расстрел? Без суда и следствия??» ... Главарь комсомолии не прореагировал, на мой выпад. Он вызвал дневального по казарме: «Из каптёрки парадную форму одежды – сюда, один комплект!». Потом добавил: «Брюки и обувь, не нужно!». И вытаскивает из сумки, фотоаппарат «ФЭД». Пока я надевал верхнюю половинку «парадки», Кирпичников добавил дневальным ещё приказание: «Одну простыню из каптёрки, сюда несите!!». Значит, дневальные держат растянутую простыню, за моей спиной. А Кирпичников делает шаг назад и фоткает. Вот, не было ещё одного независимого оператора, чтобы запечатлеть эту мизансцену! Как я стою, в трусах. И босиком на бетоне. Но в рубашке, галстук, кителе и фуражке, позируя старлею. А двое солдат держат простыню за моей спиной! Умора... Воистину, не в этом веке сказано: «Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся...». Продолжая тему «смешного под знамёнами», вспоминается ещё один курьёз. Из множества, других. Тому подобных. Лето. Время – под вечер. Вышел из штаба. И потихоньку иду, по аллее. К клубу. Дорога та, по обеим своим сторонам, имела аккуратно подстри-

женный кустарник. Высотою, под два метра. И шириною – в метр. Зимой, когда листвы нет, то ухода за этим растительным забором, никакого и не было. Но, зато, когда кустарник был покрыт листвой – его аккуратно подстригали. С армейской тщательностью. Дорожка была асфальтированная. Длиною чуть более полутора метра. И вот, иду... По этой аллейке. В сторону клуба. Вдруг, за моей спиной, какой-то громкий человеческий крик. Матерный! Со страшным шумом ломающихся веток, на дорогу выламывается полковой конь Васька. И бросается, за мной! А я – от него!!

Аллея заканчивается площадкой. Где, зачастую, стоят пара-тройка автомобилей. Всегда: дежурная машина ГАЗ-66, командирский УАЗ-469 и ещё кто-нибудь. Мне бы до этой площади, перед клубом добраться, добежать! И свернуть. Резко. Эта скотина, которая скачет за мной, вдогонку имеет гораздо большую массу. Вдобавок, фактор внезапности, на моей стороне. Но топот копыт, сзади всё приближается! Оглядываться, нет возможности. Отвернусь назад и споткнусь, вдруг! Поэтому, жму. Со всех сил! Я не силён, в забегах. Ну, не чемпион я. В беге. Ещё каких-то двадцать метров – и резкий поворот. Влево! А человек, сзади продолжает орать! Наконец-то, на последнем, почти издыхании, вылетаю мимо этих чортовых кустов и, почти юзом, выскакиваю за пределы дистанции забега. Резкий скачок – «лево руля», и, лишь тогда, оглядываюсь! Васька, как торпеда, пронесется мимо. А ему, оказывается, вообще не до меня! В чём же, де-

ло-то?? Поворачиваюсь кругом. Всматриваюсь. Вижу, в проломе кустарника, откуда выскочил конь, матерясь и чертыхаясь, появляется, с дубиной в руках, наш начальник продовольственной части. Капитан Баранчиков. Он продолжает голосить и махать этим, своим дрыном. Вслед полковому коню Ваське... Оказалось, что конь, находясь на вольном выпасе, объедал кору, с фруктовых деревьев. А эти яблони, сам Баранчиков и сажал. Вот он и пресёк, эти конские шалости... А почему я так «кипишнулся» от неожиданности? За несколько дней до того, стою на штабном крыльце, курю. А перед штабом были высажены розы. Усилиями командира части. Полковника Митина. Жена этого деятеля была сестрой жены командующего Закавказским Краснознамённым Военным округом. Генерала-полковника Мельникова. Вот Митин и совершил крутой взлёт. От лейтенанта и до полковника. За семь лет. А лейтенантом он стал после строительного тбилисского ВУЗа. Кажись, так...

И вот, среди этих розовых кустов, появляется наш полковой конь. У него, попарно, спутаны верёвкой ноги. Отдельно – передние, отдельно – задние. Это, чтобы уравнивать скоростные показатели четвероногого животного и двуногих людей. Если, что... Посмотрев вокруг, и не отметив ничего угрожающего, коник начинает полегоньку пробовать на вкус розовые кустики. Я начинаю делать ему угрожающие жесты и кричать бранные словеса. Дело происходит в обеденный перерыв. Командира части в штабе нет, начштаба и прочих

офицеров – также. Но если кто появится и увидит, как на моих глазах, происходит порча драгоценных зелёных насаждений – размеры неприятностей не будут являться величинной предсказуемой. Особо активно шевелиться, после принятой пищи, мне неохота. Поэтому, пробую решить вопрос дистанционно. Беру камешек и бросаю в Ваську. Я попал. Но видимо, камень был маловат. Лошадь продолжает пощипывать кустик. Обнаруживаю в кучке гравия, заготовленного стройгруппой для каких-то нужд, булыжник посолиднее. И метким броском, попадаю этим каменюкой Ваське промеж ушей. Звук удара был значительным. И я, несколько перепугался. Не повредил ли я беднягу. Но он, просто заржал и удалился. На своих, спутанных попарно, четырёх. А когда его шугнул капитан Баранчиков, мне резко подумалось, что конь подждал меня в засаде. И начал атаковать. Злопамятный, сволочь! Я дал дёру. Это был единственный выход... Ну раз начал, про этого Россинанта говорить, так расскажу ещё один прикол.

Проснулись мы, однажды, среди ночи – со стороны караульного помещения идёт автоматная стрельба. Очередями! Одиночные выстрелы бывали и ранее, но очень редко. Это кто-то, из караула, производил. Случайно. Ошибочно. Потом, бывали долгие и нудные разбирательства. Со множеством объяснительных, докладных. И последующих актов. О списании боеприпасов. А так, ничего серьёзного не происходило. Пару раз, были попытки нападения на караул. Яко-

бы. Но, ничего конкретного доказано не было. И вот, кто-то лупит очередями! А ночка была туманная. И, даже, очень! Вообще, сильные туманы в той местности бывали редко. Несмотря на предгорный ландшафт. А стрелок – не унимается. Садит короткими очередями. Потом, затихло. Постепенно... Ну ладно, заснули. Наутро, рабочий день начался обычно. Никаких объяснений о ночной шумихе нет. После развода, прихожу к себе в штаб, в кабинет службы. Только присел, перекурил перед началом бумажных дел, пришёл солдатик. С бумагой. Из технической батареи боец. Среднеазиатский, такой паренёк. Протягивает мне докладную. Уже завизированную командиром техбата, капитаном Стрелянным. Интересная у человека фамилия была, ничего не скажешь.... Читаю: «Прошу списать с книг учёта части следующие боеприпасы. Патроны автоматные 7,62 мм с пулями ПС в количестве 22 шт. Выстрелы были произведены мною, рядовым таким-то. Ночью стою на посту номер такой-то. Вокруг туман. Слышу шаги. Говорю: «Стой, кто идёт!». Заглядываю, под туман. Вижу – идут двое. Снова кричу: «Стой, стрелять буду!». А они продолжают идти. Рядом, друг с другом. Я делаю предупредительный выстрел, в воздух. Они побежали. Я стал стрелять им вслед. Они поднялись на возвышение. Тогда стало хорошо видно, под светом Луны, что это – полковой конь Васька».

В ходе канцелярских работ, которые я выполнял, как бы само собой, пришло умение шлёпать по клавиатуре пишу-

щей машинки. Всеми пальцами обеих рук. А среди документов, с которыми приходилось работать – встречались не только с грифом «Для служебного пользования», и с надписью: «Секретно». Ну, если в присутствии кого-либо из наших офицеров, то – ничего особенного. В конце концов, я просто выполняю техническую работу. Под надзором офицера. Автора исполняемого документа. Но, для соблюдения правил работы, мне следовало оформить, так называемый «Допуск». По форме там, какой-то. Но это было связано с созданием немерянной кучи бумаг. В общем, решение это должен был принять начальник службы. И отправить меня в городское фотоателье, для изготовления моих фото. Которые должны занять надлежащее место, в личном деле. Но, полковник Рыжков не заморачивался, с такими формальностями. Секретные документы хранились в секретной части. Это отдельное подразделение, или архив. Если говорить о функции. По мере надобности, офицер нашей службы – забирал необходимое ему «дело», с секретами. Приносил в службу. Работал с документацией, писал черновик и отдавал его мне. Отпечатав очередной секретный перл, согласно формы, я внизу приписывал «исполнил такой-то, отпечатал Петров, м.б. № такой-то». М.Б. – обозначало «машинное бюро». Это значит, что я работал – взамен целого бюро машинисток. Смешно, конечно. Но, таков порядок! А порядки – следует соблюдать. Ну, или делать вид. Что следуешь каждой букве руководящей инструкции. Такова специфика бумаго-

творчества!!

Постепенно, моей деятельностью заинтересовался некий старший лейтенант, который имел кабинет, на первом этаже. В самом конце коридора. Около запасного выхода. По фамилии – Рогов. Наблюдение за нарушениями режима секретности – его функция. Ну, не единственная, конечно. Полномочия старлея были широкими. Оно и понятно. Товарищ старший лейтенант – числился по двум ведомствам, одновременно. Носил он форму Министерства Обороны СССР. Знаки на петлицах, соответствовали нашему профилю. Два скрещённых пушечных ствола – обозначали артиллерию. Ну, были мы предназначены, для стрельбы. Бесспорно. Но упомянутый товарищ, принадлежал ещё к одному ведомству. Поэтому, полное название его подразделения звучало так: Особый Отдел Комитета Государственной Безопасности СССР при Министерстве Обороны СССР. Простенько и понятненько. А функции, по армейской жизни – военная контрразведка... Ну, вот. Для начала, он провёл ознакомительный разговор. Со мною. Мол, откуда сам, кто родители, откуда родом, где работают и так далее. Не подвергался ли кто из моих родственников, уголовному преследованию? Есть ли родичи за границей? Какое у меня образование, какова гражданская профессия. Как отношусь, к западному образу жизни?? Тут, я перестал удерживаться в рамках ответов, на протокольные вопросы. «Понятия никакого не имею, об этом. Я там не бывал. Ни разу!», – борзо ответил я. И про-

должил: «Вот, за государственный счёт, отправьте меня за рубеж. На годик. Поживу, осмотрюсь, вернусь и напишу отчёт. Что видел и слышал. Какие сделал выводы. Если будут какие-то соображения, изложу. Непременно!». Смотрю, попал я, в большое место. «Да чтоб такого достичь – много полезного надо для Родины сделать. Люди, к этому идут десятилетиями!», – проговорился контрразведчик.

Далее, особист спросил: «А может быть, у кого-нибудь есть фотоаппарат, радиоприёмник, не знаешь??». Дело в том, что владение этими предметами, в нашей части – запрещено. Режим! Секретности... Но ребята умудрились фоткать. Ну как же, а оформление дембельского альбома? Святое дело... Кстати, у меня нет ни одной фотографии, сделанной в пределах в/ч 55582. А вот радиоприёмник был. Бакинского производства. «Хазар» назывался. Короткие волны он не принимал. Только длинные и средние. А всякие Би-Би-Си и прочие Голоса – это чудо техники, не принимало. Поэтому, можно было слушать только: Баку, Москву и Иран. Но Иран говорил на фарси. И поэтому, иранские передачи не представлялись опасными. Зачем опасаться, ведь ничего не понятно! Так что кроме музыки, там нечего было слушать. Вот я и сказал Рогову: «Радиоприёмник есть у меня. А есть ли ещё у кого – не знаю. А в чём суть опасений? Ведь, запретный плод – сладок, думает солдат. И если власти запрещают прослушивание западных радиостанций, значит боятся. Чего?? Вот, в политотделе части шесть человек офицеров и

один прапорщик. Чем они заняты целый день? Вот взяли бы и провели курс лекций. На данную тему. Неправильно вы работаете! Разъяснять надо, а не запрещать!». Это была «борзость», с моей стороны. Начать чекисту указывать на огрехи в его работе. Но я знал, в чём моя сила! Мама-то моя была партийным деятелем, своего факультета. И всяческие новости «идеологического» фронта были мне известны, свежими! Потому что всё, что она преподносила своим иностранным студентам, будучи куратором их групп, на химико-технологическом факультете – становилось предметом внутридомашнего обсуждения.

Поэтому, навыками околопартийной демагогии, я владел на уровне инструктора райкома. Как минимум! Но, твёрдой уверенности, в том, что такая моя тональность в диалоге с военным чекистом, сойдёт с рук – не было. В конце концов, я сказал, что думал. Да будь, что будет! И что же? Проходит пара недель. Личный состав части, после утреннего развода, загружают в клуб. На политзанятия. На сцену выходит капитан, из политотдела. И начинает вещать интересную лекцию. На тему идеологической борьбы, которую ведут противники СССР, посредством радиоэфира. Что же я слышу и вижу! Неожиданно, авторский текст, без бумажки. Обычно, темы политзанятий нам преподносили, читая с листа. Это было привычно. Потому что, такой стиль разговора с аудиторией, задавался с самого верха. Понятное дело, что речи для Брежнева, готовились целым штатом специалистов. А он – толь-

ко зачитывал. Но это воспринималось, как канон. В армии, главный руководящий и системообразующий лозунг вышестоящего начальства: «Делай, как я!». Соответственно, такой подход распространялся и на гражданскую сферу. Страна-то, ведь, у нас военизированная! Где дитёнку-пионеру, уже дают команду: «Будь готов!». Но там, где спичрайтер не предусмотрен, люди готовились к выступлению сами. Письменно. Затем, зачитывали текст с листа. Для своей аудитории. И капитан политотдела, излагавший тему не с бумажки, воспринимался, как нечто неординарное. Ещё более интересным, оказался смысл изложенного. Был рассмотрен пример радиокорпорации Би-Би-Си. Для решения своей пропагандистской задачи, бибисишники чётко соблюдали пропорцию между истинной информацией и враньём. Ложь составляла три процента. Но остальное – было правдой!

Теоретическое обоснование такой пропорции, между правдой и ложью, в подробностях мне не известно. Ну, например. Удостоверившись в истинности публикаций неоднократно – далее потребитель контента, автоматически принимает на веру безоговорочно всё, что исходит из недр корпорации Би-Би-Си. Значит, слушателю внедряют в комплекте, целевые три процента дезинформации. Которые и содержат тщательно выверенные инструменты пропаганды. Попав в нужное место, в нужное время – этот боеприпас срабатывает с максимально возможным разрушительным эффектом. Цель поражена! Для подобного существует масса специаль-

ных приёмов. Например, слушателю, говорят правду. Но он не верит. Следом, ему объясняют, мол, услышанное есть истина, но вам её предоставили, чтобы вы в неё не поверили. И всё... Объект поплыл. Те времена, увы, миновали. Многократно возросли объёмы поступающих новостей. Пропорционально снизилось информационное качество. Много мусора.

Потихоньку-полегоньку, подошла к концу, моя служба. В завершение этого урока жизни, я задумал произвести некоторый «тайм-аут». И отдохнуть. В осуществление этого достойного плана – получил рекомендацию. Для поступления на подготовительное отделение высшего учебного заведения. Выбор был шире широкого. Из числа возможного. Значит, в любой ВУЗ СССР. Или училище. На выбор! Если бы моя мама работала в МГИМО, в Москве... Ха-ха! Но, она работала в АЗИНЕФТЕХИМе, в Баку. Другой, конечно профиль. Да и моё присутствие в родном городе было необходимым. В течение нескольких лет. Смотря, на какой период растянутся судебные тяжбы. За обладание двухкомнатной квартирой. Обретение своего жилья – это серьёзный жизненный момент! Так что, выбор был сделан. Но, не мною! Так карта легла... Из двух, почти, сотен дембелей, такие направления удалось получить только двоим. Отличникам боевой и политической подготовки. Кроме меня, ещё и Жолудову Виктору. Черногородскому бакинцу! Но, Витёк – уже учился на вечернем отделении. В упомянутом институте. А в ар-

мию его забрали, потому что возраст пришёл. Таковы были советские порядки. Это я его уговорил решиться бросить вечерний ВУЗ и рискнуть. Потому что гарантий успешного поступления на дневное отделение института, направление на рабфак не давало. Уж, как экзамены сдашь... Но практика показывала, что все становились студентами дневного отделения. Это я разузнал предварительно у мамани.

В завершение армейского цикла этюдов, о своей молодости, расскажу ещё об одном бакинце, с которым повстречался «под знамёнами». Этот мой бывший сослуживец, по в/ч 55582, являлся «годичником». Ребят с высшим образованием, совдепия призывала в армию только на один год. Потому и выпало мне познакомиться с Зульфугаром Фарзалиевым. За плечами у него уже были два учебных заведения. Кроме школы, конечно. Это Бакинское художественное училище и Тбилисская Академия художеств. Годичников, на всю часть, были единицы. Я помню пятерых. Но эти люди не служили, в один период. Это всего, за два моих года, проведённых в сапогах. Или ботинках. По сезону глядя. Вот такая статистика. Дорогой читатель, данным опусом, я нисколько не претендую на лавры Гиляровского. С его «Москва и москвичи». Просто, делюсь увиденным и услышанным, за минувшие годы. Подросток и подрастающие поколения, зачастую напичканы пропагандистскими мифами о славном советском периоде. Конечно, каждый имеет право помнить то, что он хочет. Это – бесспорно! Ныне, возвращаюсь к Зульфугару.

Ему, как дипломированному живописцу, командование части выдало ответственное задание. На всю ширину нашего клуба, создать живописное произведение агитационного характера. В стиле «милитари», конечно. Не берусь, в точности определить размеры полотна, но посадочных мест в клубе, было пятьсот. А плакат этот – во всю ширину здания! Над входными дверями. Войсковая часть выделила для успешной работы всё, кроме красок. В достаточном количестве. Поэтому, автор работы, рядовой Фарзалиев был поставлен в несколько затруднительное положение.

Клубом заведовал старший лейтенант Емельянов. Числился он в политотделе. Ведь клуб – это очаг культуры. В армейской жизни – единственный. Штатный, причём. Так вот, именно Емельянов обязан был обеспечить Фарзалиева масляными красками в тюбиках. С какими бухгалтерскими трудностями встречалась наша служба Ракетно-Артиллерийского вооружения – равно с такими же, столкнулся и политотдел. В части изыскания наличных денег для закупки красок художественных. Но Зульфугар творил из того материала, что оказался в наличии. По этому поводу, у них с Емельяновым был постоянный производственный конфликт. Но вот, наконец, творческие муки художника завершены. Плакат был готов! И он занял своё место над дверями клуба. Вполне советский агитационный материал. Выполненный очень качественно. Кроме образцов оружия и вооружения, там были изображены три погрудных портре-

та воинов. В полупрофиль. Представителей различных родов войск. Кто в каске, кто в бескозырке, а кто в фуражке. Рядом друг с другом. Прекрасно выписанные, героические персонажи. Форма одежды, как на манекенах, отутюженная. И знаки отличия, и даже награды имелись. Отличные бойцы. Но один из воинов, имел уж очень узнаваемое, неоднократно всеми виденное лицо. Это был Жан Марэ, в роли Фантомаса! Не спутать. И колор – один в один! А всё, из-за отсутствия красок, в тубиках... Помню, как начальник штаба, полковник Вараксин на разводе молвил командиру части полковнику Митину: «Ну что сказать? Это художник, он так видит...». Наверное, неделю или полторы Фантомас радовал военнослужащих срочной службы. Офицеры обходились без комментариев. Наконец, старлей Емельянов закупил красок и Зульфугар внёс коррективы в свой шедевр. Жан Марэ перестал быть синим. Но, узнаваемым остался! Рука не подвела художника! Равно, как и тонкое чувство юмора. Он удержался в полушаге от сарказма. Но грани не пересёк. Bravo, Зульфугар!

Ещё по молодости, завелась у меня привычка, определённый период жизни связывать в памяти с анекдотами. Именно тогда услышанными. Не знаю, почему так сложилось. Может быть, эдаким образом, мозг замедляет процессы старения в организме? Бац, вспомнил какой-то рельефно-выпуклый, коллекционного качества анекдот. И, как будто погрузился в ситуацию когда его услышал. Кто рассказывал, ко-

гда рассказывал, при каких обстоятельствах и с каким подтекстом. Глядишь, и, помолодел на несколько десятков лет. Ну, хоть не надолго! Пусть, всего на несколько минут. Наверное, что-то в этом есть. Маркер, которым память метит свои файлы, пусть он будет связан с позитивом. Смех продлевает жизнь! А если не он, то что?? Ну, уж не деньги, точно... Клинических испытаний никто не проводил. Во всяком случае, академическая наука такими данными не располагает. Значит, здесь поле непаханое. Или?? Проэкспериментирuem. При помощи смешного начинаем искать наши деньги! Наши, дорогой читатель! И твои, и мои. Анекдот, который сейчас расскажу, слышал в армии. От кого? Позднее... Пусть это будет маленькой интригой, пока. Итак, прилетает Брежнев в Африку и выступает перед тамошними гражданами. Он говорит толпе: «Мы вам – продукцию тяжёлого машиностроения. А вы нам – бананы!». Африканеры кричат, в ответ: «Лумумба!!!». И так они отвечают на все интернационально-дружественные предложения советского вождя. Африканский вождь говорит Брежневу: «Теперь, мы должны совершить наш старинный обряд. Иначе, народ не поверит. Мы вместе, разжигаем костёр. Затем – тушим, в него помочившись». Сказано и сделано. Стоят, писают, в костёр. Вождь посмотрел на Брежнева и говорит: «Какой у тебя маленький лумумба!».

А жизнь на гражданке начала удивлять бывшего штабного писаря. Это ноябрь 1977 года. Только сейчас, мы имеем

возможность посредством Интернета, просмотреть и выделить совокупность обстоятельств, вызвавших заметные негативные изменения в размеренно-неспешной советской жизни того периода. Но тогда было непонятно, почему цены на поездку в такси возросли в два раза, куда подевалось сливочное масло и прочие, привычные продукты. Типа колбасы. Например. И ещё, начался «джинсовый бум». Когда я уходил в армию, обладателями джинсов были единицы. И синие штаны, не являлись культовым атрибутом. Цены чёрного рынка колебались от семидесяти и до ста рублей. А теперь, вдруг – до двухсотпятидесяти цена доходит. И этот товар, стал пользоваться ажиотажным спросом. В Баку был такой район города, где можно было приобрести почти любой дефицит. Пусть не в момент обращения. Но обозначив свой интерес, потенциальный покупатель мог надеяться, что его мечта сбудется. На днях. Этот оазис чёрного рынка назывался Кубинка. А круглосуточно, там можно было приобрести хлеб, домашнего приготовления. Но изготовленного по старинным, традиционным рецептам. Дефицита хлеба и муки, в госторговле не было. Но это было проявлением ухарского шика – сесть в такси и съездить на Кубинку, за чуреком. Цену не помню. Дороже магазинного, конечно. Наверное, один рубль. То есть, в три раза. Да и не в цене дело. Понты – дороже денег! Не в этом веке сказано... Вот в такой изменившейся рыночной ситуации, мы вместе с Жолудовым Виктором Валентиновичем, поступили на подготовительное отде-

ление нефтехимического ВУЗа. По степени престижности, в негласном табели о рангах, наш АЗИНЕФТЕХИМ – был вторым в СССР, после московского Губкинского института.

Проучились на подготовительном отделении, сдали экзамены и стали студентами первого курса. Жизнь начала налаживаться! Согласно законам диалектики, количество начало переходить в качество. Объём накопленного жизненного опыта начал приносить плоды. Подробности учёбы в институте, описаны мною ранее, в Сети. Вбейте в поиск: Ё-пэрэсэтэйка-15. А лучше, сначала зайдите на сайт «День Кубани», в раздел «Беседка». Напрямую, не всегда расшаривается. Такой способ создания текста моих автобиографических этюдов, предложило мне издательство Ridero. Вполне прогрессивно! В ногу со временем. Ведь, смартфон теперь в руках у каждого. Или ноутбук. Вот не осветил, никак, в период 2010-2011 годов, когда писал свои Ё-пэрэсэтэйки – тему своего участия, в советском гражданском судопроизводстве. Теперь настал момент коснуться этой занимательной темы. Как упоминал ранее, после возвращения из рядов СА, потребовалось решать вопрос с квартирой. На тот момент – есть завещание бабушкиной сестры, покойной. Но нет прописки, на этой жилплощади. Значит, все пути ведут в суд. Районный. Изыскан был канал, в части контакта с судьёй. С учётом интересов посредника, папаней было затрачено три тысячи рублей. Дорогой читатель, денежка у папахена была от продажи дома в Сухуми. Кажись, по улице Кирова. Есть

даже фотка, во дворе этого ранчо. И на Фейсбуке, в моих фото, и на сайте «Большой русский альбом». На фоне нашей с папой, любимой игрушки – автомобиля BMW 321. Возвращаюсь в районный суд. В назначенный для разбирательства день, женщина-секретарь судьи говорит мне: «С помощником прокурора надо тебе поговорить, ещё. Он молодой, недавно только начал работать. Больше двухсот рублей ему не давай!».

Ладно, спускаюсь этажом ниже. Прокуратура там. Нахожу нужную табличку, на двери. Постучал и вошёл. «Так и так», – говорю. «Сегодня, в конце рабочего дня будет слушаться моё дело, квартирное. Мне нужно с Вами поговорить по этому поводу. Как бы это сделать?». Прокурорский товарищ отвечает: «Заходи ко мне, часиков – в четыре, или – в пять». Выхожу из кабинета, в некотором недоумении. И направляюсь домой. Там недалеко. Дело в том, что существовал тогда неписанный обычай. Определять размер взятки по количеству назначенных для визита часов. А вот количество нулей – в зависимости от «цены вопроса». Ведь за мелкое дело, никто не будет выкладывать крупную сумму. Приплёлся домой в раздумьи. Так, думаю. Секретарша сказала – двести. Но, это – смехотворно мало. Прокуратура сказала: четыре, или пять. Непонятно... Попил чайку и прилёг. Напряжённо размышляю. Четыре, пять – это не может относиться к тысячам. Это сотни. Значит, решение принято. Схема действий ясна. Повалился, повалился – заснуть не удалось. Нервы...

Ну, ладно. Пора, в путь. А в те времена, мой кожаный бизнес уже процветал. Смотри Ё-пэрэсэтэйка-3. Денежка, папечкой лежала у меня в швейной машинке. Подольской. Переделанной, под длинный стежок. Работал я только капроновыми нитками, обувными. Вечными! Взял две сотенные бумажки, положил в конверт. Ещё, две по сто – в задние карманы джинсов. По одной, в каждый. Ну, думаю – нормально. Прокатит! И отправился к Фемиде, в гости. Прихожу в четыре часа. Захожу, в знакомый уже, прокурорский кабинет.

Подхожу к столу, за которым сидит хозяин кабинета. «Вы сказали, чтобы я к вам пришёл», – а сам подсовываю конверт, под какую-то папку, на столе. И продолжаю: «Сегодня будет рассматриваться моё дело, о наследстве. Хотелось бы надеяться, что вы не будете иметь неблагоприятного для меня мнения по существу дела». Прокурорский товарищ заинтересованно спрашивает: «А что в конверте?». «Деньги», – отвечаю. «Я понимаю, что деньги. Спрашиваю – сколько?» – активничает товарищ. «Двести», – говорю. «Ты что?? Квартира – не один десяток тысяч стоит!», – парирует мой визави. Забираю конверт из-под папки. И, как только взял его в руки, сзади меня открывается дверь кабинета. Кто-то пытается войти. Конверт прячу под рубашку, не оборачиваясь. «Подождите в коридоре, я занят!», – выдаёт свою реакцию служитель Фемиды. Тем временем, извлекаю две сотенные бумажки из задних карманов потрёпанных джинсов. Кладу их в конверт. И опять, засовываю его под папку на столе. «Дума-

ешь, я не знаю, что судья не одну тысячу получила?», – продолжает прокурорский. Я спрашиваю: «А какую сумму, вы считаете правильной?». «Ну, хотя бы пятьсот!», – получаю, в ответ. «Есть только четыреста!», – парирую я и понимаю, что мы договорились. А он мне, рукой показывая на дверь. «Нет, ну ты видишь, в каких сложных условиях приходится работать! В общем, если где и встретимся – мы незнакомы!», – подытоживает мой благодетель. Направляюсь к двери. «Этому, в коридоре, скажи – пусть заходит!», – бросает мне в спину представитель советского суда. Самого справедливого суда в мире! Как нам известно от знаменитого артиста, от Георгия Вицына!

Потом, несколько лет спустя, мы столкнулись с этим человеком в автобусе. Он посмотрел на меня внимательно. А я сделал отсутствующую мимику. На тот момент, моё дело всё ещё рассматривала Коллегия Бакгорсуда. А до этого – просто Бакинский городской Суд. Забегая вперёд, скажу, что Коллегия, тоже решила в мою пользу. Но, один прокурор остался при «особом мнении». И, в порядке «прокурорского надзора», дело было передано в Верховный Суд АзССР. Который также признал меня законным наследником. А против, всё это время, выступал отдел Бакгорсовета. В чьём ведении было кооперативное жильё. Фамилия юриста этого подразделения была – Финкельштейн. Пожилой и въедливый был мой оппонент. Но, Петров И. Ю., двадцатисемилетний студент – победил старичка. А вы говорите о коррупции в

СССР? На бытовом уровне, это была просто «смазка». Или требуется другое законодательство. Под людей, а не против! Страна в поиске по сей день. Ха-ха, три раза...

Для завершения институтской темы, хочу осветить еще некоторые памятные эпизоды. Они оставили неизгладимый след, не только в моей памяти, но и у всех ребят нашей группы. На втором курсе, как только пришли с летних каникул, нас отправили собирать хлопок. В России и Беларуси – студентов отправляли, на сбор картошки. В то время, Азербайджан попытался оспорить лавры Узбекистана. И тоже поселял хлопок. На помощь колхозникам, были отправлены студенты. Хотя, те кто отправлял, прекрасно понимали, во что это выльется. Вот и нас, отвезли в сельскую местность. Пацанов поселили в помещении колхозного клуба. Девчатам выделили более приспособленные помещения. С собой все потащили матрасы и подушки. Я захватил спальный мешок, туристический. Обустроились. На следующий день, сподручно, наш декан выдал каждому по специальному мешку. Для сбора хлопка. На мешке были пришиты ляжки, для того чтобы этот мешок вешать на шею. И ещё обвязаться подобием пояса. Облаченные в такую «спецуху», мы походили на кенгуру. Фотки имеются. Что собирать-то надо было? Оказывается, после прохода комбайна, оставались комки хлопка на кустах. А также, много валялось на земле. Вот это и надо было собирать. Ну, приступили! К обеду насобирали. По мешку. Отнесли на сборный пункт. Взвесили. В присутствии декана.

Отправились снова в поля. Без энтузиазма. На следующий день, мы с пацанами уже не собирали хлопок, а разыскивали местных подростков. Помельче. Отыскали и договорились. Один мешок хлопка – за пятьдесят копеек. С доставкой на опушку местного лесочка. Там мы свили себе гнездо. Где и валялись до вечера. Потом, с утомлёнными физиономиями, появлялись. С парой или одним мешком хлопка. Было весело! Через две недели администрация института прикрыла эти «каникулы Бонифациев». Домой мы увезли по одному или по паре гусей. Куриц местные жители нам не продали. Такие вот экзотические трофеи привезли мы после хлопка.

Ещё, в истории нашей группы № 480 было событие, которое вспоминается всеми, как одно из наилучших за весь период института. Это была двухмесячная производственная практика летом, по окончании третьего курса. С выездом в город Гомель. Ехали на поезде. До Киева. Там пересели в другой. И прибыли в гостеприимную Белорусию. Заселились в общагу. Строящегося химического предприятия. Но не все наши ребята были заняты мыслями только о предстоящем знакомстве с трудовыми перспективами по специальности. Несколько человек выполняли ещё одну функцию. Это был бизнес-проект. Который состоял в том, что в родном Баку были закуплены босоножки женские. Местного производства. Обувь эта была из пластика. Каблук-шпилька и подошва – отливались в одной пресс-форме. Итальянской. Вручную прикреплялись только два кожаных ремешка. В районе

подъёма стопы. Но отливка имела надпись снизу – Made in Italy. Для соблюдения приличий, обувная бакинская фабрика ставила ещё свой логотип, краской. Который, легко удалялся растворителем. Цена закупки в магазине была чуть менее двадцати рублей. Планируема цена продаж – по пятьдесят. Этот план, я обнародовал в группе за неделю до отъезда. Опираясь на опыт моих знакомых. Которые, подобные финты проделывали ранее. С другими образцами бакинской обуви. Возили в Казань. Сапоги женские. Было всё успешно, но в итоге – один товарищ схлопотал условный срок. Будучи студентом Института народного хозяйства. Так что, риски имели место быть! Но в нашем случае, благодаря более тщательной проработке и аккуратному исполнению задумки – всё обошлось «шито-крыто». Кроме меня, только двое «подписались» на эту авантюру. Из пятнадцати пацанов. Девчата, не в счёт. В нашем случае, мотивация была простая – иначе, не прожить. Как сказал О. Бендер: «Финансовая пропасть – самая глубокая, из всех пропастей. В неё можно падать всю жизнь!».

И завершает цикл знаковых событий группы № 480 – эпопея «под погонами». Скорее, период «соискания таковых». Это приключение состоялось после защиты диплома. Но, для того, чтобы получить заключение военной кафедры об окончании курса обучения, следовало пройти трёхмесячные сборы. И, по окончании, сдать квалификационный экзамен. В назначенное время, я прибыл для отправки. В армию меня

уже забирали однажды. Так что – не страшно! Даже, несколько интересно. Как бравый борец с выкрутасами совдепии – я, кроме, общегражданского паспорта, положил в карман и военный билет. Солдатский. Красного цвета. В котором было записано, с какой даты и по какую я проходил срочную службу. И какой ВУС мне присвоен. ВУС – это военно-учётная специальность. В этой графе, у меня значилось – «специалист штабной службы». И никому, про это не сказал! Сели в поезд вечером, утром прибыли. В пункт назначения. На самый край СССРии, в Астарту. Этот городок, при подписании мирных соглашений между Сталиным, Рузвельтом и Черчилем был разделён пополам. Половина – осталась советской. А другая – стала иранской. И определили нас в войсковую часть, по прибытии. Которая оказалась – кадрированным танковым полком. Это означало, что имеется полный комплект оружия, вооружений и боеприпасов. В наличии почти полный штат офицеров. А, вот, рядовой и сержантский состав представлен лишь тремя суточными нарядами части. Такой степени укомплектованности, полк должен быть только в мирное время. При объявлении мобилизационной готовности, все штатные места заполняются личным составом по призыву. За гражданским населением закреплены, вакантные в мирное время места. Ну, соответствующего ВУСа, конечно. Например, отслуживший срочную, но ныне – гражданский человек, призывается и занимает своё место. Таким образом, полк укомплектовывается

полностью и разворачивается в боевой порядок.

Но не ознакомить городских пацанов, не служивших в армии, со спецификой армейской жизни – не честно. Тогда курс военной подготовки – можно засчитать, как неудавшийся. Старослужащие знакомят новоприбывших с неписаными правилами и обычаями. Так принято, негласно. И всеми соблюдается. Поэтому, начал я с краткой, ознакомительной лекции. Правило первое – солдат спит, служба идёт. Всё остальное, не столь существенно. Срочный призыв не столь страшен, как его представляют. Некоторые. А почему? Да потому что, у него есть непререкаемый срок окончания. Если не вляпался в штрафной батальон. Или другую уголовщину. Тут, вообще, сроки окончания неприятностей – не предсказуемы. Поэтому, не заморачиваемся и ожидаем наступления гражданских будней. Дома! С местным командным составом, не конфликтовать. Уважать поле свободы сослуживцев. Алкоголь и прочие психоактивные препараты – не употреблять. В жару, не забывать обильно смачивать водой головной убор – панаму. Если дело происходит в той местности, где субтропическая форма одежды предусмотрена Уставом. А это – наш случай. С осторожностью употреблять плоды фруктовых деревьев. Ибо – чревато! Ознакомив ребят с этими непреложными армейскими премудростями, я посчитал свой долг исполненным. Теперь, пора и о своём здоровье подумать. Дело в том, что иногда, возникали у меня резкие болевые ощущения в области печени или желудка. Поэтому,

раз уж я оказался в санаторной обстановке, гарантированной Министерством Обороны СССР, то не использовать этот бонус «по полной» – было бы неумно.

Поэтому, я зашёл в санчасть. Объяснил начмеду свои пожелания и получил от него направление в госпиталь. Но, предварительно, надо было завизировать это направление, в штабе дивизии. В стольном городе Ленкорани. Это районный центр. Так, и госпиталь там же. На следующий день, отправился я здоровье поправлять. Путь в сорок километров, преодолел на автобусе. Оба населённых пункта расположены на побережье Каспийского моря. Водоём, знакомый мне, с детства! Кто не был на Каспии – посетите, вам понравится! Вода прозрачнее, чем в Чёрном море, или на Балтике. Гораздо! Вдобавок, ещё и менее солёная. А песок на пляжах – сказка! Никакой гальки. Кое-где ракушки, правда, бывают. Участками. Очень редкими. Есть один секрет, о котором знают местные жители. А приезжие – нет. Если под вечер, ветер дует в сторону моря, то наутро – вода морская будет, почти, как из водопровода, прозрачная. Но, если, ветер с моря, то водичка может быть мутноватой. И даже, с водорослями. Но, всё равно – приезжайте! Добрался до Ленкорани. Нашел штаб дивизии. Иду по двору и кого я вижу? Навстречу мне идет майор. Он только что покинул УАЗ-469, который обогнал меня и остановился. Отдаю честь, приветствуя этого офицера: «Здравия желаю, товарищ майор!». Когда виделись в последний раз, лет за шесть до того – он был ещё стар-

шим лейтенантом. А он, в ответ: «Как будто вчера, расстались. Ты опять, в панаме! А я – уже не майор. Просто, новую звёздочку ещё не обмывали, поэтому не по форме одет. Я – уже подполковник! Недавно, из Афганистана вернулся. Полгода там был». А я – ему: «Мои поздравления и наилучшие пожелания! На сборах я, в Астаре. Сюда, в госпиталь решил наведаться. Потом, может быть, времени не будет».

«И куда решил податься, после института?», – спросил товарищ Рогов. «Уехать хочу из этого региона. Мне Белоруссия понравилась. Москва, как последняя надежда. В столице, земляков-то полно, есть где зацепиться. Но хочется населённый пункт помельче. Цивилизованный. Прибалтика отпадает. Я родился и прожил всю жизнь в национальной республике, есть своя специфика. Кроме того, после окончания ВУЗа, молодой специалист обязан отработать два года по распределению. У меня, распределение – в город Сумгаит. На предприятие Минхимпрома. Буду решать вопрос. Квартиру, о которой я упоминал, если помните – отсудил. Надо ордер ещё получить и прописку, потом. Так что – вот такие дела мои», – отвечаю подполковнику, в погонах майора. «И про квартиру твою, помню. Ну, если возникнут вопросы, пока ты здесь, на сборах – обращайся!», «А можно ли рассказывать в части, что я бывшего однополчанина встретил?». «Можно!». На том, наш диалог и окончился. Пошел в госпиталь, неподалёку. Проглотил кишку. На предмет исследования содержимого желчного пузыря. Получил заключение, на

следующий день. Приятно переночевав, на постели от Министерства Обороны. Не фирма, а санаторий... Пока войны нет. Тем более, когда в заключении, о исследовании содержимого своих потрохов, читаешь – «без патологий». Вернулся в часть приободрённым.

Много забавного было ещё, на этих сборах. Но, как и всё хорошее, завершился и этот эпизод. Летописи моей жизни. Сдали госэкзамены по военке и отправились до дому, до хаты. Один парень, из нашей группы, экзамена не сдал. Так и остался рядовым. Хотя, в армии отслужил. Положенные два года, срочной службы. Но так выпала ему карта. Ну, не повезло человеку. Не может, ведь, везти, бесконечно... Это – жизнь! Прибыл я в родной город, а там меня сюрприз ждёт! Маманя рассказывает новость: «Приходит однажды соседка, с четвёртого этажа, Надя Черномордикова. И говорит, что мол, помощь ваша нужна, тётя Надя!». А эта Надя – моя ровесница. Бывшие сотрудницы сестры моей бабушки, по Азнефти, Клавдия Васильевна и её муж Моисей Давыдович – купили двушку в этом самом кооперативном доме. Наряду с моими бабушкой Азой и дедушкой Алексеем. На проспекте Ленина, дом восемьдесят четыре. В одном и том же блоке. В первом. Их квартира находилась на четвёртом этаже. И была у них девочка Надя. Усыновлённая. За последние годы, в связи с преклонным уже возрастом, супруги Черномордиковы, покинули сей мир. Поочерёдно. А их воспитанница Надя, родила сынишку. С отцом мальчика отношения не сло-

жились. Он проходил срочную службу, в Баку. Дембельнулся и уехал. К себе. Толи в город Черновцы, толи ещё куда-то в тот регион. Надя, с пацаном, потом ездила к мужу. Пробыла там какое-то время, но вернулась. Домой, в Баку. Такая вот ситуация на тот момент, когда эта Надя пришла к своей тезке за помощью. Так уж сложилось, что мои родители дружили с этими Черномордиковыми. И как бы «по наследству» – мы продолжали поддерживать добрососедские отношения. В рамках традиционных приличий. Кроме того, эта Надя Черномордикова – была несколько странноватой. И видимо, осознавала это... Ну я не врач, не мне судить.

В тот день, или вечер, пришла моя маманя, в квартиру этой соседки. На помощь. Неизвестно какую, но, согласно просьбе. И что показывает, эта Надя моей маман. Она поднимает деревянный подлокотник потёртого временем и молю плюшевого кресла. А там – тайник! В полости, открывшейся взгляду, лежат изделия из жёлтого металла! Колечки, цепочки... И прочие, подобные побрякушки. Вынули всё, разложили, не столе. Да, дорогой мой читатель! Это было, именно – ОНО! Да, да, да! Ты угадал! Это было – золото! Посмотрели пробу. Пятьдесят шестая! Но, при совке, производимые ювелирные цацки, маркировались пробой «пятьсот восемьдесят третья». Это означало, что в данном сплаве, имеется пятьдесят восемь целых и три десятых процента, чистого золота. А остальное, есть «лигатура». Добавка, значит. В тот исторический, советский период, лигатурой бы-

ла медь. А сейчас, стандарт изменился. На общемировой. Лигатурой теперь служит серебро. А пятьдесят шестая проба, была при царе-батюшке. Значит, найденный клад состоит из золота, царских времён! Моя мама, как человек насмотревшийся и начитавшийся в детстве, как и положено нормальному ребёнку, всяких приключенческих и детективных сюжетов, сказала этой Наде: «Надо искать дальше! По всей квартире. Заглянуть везде и всюду! Может быть, есть ещё. Где-то...!». Не знаю, как долго они ковыряли плинтусы и прочие потаённые места, но на антресолях, среди всякогохлама и чемоданов с занафталиненной зимней одеждой – был найден небольшой, матерчатый мешочек. С какими-то засушенными, лечебными травами. Он хрустел на ощупь. Но был подозрительно тяжеловат. Для сухой-то травы!

Открыли этот мешочек и увидели, кроме сухой травы, такой же набор изделий из жёлтого металла. Как и в подлокотнике плюшевого кресла. Дальнейшие розыски и поиски – никаких результатов более не принесли. На этом, активность доморощенных золотоискателей была прекращена. В ходе дальнейшего осмысления перспективных действий в части находки, соседка Надя высказала мнение, о необходимости обдумать ситуацию. В деталях. Что и как. Взяла тайм аут, как бы... Спустя несколько дней, она сообщила моей мамане подробности о происхождении находки. Оказалось, что отец Моисея Давыдовича, до революции, содержал ювелирный магазинчик. И кое-что сумел спасти, от изъятия совет-

ской властью. Какой-то мизер. Основную массу золота, большевики изъяли, конечно. В каком именно году? История семьи Черномордиковых, хранившаяся в Надиной памяти, таких подробностей не сохранила. Да, ей такие тонкости и не были известны, наверно. Если найденное явилось для неё неожиданностью. А жили эти люди, крайне экономно. Но один раз в год, или в два, выезжали они летом на Кавминводы. Это было хорошим тоном в Баку того периода. Посещение Кисловодска или Ессентуков – являлось свидетельством некоего статуса. Статуса приличных людей. Пекущихся о своём здоровье. А также, своих детей. Или даже, уже и внуков. Поэтому, при советском уровне зарплат или пенсий, мысли о летнем курорте накладывали отпечаток режима экономии. В течение предстоящего расходам всего финансового года. Но долги после периода летнего, с выездом, отдыха – были вполне нормальным и широко распространённым явлением.

Всё это, мне рассказала маманя. В ответ, я выразил своё мнение о том, что сунуться в официальную скупку ювелирного лома, Черномордикова не рискнёт. Она работает уборщицей, растит сына без мужа – и вдруг... В квартире, в которой соседка прожила всю свою сознательную жизнь, обнаруживается клад. По закону, она должна сдать его государству. И подождать. Когда и если. Скорее – вдруг! Государство решит отблагодарить счастливицу. Согласно, советскому закону. Тут, ключевое слово – Закон. Именно отсюда и

начинаются сомнения. В правильности такого подхода. Умнее будет – другой путь. Никакой огласке это дело не предавать. А тихо и мирно реализовать эти предметы. Вопрос – кому? И, через кого? Я предложил пойти самым очевидным путём. Дело в том, что ещё мои бабушки и дедушка Алексей пользовались услугами одного стоматолога, с незапамятных времён. Качеством работы, которого, они были довольны. И не одно десятилетие. Лет за пять, до описываемых событий, мой папаня посетил этого доктора. По вопросу протезирования. Раскрою-ка я эту тему несколько подробнее. Инвалид войны, Николай Иванович, содержал частный стоматологический кабинет, на улице Абилова. По месту жительства. Совдепия допускала такое. Вполне официально. Папахен, уже прожил лет двадцать с золотыми коронками от Николая Ивановича. Будучи вполне довольным этим фактом. Но разрушились другие зубы и назрела необходимость ремонта. По старой памяти, папаша двинулся по знакомому адресу. Но там, работал уже сын Ивановича – Павлик. Если старший стоматолог был на несколько лет младше моих бабушек, то и разница между их отпрысками – была приблизительно такой-же. Павлик окончил стоматологический факультет, в Дагестане. Учиться там – было дешевле, чем в Баку.

По окончании института, Павел оказался перед дилеммой. Николай Иванович спросил сына: «Ты карьеру хочешь делать, или деньги зарабатывать?». Это сейчас может про-

звучать несколько странно. Ведь люди занимаются своей карьерой, чтобы её монетизировать! Но в советское время, монетизация карьеры в деньги... Вопрос исключительной сложности. Распадающийся на тьму подвопросов. Например, «деньги, это сколько?». С чистой совестью, без ночных страхов, перед предстоящими обысками и дальнейшими процессуальными сложностями, можно было жить. И при развитом социализме. В расчёте, только на зарплату. Скудную. Но – гарантированную. Усреднённо одинаковую. Правда, на грани... Между нищетой и «не совсем». Однако, при таком грустном состоянии личных доходов, были существенные плюсы. Совок обеспечивал людей жильём. Увидеть бомжеватого оборванца, на улице – было событием редким. Купить или продать квартиру нельзя. Теоретически. Но, практически – возможно. «Строй двойных стандартов». Таково имя этого строя, по-жизни... Когда все равны, но есть более равные. Ну, ладно. Возвращаюсь к Павлику. Он человек прагматичный, основы жизни уже познавший, поэтому выбрал деньги. Где-то числился врачом-стоматологом. Но работал и зарабатывал – в папином кабинете. По месту жительства, на улице Абилова. Таким образом, мой папаня и познакомился с Павлом Николаевичем. Придя к нему в зубной печати. Павлик был заядлым автомобилистом. Жигулистом. В детстве и юности, освоив отцовскую «Волгу». Но открыв свою практику, пересел на продукцию Автоваза. Образцы которой, менял каждые три года. Как только машина

достигала пробега тысяч сто километров – она продавалась. По доверенности. И покупалась, новая. В магазине.

В итоге сложившихся клиентско-исполнительских отношений, мой папаня и упомянутый Павел, завязали отношения дружеские. Начали дружить домами. Так вот, я и отправился к своему папаше. Обрисовал ему всю ситуацию с соседским золотом. С тем, чтобы он засвидетельствовал Павлику факт добросовестного происхождения кучки жёлтого металла. Павел всё принял ко вниманию и назначил мне время доставки. Первой трети «рыжика», примерно... Что я и сделал. Расчёт был произведён по цене двадцать рублей за один грамм. Цена скупки официальная, согласно Прейскуранта № 111, была тогда – двадцать четыре рубля, за один грамм золота пятьсот восемьдесят третьей пробы. А у нас – пятьдесят шестая, царская. В наличии. Через день, операция была повторена. И ещё, через денёк, я в третий и последний раз, отвёз ему остаток «рыжухи». И опять получил денежку. Итого, материала оказалось реализовано – ровно один килограмм. Из всех предметов, нам понравилась, по приколу – цепочка витого плетения, метра полтора, с пружинистым карабинчиком на одном конце. Для мелкой собачки, наверное! Плохо ведь, при царе, люди жили. Собачонок на золотых поводках выгуливали. Хахаха... Итого. Советских рублей, мне, зубной врач отмусолил, от щедрот своих – двадцать тысяч рублей. Ровно. Для справки: чёрно-рыночная цена моей отсуженной у горисполкома двухкомнатной квартиры, также

была равна двадцати тысячам. Всё тех же советских рублей. При инженерских зарплатах, при ста двадцати рублях – в месяц. Забавно, правда? Сразу анекдот, тех времён, вспомнился. Как у одного человека возникла острая непроходимость кишечника. После обследования, хирург ему сказал, что в зад у пациента застряла газета. Пациент удивился: «Правда?». Хирург уточнил: «Нет, Комсомольская правда». Туалетная бумага, при совдепии – была товаром редкостным. Но встречалась в торговле, чуть чаще, чем золотые клады...

Получили – разделили. По справедливости. Потому что делил я. Согласно устоявшимся соотношениям. Чёрнорыночным. За посреднические услуги, с учётом всех сложностей и рисков, была определена негласная цифра. Десять процентов, от реально полученной денежной массы. Таким образом, Наде было выдано, восемнадцать тысяч советских рубликов. Это была осень восемьдесят третьего года. Штукарь я отдал маме. Прокомментировал: «За наводку». Что там со своими денежками делала наша соседка дальше, нам было не известно и неинтересно. Видимо, сохранив завещанный родителями стиль «не отвешивать» – соседка повела себя скромно. Из заметных приобретений, у неё появился шёлковый халат, до пола. С драконом во всю спину. И никаких автомобилей. Или появившихся на рынке вэхаэсников. По цене, в половину меньше автомобильной. А при жизни старшего поколения, они варили суп из рыбьих голов. Распространяя вонь, на весь подъезд. Как вьетнамцы, в институт-

ской общаге. Но в отличие от приезжих студентов, они посещали в летний период Кисловодск или Ессентуки. Так, за несколько дней и шесть поездок на такси – я «отбил» годовой оклад кандидата наук. За вычетом партвзносов. Беспартийного кандидата быть не могло, по определению. Поэтому, особенно, я и не спешил устраиваться на работу. Согласно полученного распределения. В сумгаитский Химпром. Незавершённые дела ещё надо доделать. Госпредприятия пусть подождут. В первую очередь – мне следует получить ордер, на квартиру. Затем, провести телефон.

А у Павла Николаевича созрел план, относительно меня, видимо. Для начала, он решил показать мне технологию изготовления золотых коронок. Зубных. Ну что же, новая информация всегда интересна. А порою и даже полезна. Особенно, когда речь идёт о деньгах. Ну, начало было положено ранее. Реальное движение произошло. Значит, надо разобраться, в подробностях. Технологических. Итак, приступим! В работу принимается металл, только ювелирного происхождения. Приискковое золото – есть тема табуированная. Наглухо. «Будут даже если предлагать, по рублю за килограмм, то я откажусь. Спасибо, мне не нужно, отвечу. Сейчас все прииски под ингушами. А государство расценивает все операции с не ювелирным золотом, как особо тяжкое преступление. И вообще, в нашей теме есть своя специфика. Ну, мне приносят материал для работы не только сугубо стоматологические клиенты. Бывает, что людям необходимо

продать ненужные им вещи, а идти в скупку ювелирторга – они не хотят. По каким-то своим причинам. Мне не интересным. Вот я и выручаю граждан. Как и тебя, выручил. Кстати... Ведь, всякое в жизни бывает. Вот, например. Принесли мне орден Ленина. Золотой. Такие делали раньше. Проба – пятьсот восемьдесят третья. А барельеф Ленина – платиновый. Я платину отделил плоскогубцами. Там, сколько граммов было не знаю, не взвешивал. А просто взял и выкинул, этот ленинский образ. В дырку канализационного люка на улице перед воротами. Платина – материал более тугоплавкий и менее ковкий. Чем золото. Поэтому, в зубном протезировании не применяется. Такова наша специфика. Золото после переплавки теряет историю своего происхождения», – поучал меня Павел Николаевич.

Для того, чтобы расплавить металл, нужен источник нагрева. Им служит горелка. По типу горелки для газовой сварки. Только вместо ацетилена используются пары бензина. Которые получаются в специальной металлической ёмкости. С двумя трубочками, приваренными к крышке. Одна трубка – почти достигает дна ёмкости. Другая – лишь на несколько миллиметров погружена в объём нашего реактора. Сверху крышки выступают другие концы, этих двух трубок. На один из этих концов, надета резиновая трубка, присоединённая к компрессору, который качает воздух. Компрессор у Павлика – был от бытового бакинского кондиционера. Можно использовать и от старого, выброшенного холодильника. Дру-

гая резиновая трубка – была приспособлена к горелке. Как газосварочной, но размером – сантиметров двадцать. В нашу ёмкость, заливается бензин. До половины. Воздух, под давлением, подаётся в ту трубочку, которая длинее. И он булькает, в толще бензина. Образовавшиеся пары, заполняют свободный объём нашей банки и выходят через короткую трубку. Через шланг – в горелку. Вот и весь золотоплавильный завод, на кухонном столе. Ещё, необходима форма, в которой будет происходить плавление. Эта формочка была изготовлена из тугоплавкого металла. На фрезерном станке, какого-то машиностроительного завода. Ёмкость формы – примерно, как спичечная коробка. Золотой лом, размельчается кусочками. На более мелкие фрагменты. Затем, насыпаем буру – на дно формы. Это такой белый, кристаллический порошок. Он служит флюсом в нашем процессе. Загружаем лом в нашу форму. Посыпаем бурой, ещё. И начинаем нагревать. Регулируя пламя горелки так, чтобы был только синий хвостик пламени. Это максимум температуры, который может выдать наша горелка. Водим пламенем по золоту, равномерно нагревая всю массу. Пока в сплаве присутствует лигатура – цвет расплава ещё не тот волшебный!

Ждём, когда вся масса металла, находящаяся в нашей формочке, расплавится. Затем, лёгким движением руки, выливаем жидкий металл в ведро воды. Ведро должно быть металлическим! Раньше, охотники так делали свинцовую дробь. Но, мы-то получили дробь золотую! Сливаем воду,

оставшееся золото подсушиваем на газетке. И ждём вечера! Вовсе не для соблюдения тайного ритуала. Просто, когда народ уже затих и погрузился в сон – начинается само таинство травления. На крыше дома Павла Николаевича. Именно там устанавливается трехлитровая банка с концентрированной азотной кислотой. Куда и высыпается золотишко. Процесс пошёл. Всё, можно спускаться. Если кто-то не спит и смотрит в небо, то может увидеть, как старик Хоттабыч взлетает с павликиной крыши. Химики называют рыжие выбросы окислов азота, над химическими заводами – «лисий хвост». Зрелище специфическое. И ядовитое. Но к утру – процесс заканчивается. Хоттабыч улетел, а на дне банки остался «чистяк». В общих чертах. Нужны ещё кое-какие, суперфинишные действия. Первым делом, промывание мелких кусочков, почти песка, под проточной водой. Вся лигатура исходного сплава растворилась в «азотке». Промыли, подсушили. И снова засыпали в нашу форму. Всё так же, с бурой. Слегка. Нагреваем равномерно. Получаем расплав. Но на его поверхности заметна плёнка. Берем сухую палочку и водим ею по поверхности жидкого золота. Палочка постепенно обгорает. И образовавшийся уголёк адсорбирует в себя эту «бьяку», с поверхности расплава. Когда он приобретает однородный вид, без какой-либо плёнки, которая бы счищалась углем – работа завершена! Вот, теперь можно наладиться зрелищем! Вид расплавленного золота – завораживает! Цвет заходящего Солнца! Как капля ртути, шевелится расплав внутри фор-

мочки, при лёгком встряхивании... Мистическое зрелище. Вставляет!

Технология плавления и очистки золота шлифовалась поколениями зубных техников и ювелиров. Цель этих манипуляций состоит в очистке золота от инородных примесей. Потому что, в местах включения других металлов, возникает разность потенциалов. И появляется электрокоррозия, как следствие. Результат которой – дырка в коронке. А кто обратится к врачу-бракоделу ещё раз? Да, ещё и знакомым своим отсоветует. Поэтому, была отработана оптимальная технология. Надо стараться очистить золото от примесей других металлов. Тогда электрокоррозия уже не грозит. Когда коронка уже сформована, на её доньшко кладут кусочек припоя. И нагревают, добавляя буру. Припой, это более низкопробное золото. В металлургии есть правило о температуре плавления сплава различных металлов. Которое гласит о том, что температура плавления сплава – «ниже нижнего». То есть, самого легкоплавкого. Зубной техник или ювелир изготавливает припой, соответствующий примерно трёхсотой пробе. Поэтому, нагревая коронку с маленьким кусочком припоя, лежащим на её дне – мы добиваемся расплавления этого припоя, не повредив саму коронку. И получается, что жевательная поверхность становится намного толще стенок. Максимальному износу подвержена именно жевательная поверхность зуба, а не боковая. В этом и есть бизнес! При уменьшении веса коронки за счёт её толщины вполовину от нор-

матива, нет проигрыша в долговечности изделия! Но клиент об этом не знает. Зачем ему излишние переживания? Он и так болеет. В конце концов, конечная цена его устроила. И если он будет использовать зубы только по прямому назначению – изделие прослужит ему исправно, лет десять.

Так, ну с технологией теперь – понятно. Но как мне это может пригодиться? Скорее – никак. Что я и высказал Павлику. Но прояснилось, что человек, который ему помогал в части изготовления зубных протезов, намылился уволиться. Это был отставник из числа военных. С приличной пенсией. И эти зуботехнические работы, для него, являлись дополнительным приработком. Занятием необременительным, но и наваром невеликим. Он-то не имел своего процента с оборота. Являясь лишь наёмным работником. Но бизнес остро нуждался в такой единице. Как выяснилось, далее. Потому что Павел спросил: «Нет ли кого-нибудь на примете, в части исполнения коронок? Чтобы был аккуратен и склонен к работе руками? За деньги!». Я ответил, что есть такой парень, со мной на подготовительном отделении учился раньше. Он сейчас не работает, да и с женой какие-то разборки. Правда, на почве этих жизненных неурядиц слегка бухает. Но, может быть, столкуетесь... «Дай ему мой адрес, пусть заходит», – ответил Павел Николаевич. Вот так и поговорили. Мне-то, такое копеечное занятие, не интересно вовсе. В самом начале студенческой жизни, освоив пошив джинсовых юбок, если я не заработал пятьдесят рублей, за смену...

То этот день – был прожит зря! Но, самая «пруха» началась в период изготовления плащей мужских двубортных, в стиле «тренчкот». Из перчаточной козлины индийской. Два вагона которой заблудились на перегонах МПС и заехали на территорию бакинского кожзавода. Морские двадцатифутовые контейнеры шли из Ирана. В Европу, наверное. Контрабандой! Потому как, без документов. Смотри, вбив в поиске своего браузера: Ё-пэрэсэтэйка-3.

Так, неспешно, ещё один год прошёл. А я, по-прежнему, нетрудоустроен. Зато – оформлена прописка и проведён телефон. Правда телефон – это мамина заслуга. У неё занималась химией – некая девочка. Одна, из многих. Папа этой девочки знал управляющего Промстройбанком. А управляющий, знал заместителя министра связи АзССР. Долженствующие предварительные разговоры состоялись, и мама понесла заму министра подарок – серебряный подстаканник с хрустальным стаканом и коробкой шоколадных конфет. Но не подстаканник, ценой в девятьсот с копейками, был поводом для знакомства с официальным лицом. Смысл затеи состоял в подаче заявления на установку телефона. Ведь формальности следует соблюсти. Зам наложил резолюцию, на заяву. И через неделю к нам пришли монтажеры. Дело было сделано! Телефон – установлен. С номером 96-24-26. Это был уже второй телефон, обретённый маманиными усилиями. Первый мамин опыт в этой части – увенчался получением номера 92-04-12. Это было ещё в 1964-м году. Девятку потом

прибавили. Поначалу, была просто «двойка». Это – район Баксовета. Самый центр. Центрее – не бывает. Один раз, помнится, произошёл прикольный случай. В моём детстве. Часто стали ошибаться, попадая к нам вместо учреждения, с похожим номером телефона. Там был номер 92-04-11. И это был ЦК ВЛКСМ АзССР. Задолбали. И звонят из всяких районов республики. Ну, утомили! В очередной раз, звонят: «Это ЦК?». Я отвечаю: «Не звоните больше по этому номеру! Нет теперь этой организации. Расформировали её!». Проходит несколько дней. К матери на работу позвонили из райкома партии. Оказалось, что эти сельские сограждане подняли панику, обрывая телефоны руководящих товарищей: «Как, что происходит, республиканский ЦК ВЛКСМ закрыли??».

Всё бы ничего, но маманю начали тревожить в институте: «Ваш сын, до сих пор не появился там, куда его распределили! Год прошёл, календарный. Всю отчётность портит. Решите вопрос». Мы подумали, подумали – и приступили, помолясь. Образно говоря, конечно. Мне в подмогу, был выделен какой-то чел, из институтских преподав. Которому надо было посетить это предприятие, в Сумгаите. Прибыли мы в кабинет зама по кадрам. Который, критически осмотрев меня, в результате назвал цифру. Однако, обозначил и альтернативный путь. Через медицину. Но очень туманно. Высказав, что вот приходят люди, со справками о дефектах в органах дыхания, или пищеварения. Но у нас, ведь не толь-

ко на производстве, возможно трудиться. Можно и в кабинете. Везде в помещениях заводоуправления, есть кондиционеры. Или – вышеназванная сумма. В две тысячи рублей. Тогда, отправим письмо в Министерство Химической промышленности СССР. Ведь мы не республиканского подчинения предприятие, а союзного. Напишем, что вакансий нет и этот молодой специалист, нам не нужен. На том и распрощались. Я вышел первым, но услышал, как хозяин кабинета сказал моему провожатому: «Да кто за него две тысячи даст??». Так, думаю: «Дядя, сыграть хочешь? А сыграем!»... Этот институтский чел остался на заводе, а я – двинул домой. Еду в автобусе и размышляю. Значит, пятьдесят копеек – туда, пятьдесят – обратно. Плюс пообедать. А ещё, до автовокзала утром. И обратно, вечером. Опять, не бесплатно. И так – двадцать два дня, в месяц. Или, двадцать четыре? При зарплате, рублей в сто десять, на руки. Потому что минусуют за бездетность. Ещё и что-то делать на этом заводе придётся. Не приведи, господи. Среди вонючих, ядовитых и взрыво-пожароопасных устройств. Размером, с пятиэтажный дом. Думаю, трясясь в набитом ПАЗике: «Нет, Дядя – а ху-ху, не хо-хо?». Этот жаргон – для посвящённых... Того времени.

На следующее утро, пораньше, я уже стоял возле окошечка регистратуры психоневрологического диспансера. Назвал фамилию, протянул паспорт. Девушка поковырялась и говорит: «Нет вашей карточки. Три года назад, посттравматики

с черепно-мозговыми травмами признаны годными, в мирное время, на сто процентов. Если вы и состояли на учёте ранее, то теперь – нет. До свидания». Так, приехали... Холостой ход! А может быть, оно и к лучшему? Дую в институтскую поликлинику. «Мне выписка нужна, из карточки. По месту работы требуют», – говорю в регистратуре. Медсестра отвечает, что карточка сдана в архив. Но если главврач скажет «найти», то – найдём. «Так спросите, у него!», – говорю. «Заходите завтра», – слышу в ответ. Зашёл завтра, к главному. А он, какой-то дальний родственник моего одноклассника, по школе. Ханукаев – фамилия этого доктора была. За столом сидит этот Ханукаев и рассматривает мою медицинскую карточку. Уже найденную в архиве. Говорю: «Мне выписку из карточки, на работу». Он вычитывал карточку, вычитывал. А там – четыре листа. Первый лист – это справка из ПНД, что я у них на учёте. Эту бумагу я притащил, ещё обучаясь на подготовительном. Превентивно. Мало ли что... Дальше, ещё пару листов, как я справки брал, с гриппом. Так этот Ханукаев и спрашивает меня: «Тебе какая справка нужна, что ты болен, или нет?». А у самого, уже цифры, в глазах прыгают. «Что в карточке есть, то и напишите», – говорю. Он, поняв, что ему не светит: «Вот, что в карточке есть, то и напишу!».

А мне только того и надо! Сдал справку институтскую, о том, что я клиент псих-диспансера в заводской здравпункт. Зашел к секретарше и написал «заяву». Что прошу отпу-

стить меня, на все четыре стороны. По состоянию здоровья. И вполне довольный содеянным, отправился восвояси. Домой, значит. Через месяц, Министерство Химической Промышленности СССР прислало мне бумагу. Домой. На министерском бланке и с министерской печатью. Что такому сякому предоставляется право свободного трудоустройства. Первый, кому я мысленно показал неприличный, ритуальный жест – был этот тип. Который презрительно сказал, обо мне, месяцем ранее: «Да кто за него, две тысячи рублей отдаст??». И сразу-же подумал: «Вот ты и отдал, точнее – не получил, Дядя!». Но теперь, у меня нет никаких поводов и причин не трудоустроиться. Открываю телефонный справочник города Баку и начинаю просматривать. Раздел «Организации и учреждения». Тогда, город насчитывал около полутора миллионов жителей. А нетрудоустроенные сограждане – именовались тунеядцами. И могли быть привлечены к ответственности. Поначалу, к административной, а потом – и к уголовной. Поэтому, самые ушлые и вольнолюбивые советские люди, имеющие какой-то доход, не связанный с бухгалтериями и КЗОТами, поступали так. Свою трудовую книжку, они отдавали в какую-нибудь не слишком щепетильную организацию, под видом кадрового работника этой «шараги». Где им начисляли зарплату, ежемесячно. Но таковая просто делилась, между работодателем и работником. Согласно достигнутой договорённости ранее. Средневзвешенный норматив был – пополам. И все довольны. Ибо, справедливость – пре-

выше всего! Они делают вид, что они нам платят – мы делаем вид, что работаем. Девиз того времени. Развитой социализм, всё пучком!

Листал я справочник, перелистывал дня три. Наконец – выбрал! Организация называлась – «Специальное конструкторское бюро Министерства местной промышленности». Думаю – оно. Это то, что нужно! Оазис капитализма, в замшелом мире тяжёлого советского машиностроения. В основном, при совдепии, уделялось внимание производству товаров группы «А». Это производство средств производства. Ну а товарам группы «Б» – совок, должного внимания не уделял. Это не вписывалось в его идеологический базис. Идеальный советский строитель коммунизма не должен быть обуреваем «культом вещизма». Он должен жить впроголодь. И иметь пламенный мотор вместо сердца. Всегда быть готовым к тому, что родина пошлёт его осваивать просторы тундры с киркой и лопатой. Но не все советские граждане были согласны с такой политикой партии и правительства. Часть сограждан желали жить в тепле, сытости и относительном комфорте. Как члены партгосноменклатуры. Которые кормились и прибарахлялись – отдельно от основной массы трудящихся. Но были и здоровые ростки частной инициативы. Которые локализовались в упомянутом выше Министерстве местной промышленности, Министерстве бытового обслуживания населения, Потребсоюзе и ещё ряде более мелких организаций. Деятельность этих структур бы-

ла направлена на производство товаров народного потребления и оказании услуг населению. В быту, эффективные менеджеры этих подразделений именовались «цеховщиками». Со всеми вытекающими, при совдепии, последствиями.

Решение принято. Начну-ка я, с этого СКБ. Зная, что мама моего школьного друга, активная и коммуникабельная, имеет в числе своих знакомых и бывших коллег по работе массу полезных и нужных людей. Думаю, может быть, повезёт! Тем более, что она должна мне четыреста рублей. Так уж получилось... А парень этот, мой бывший соученик по сто шестидесятой школе, уже свалил в Москву. Закончив, в Баку строительный институт. Когда я только вернулся из армии, зайдя к нему, увидел интересную картину! Он сидел и шил рубашку. Себе. Самый тренд, того времени – в стиле «милитари». Вот так и началась наша швейная эпопея... Дорогой читатель, не буду тебя утомлять подробностями нашей забавной молодости. Потому как, на эту тему можно писать и писать. Взгляни сам на этого моего школьного друга. В кинофильме «Двадцать четыре часа», года примерно двухтысячного. Он там играет оптового продавца парфюма, Анзора. Однажды, в Москве девяносто третьего или четвёртого года, в кругу друзей, я высказал идею о том, что можно снять художественный фильм по мотивам ежедневных происшествий. Потому, что это не жизнь, а «кино» ... При чём, каждый сыграет сам себя. Но, на актёров одной единственной роли потянули бы все. А потом – запустим эту ленту, на

телевидение. И войдем в долю, от проката. Итого: нужна камера, монтажер видео и звука. Ну, в общем, дилетантские размышления о сфере непознанного. Но заманчивого! В те времена идеи сотен проектов, рождались и умирали, в течение суток. Но жизнь пошла своим путём... А каково было моё удивление, когда в начале двухтысячных, я увидел по телику того самого приятеля. В кинофильме – «Двадцать четыре часа». Потрясающе! Но не об этом, данный текст...

Поэтому, я и обратился к тётё Рае: «Нет ли знакомых, в этой организации?». «Есть – главный инженер. Мы работали вместе, раньше». «Когда поедет к нему?». «Завтра». Отлично, конец нити зацеплен – будем разматывать! Спрашиваю, дома, у мамани: «Есть ли кто в местной промышленности?». «Есть. Этажом выше меня, на кафедре общей химии – Ахундова, её фамилия». «Это как?? А в Местпроме-то, кто работает?». «Не она, понятное дело, а её муж. Работает в Министерстве местной промышленности». «Кем?». «Министром!». Я понял, что уже зачислен. Но, тётё Рае об этом, знать не надо. Спустя пару дней, в назначенное время, прибыли мы к её знакомому – главному инженеру. Поговорили. Выяснилось, что у них есть и швейное направление. Вызвал он шефиню портняжек. Пришла упакованная тётушка и сразу подружилась с тётёй Раей. А мне сказала, что у неё работают, только женщины. И муж этой руководительницы – не последний человек, в городском ГАИ. Холостой ход. Продолжили разговор с главным и обнаружили искомое. Оказыва-

ется, в этом СКБ ещё есть сектор «ХРИК и ХО». Это не то, о чём ты подумал, дорогой читатель! Эта аббревиатура означает – «художественная разработка изделий культурного и хозяйственного обихода». Был вызван начальник этой административной единицы и я покинул кабинет для ознакомления с профилем работ. Поговорили-потолковали с этим челом. Выяснилось сразу! Работы здесь – непочатый край! Через пять минут, я уже сообщал главному инженеру, что принял заказ на разработку настенного светильника и готов приступить. Результат принесу, дней через десять. Действующий макет! Тогда и поговорим, о трудоустройстве. Конкретнее. Забрал тётю Раю, сели в такси и отчалили. Ей сказал: «Долг погашен окончательно, претензий нет, спасибо большое. Вы мне очень помогли!»

Так, новое поле деятельности обозначилось. Никогда не обращал особого внимания, на внутрикомнатные светильники. А вот, понадобилась информация! Это сейчас – потыкал пальцем в клавиатуру и нашёл всё. За считанные секунды. А тогда, пробежался я по магазинам. Посмотрел, есть ли светильники вообще. Если и узрел пару образцов, то хорошо. Дунул к папаше, домой посоветоваться. А он, с супругой, только что из Питера приехали. В отпускное время они посетили культурную столицу. Изложил ситуацию. И папина третья жена, Виктория, кандидат биологических наук вытаскивает из коробки светильник. Финский. Это они в Питере приобрели. Буквально несколько дней назад. Есть, вот она

– искомая «эврика»! Идея найдена. Такого рода крепление светильника, к любому предмету интерьера я никогда не видел. Это теперь, среди гигантской массы товаров, чтобы привлечь внимание потенциального покупателя, предмет должен обладать сверх-оригинальными качествами. Невиданными, доселе. И тот светильник, сразу в моих глазах «пропал в десятку». Сейчас, таких полно. Может быть и у тебя, дорогой читатель, есть такой. Это – «светильник на прищепке». В быту, удобнейшая штука. Мобильная и функциональная. Начали размышлять, с папой, на эту тему. Дело в том, что мне были выданы предварительные инструкции, в местпромсовском КБ – избегать применения металла. Только пластмассовое литьё. Потому что пластмасса, в Азербайджане производится. А металл – нет. Не любая, конечно, пластмасса. Например – полистирол ударопрочный. Он, вообще, импортный. Но, папа подсказал выход – мы сами склеим корпус светильника любой формы. Как корпус, для гоночного болида. Из стеклоткани и эпоксидной смолы. Папаня, у меня был – ну, Кулибин! В полный рост...

Кроме того, значительное конструкционное дополнение внёс папаня, в систему самой «прищепки». Представьте себе: бельевую шпильку, у которой одна из плоскостей фиксации стала не плоской, а цилиндрической. Таким образом, устранилась зависимость качества прикрепления от толщины опоры, к которой крепят светильник. Потому что площадь соприкосновения одной из поверхностей прищепки и

опоры стала стопроцентной. Тянет на изобретение! Но кто этим занялся бы... Да и в чём коммерческий смысл для изобретателя? Как я уже описал эту тему ранее. Если изобретение сделано в ходе работы, за которую изобретатель получал зарплату, то ему выплачивали сто рублей. Одноразово. И всё. А в тех светильниках на прищепке, которые я недавно приобрел – этот элемент уже внедрён. Значит, кто-то и когда-то запатентовал эту «фишку». И получает «авторские»... Короче говоря, купил я детский, резиновый мячик. И обклеил его несколькими слоями стеклоткани. Промазывая кусочки таковой эпоксидным клеем. В несколько слоёв. Но после укладки очередного слоя – надо ждать сутки. Это время полимеризации или затвердевания смолы. Затем, разрезал полученный шар, по экватору. Выровнял неровности нитрошпаклёвкой, что для ремонта автомобильных кузовов. Технологию изготовления самой прищепки и деталей крепления шарообразного корпуса светильника к прищепке – мне подарил папаша. Он, в совершенстве отработал таковое. В процессе изготовления выставочных макетов различных «прибамбасов», на тему нефтедобычи. Он этим и занимался в АЗНИПИНЕФТЬ. А также, оформлением городских и помельче, выставок. Нефтепромысловой тематики. Он, ведь, окончил одноимённый факультет АЗИНЕФТЕХИТМа.

За две недели упорных работ, лампа была готова. Серебристый шар, на оранжевой подставке-прищепке. С шестью степенями свободы вращения. Принёс в СКБ и вызвал

этим всеобщий восторг! Дело в том, что никто в этой фирме подобными вещами не занимался. Здесь, всё было гораздо прагматичнее. Заказчик приносит изделие готовое. И заказывает спроектировать и изготовить оснастку. Для производства данного товара. Далее, конструкторский отдел, совместно с технологами, изготавливает комплект чертежей. По которым, механический цех воплощает оснастку – в металл. Тобишь, производит пресс-формы и штампы. Заказчик оплачивает работы наличными. Чаще всего. Но и по безналу, что-то капает... Также, наша организация утрясала вопросы с Минторгом. Потому что они должны выдать гарантию реализации, данного товара. В количестве годовой потребности. Без этого, худсовет нашего Министерства не издаст приказ. О изготовлении технологического оборудования для производства данного товара. Далее, заказчик, из неучтённого сырья, изготавливает товар. Одновременно с использованием сырья, прошедшего по всем статьям учёта. И на выходе, мы видим такую схему: торговля работает за десять процентов комиссии. Например, поставщик привёз в магазин сто единиц товара. Согласно накладной – магазин принял. И продал пятьдесят. За один день, например. О чём сообщает поставщику. Который, привозит ещё пятьдесят единиц. Но, без сопроводительных документов. Таким образом, отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности или ОБХСС никогда не обнаруживает излишков на складе магазина. А магазин, продав все сто единиц, получает

наличными цену десяти. И все об этом знали, но помалкивали. Москва не упоминала, о наличии капитализма в республиках. В своих, пятилетних планах. По-тихому, получая откаты. И республики не бузили, по-крупному.

Короче говоря, затея с этой лампой дала мне хороший старт, в этой организации. Приняли инженером, с месячным испытательным сроком. А тут такая незадача – надо представить в Харьковский институт велостроения образец нашего нового, трёхколёсного детского велосипеда. Для испытаний и утверждения. Всё готово, вся оснастка изготовлена, расписан техпроцесс – можно начать выпуск. Но требуется заключение головной инстанции, по велосипедам. Чтобы образец прошёл все стадии утверждения, его кондиционности. Поэтому, требуется один трёхколёсный велик довести до состояния степени «люкс». Ну, есть некоторые технологические недоработки. Которые будут устранены позднее. А выяснилось, что для совершения таких работ – нет ни помещения, ни оборудования и инструментов. Просто, никто не занимался подобным ранее. Тогда, я, памятуя папин принцип «некоторого отличия, от основной массы трудящихся» – забрал этот проект домой. За недельку образец был подготовлен. Правда, дома на паркете, появились некоторые следы, от выполненных трудов. Параллельно, я выкатил администрации список требуемого инструментария и оборудования. Для выполнения макетных работ. Зная заранее, что ничего закуплено не будет. И сконцентрировавшись на выпол-

нении целого спектра деятельности, я перенес центр тяжести в домашнюю обстановку. Памятуя, как в моём детстве, папая мне сказал: «Вот, Ленин – на работу не ходил. Он где жил, там и работал». Это сейчас, фрилансерством никого не удивить. Работодателю важен конечный результат. А при совке, важен был не результат работы, а неукоснительная посещаемость рабочего места. Этим и объяснялась всеобщая занятость. В восемь утра, вся страна, дружным строем прибывает на рабочее место. В семнадцать – убывает. В кинофильме «Служебный роман» – ярчайшая иллюстрация. Невысокой эффективности таких трудов.

Итак, через два месяца работы в этом СКБ, меня перевели на должность «ведущего конструктора-дизайнера». С месячным окладом – сто семьдесят пять рублей. По советским временам, это был сильный рывок. Первый шаг карьерного роста. Офис теперь я посещал, по мере изготовления макета перспективного товара. Сегодняшним языком говоря, этому предшествовала работа, в части маркетингового исследования определённого сегмента рынка. В первую очередь, надо определить степень предполагаемой востребованности рынком. А это, опять обращение в Минторг. Но там не привыкли работать, на тему перспективных разработок. Сложилась иная практика. Им приносят готовый товар, а они выдают заключение. Какой объём, гарантируют реализовать за один год. Но процесс пошёл, работа закипела. Точнее говоря, были очерчены и утверждены границы сферы моей деятельно-

сти. Штатная единица была новая и не существовало отлаженного механизма. Нужен был инициативный человек – он и появился. Вовремя. Это был я. Иногда нагружали по общественной части. Единажды в месяц, самых молодых наших работников, обязали отдежурить в приёмной министра, в качестве "тревожной кнопки". Это выглядело, как сходить в наряд, в армии. После обеда, сотрудник идёт домой, готовится. Значит – поспать часок. Затем, следует прибыть в приёмную министра. Занять место его секретарши, в семнадцать ноль-ноль. И сидеть возле телефонов, в приёмной. До восьми утра, следующего дня. Потом – отгул. В любой день, на выбор. Это называлось – «дежурный по гражданской обороне». За время моих дежурств, только однажды было чрезвычайное происшествие в городской черте. Возник пожар на сувенирной фабрике. Мне позвонили с «сувенирки», сказали, что «пожар – уже тушим, пожарные приехали, пострадавших нет». А это – три часа ночи! Звоню министру домой, докладываю. Он отвечает – мне уже сообщили. А в другой раз, горело где-то в районе. Не помню, точно, где.

Вот так, неспешно и почти без эксцессов прошло времечко до начала лета 1986 года. Встряски происходили, но не на моём уровне, а гораздо выше. Общий тренд – уже обозначился ранее. За два года до этого, Маргарет Тэтчер сказала зловещую фразу в адрес Советского Союза: «Мы не успокоимся, пока не разведём вас по вашим национальным квартирам». Меня всегда интересовал вопрос: почему, кто и когда заду-

мал, и претворил в жизнь процесс разделения единой территории Российской Империи. На территориальные образования, в названиях которых упомянуты те или иные этносы. А самой успешной, в экономическом отношении, является страна, где упоминание национальности человека возможно лишь в частном разговоре. Но не в удостоверении личности. И эта страна – США. Наш вероятный противник номер один. А не поэтому ли они столь успешны? Был момент, когда в СССР заменяли паспорта. Старые, непонятно-бурого цвета – на всем знакомые, красные паспорта. Это я был в армии на срочной службе. Значит, году примерно в семьдесят шестом, в газетах промелькнул вопрос о том, будет ли графа «национальность» в паспортах нового образца. То есть, вопрос обсуждался. Я-то высказал свое мнение, в пользу отмены такой графы. Ну, как высказал, не в газету написал, а кулуарно мы обсуждали в курилке, в части. Смотрю – народ, как воды в рот набрал. Только один парень высказал обратное мнение. Он был «за» сохранение графы «национальность». При чём, он – член КПСС, азербайджанец. А я – даже не комсомолец. Или уже вступил, не упомню. Он учился на юридическом, на вечернем отделении. На азербайджанском языке. Из Агдамского района он был. Мирзалиев Асад его звали. Вот такой был разброс мнений. Но те, кто слышал наш разговор, промолчавшие солдатики, видимо посчитали, что мы с Асадом провоцируем их, что «стукачи» мы.

В нашей организации, появился новый работник. Мой од-

нофамилец. Лет на пять – на семь старше меня, с монголоидной бородкой. Имя не помню, отчества я и не знал. Из Ташкента человека к нам занесло, резко. В Узбекистане он был заместителем министра местной промышленности. Переехал, в режиме экстренной эвакуации. Ну и как-то мы с ним разговорились. Я ему рассказал, что хочу отвалить отсюда. Но куда именно, пока что не решил. В Белоруссию хочу. Наверное. Но, в мае месяце там электростанция взорвалась, атомная. Поэтому, я, как-то притормозился. А он ответил, что вполне понимает меня, сам – в Ташкенте жил. В то время, по Узбекистану уже прокатилась волна хлопковых неприятностей. С последствиями. Он тоже, под эту «раздачу» и попал. Теперь, ждёт в Баку приезда жены и детей. Дальше, он показывает мне проект Постановления Совета Министров СССР. «Вот это, должны принять, на днях. Суть и смысл этой бумаги: в порядке эксперимента, в республиках Средней Азии, Закавказья и Белоруссии, разрешается открытие, так называемых, кооперативов. Это объединения граждан, желающих создать штучное или мелкосерийное производство товаров народного потребления, из отходов промышленности. Преимущественно. Но поощряется и использование местного, регионального сырья. Природного происхождения», – выдаёт сверхценные сведения узбекский Петров. А в Минске, есть у него ещё один однофамилец. И тоже заместитель министра местной промышленности. Но тот постарше, на пенсию через годик или два, собирается

уходить. «Но насчёт постановления Совмина – это строго, между нами!», – конфиденциально завершил бывший зам. министра Петров. «Замётано! Спасибо, однофамилец!», – ответил я.

На следующий день, встречаю Павлика и он рассказывает мне нечто удивительное: «Ко мне зашли двое ребят, знакомых. Они работают в республиканском КГБ. И вот что говорят! Мы, русские работники «фирмы» – уезжаем отсюда. А ещё, весь район города «Баилов», где проживали русские отставники-моряки, уже пустеет». Павлик говорит: «Я спрашиваю у них, а про такое можно людям рассказывать?». А они отвечают: «Не можно, а нужно!». Ну, думаю, а ведь это – не шутка. Не просто глупая сплетня. Вот, оно и началось! Конструкция начинает трещать. Значит – развалится. Но не оказаться, под обломками – вот наша задача! Сразу подумалось о использовании опыта предков. Вот материн отец, в начале тридцатых годов, забрал жену, троих детей и отправился из Баку к новому месту работы. В другой регион. На речку Пяндж. Это на границе с Афганистаном. Потребкооперацию там поднимать. В роли бухгалтера. Прожили они там вместе до начала войны. А потом разошлись. Якобы, потому что Киселёв Владимир Константинович забухал и загулял. Мамина мама, забрав детей и прощальные подарки бывшего мужа, отбыла обратно, в Баку. А подарки были вполне качественными. Среди прочей мелочи, там были несколько рулонов китайской шёлковой ткани. Бордового цвета. Так эту ткань,

в период военного времени, по частям, распродали или выменяли на продукты питания. А из остатков этого шёлка – сделали занавеси, на окна. Но это уже после моего рождения, в отцовской квартире. Сколько же её было, этой ткани, изначально? Что её не всю проели, во время войны? Живя напротив Арменикендского рынка, в городе Баку? В моём детстве, когда эти занавеси уже повисели несколько лет и слегка стали терять цвет, из них сделали покрывало, на кровать. До сих пор, помню ощущение контакта тела, с этим плотным, натуральным шёлком! В жару, он был прохладным! С хлопком, не сравнить. Всем рекомендую... Фейсбук, это не реклама! Хахаха.

Чую, что момент настал! Момент принятия решения. Приступаю, по отработанной технологии. Как я искал место работы, ровно так надо подойти и к выбору места жительства. Исходя из складывающихся реалий. Открываю карту Советского Союза и начинаю, методом исключения отмечать один регион за другим. Начал с Сахалина. Далёковато... Это минус. Да и в чём смысл? Романтика морских далей меня не прельщает. Двигаюсь на запад. Регионы с неразвитой инфраструктурой и проблематичным климатом проскакиваю, даже не останавливаясь. Так и добрался, на карте до Белоруссии. Чего и следовало ожидать. Ведь я уже упоминал, что этот участок сссрии – был посещён нашим студенческим коллективом. В процессе прохождения производственной практики. У всех мальчишек и девчонок нашей группы – остались

только наилучшие воспоминания, об этом периоде. Ну что же, будем ждать и надеяться, что судьба-проказница сама путь подскажет. Вот только эта мысль у меня оформилась, как моя двоюродная сестра Ирина, находит вариант квартирного обмена. И недолго думая, совершает этот обмен. С детьми, мужем и больной мамой. Поднимаю аналогичный вопрос дома, с мамой и сестрой. Особого рвения не заметно, типа – «гром ещё не грянул». А сам чую, что уже скоро... Ну ладно, надо решаться. Если написать заявление на увольнение, то ждать придётся месяц или больше. Такие правила, в совдепии. Но, совершенно неожиданно, узнаём на работе, что уходит наш директор СКБ. Что-то не поладив, с министерскими. Я к нему: «Подпишите, мой уход?». Он: «Нет, меня уже здесь нет!». Я – к главбуху, к Зое. Даю ей моё заявление, об уходе и сто рублей: «Зоя, у меня билеты на послезавтра, сделай доброе дело. Завтра, мою трудовую, с печатью об увольнении, по собственному желанию! Лады?». Зоя – человек бывалый, ей бы пиратской шхуной командовать, ответила: «Приходи завтра, к обеду!». Пришёл завтра, в оговоренное время. И забрал свою трудовую книжку. Вот как приятно иметь дело с порядочными людьми! Это я – про Зою.

Уволился, вчистую... Трудовая книжка, на руках – я свободен! Покупаю билет, на самолет. До Минска. Походил по городу, по прилёту. И вечером сел в поезд, на Гродно. Утром, около шести часов, выхожу на привокзальную пло-

щадь. Красота! Искомая улица Ожешко начинается прямо по курсу. Брусчатая мостовая. Это уже внушает доверие. Символизирует солидность и верность традициям. Ведь, комми, могли бы и заасфальтировать. Прошёл несколько десятков метров и остановился. Искомый номер дома, в котором живёт, моя двоюродная сестра – вот он! Но, на часах, такая рань... Люди ещё спят. Решил пройтись, по этой улице. Чуток. Метров через сто, на этой же стороне – православная церковь. Вполне приличное строение, ухоженное. Красный кирпич, кругом чистота. Напротив, через улицу, четырёх или пятиэтажное здание, полностью увитое плющом. С фасада. Красота! Перешел на другую сторону брусчатки, чтобы разглядеть надпись, у дверей здания. Ух ты, университет! Не Оксфорд, конечно, но впечатляет. Это я от вокзала отошёл, всего метров триста. И мне уже нравится! Чувствуется европейский, досовковый стиль окружающих зданий. Сразу же почувствовал: я здесь буду жить! Походил, побродил. До восьми часов. И вернулся, к дому Ирины. Постучал, она мне открыла. Слегка поговорили – о том, о сём. Я поинтересовался, где здесь областное управление местной промышленности. Оказалось, что оно недалеко. Отлично, думаю! В десять ноль-ноль нанесу визит. К управляющему. С собой я захватил все слайды тех разработок, которые делал. В те, уже покрытые пылью, времена, слайды – были самым прогрессивным методом. Сохранения и демонстрации какой-либо информации. До обретения смартфонов большинством на-

селения, оставалось чуть менее тридцати лет. Так что, описываемое – уже есть история...

В девять сорок пять, вдохнул-выдохнул и пошёл. В десять ноль пять, я был уже на месте. Сразу, к секретарше: «Здравствуйте, а как бы с управляющим переговорить? Я – Петров, из Министерства местной промышленности Азербайджана. Предварительной договорённости о визите – не было. Я в Гродно – проездом». Она: «Сейчас узнаю!». Хлоп, и я уже в кабинете управляющего. Начинаю излагать, свою версию обстоятельств. Мол, у меня мама – сердечница и доктора ей советуют сменить климат на более прохладный и менее влажный. Вот я, в отпускное время и интересуюсь, возможными вариантами. У меня, в Баку есть двухкомнатная кооперативная квартира. Но процесс квартирного обмена, несколько затруднителен. Поэтому, я рассматриваю самые разнообразные варианты. Из числа возможных. Как у вас с работой, здесь в Гродно, по моему профилю? И начинаю демонстрировать слайды с моими разработками. Областной управляющий местной промышленности, с интересом просмотрел предложенные слайды. И говорит: «У нас, есть фабрика игрушек. Там и металлообработка, и пластмассовое литьё. Есть комбинат надомного труда – швейное производство, в основном. Для работников нашего управления, в следующем году будет сдан кооперативный дом». «Что же, интересно было бы ознакомиться, с гродненскими перспективами, для меня», – отвечаю. «С чего желаете начать?». «С фабрики иг-

рушек!». «Сейчас – позвоню директору!». Звонит, излагает суть, благосклонно кивая в ответ на услышанное в трубке. Затем, пишет мне на бумажке адрес фабрики и фамилию директора. А также и номер троллейбуса. Понимаю, что дело зашевелилось. Причём, достаточно активно. Ура, ребята!

Вышел из офиса – сразу, на остановку. «А до фабрики игрушек, далеко? Не подскажете?». «Ой, далеко-далеко! Я вам подскажу, где выходить, сам в тот район еду». «Всё – приехали, вы ведь до фабрики игрушек хотели? Конечно, дальше этот маршрут не едет». «Спасибо, вы мне очень помогли...». Вышел и начинаю соображать. Наверное, я не учёл, что этот город помельче, чем Баку. Поэтому, термин «далеко» – имеет несколько различное значение. В километрах. Ладно, потом разберёмся... Смотрю – ворота. И проходная. Значит, это и есть искомая фабрика. Дошёл до директора. До Чеслава Ивановича Грико. Поговорили. И он подтвердил, что управляющий областным местпромом – его проинформировал. Заново изложил Чеславу Ивановичу свою версию ситуации. Спрашиваю: «Вам, вообще нужен такой человек? Чтобы времени не тратить зря, ни моего, ни Вашего? Есть ли у фабрики какие-нибудь недоработки, в части ассортимента, в чём сложности, над чем работает предприятие?». Он показал образцы игрушек, которые выпускает фирма. Детские самосвальчики и другие грузовые машинки. Молоковозка, например. Цистерна. И все они с инерционным ходом. Это значит, что катни автомобильчик посильнее – он и поедет

дальше, сам. А также, плиты кухонные. В масштабе, сопоставимом с куклами, советского калибра. Совочки и лопаточки для детсадовских песочниц. И металл есть, и пластмассовое литьё. Для небольшого предприятия – вполне презентабельный ассортиментный ряд. Металл – окрашенный. Значит, есть лакокрасочный цех. Не Германия, конечно, но чувствуется, что люди работают добросовестно. Не думается, что данный перечень товаров – будет иметь бешенный успех в торговле. Хотя, за счёт низкой цены и полупустых магазинных полок – сбыт гарантирован. Очередь, конечно, стоять за этими игрушками не будет. Но – купят... В стране дефицита. За неимением другого. Ведь, мы не строим общество потребителей. Такая фигня – только, на загнивающем Западе.

«Далее, вам нужно поговорить с начальником конструкторского отдела, сейчас я его вызову», – говорит Грико. Через три-четыре минуты, в кабинет входит молодой парень, блондин энергичной внешности, с копной выующихся волос. Грико представляет его: «Вот, Владимир Иванович, наш начальник всех конструкторов. Пообщайтесь, поговорите, посмотрите сам отдел. Прошу!» – и лёгким кивком головы дал понять, что аудиенция переходит в следующую фазу. Вне директорского кабинета. Отправились мы, с Владимиром Ивановичем. В его пенаты. В отдел, то бишь... Отдел, как отдел – помещение, на втором этаже. Одна стена – стеклянная. Практически вся. И стоят чертёжные кульманы. Для та-

ких работ нужно хорошее освещение. Присели за стол. И начальник, начал знакомство, протягивая руку: «Володя!». На что я ответил: «Илья!». «А отчество, извините?». «Юрьевич – я!». «Ну и прекрасно, вот наша тема, над которой, даже и думать не начинали. Нам спустили, из Минска, из министерства. Это банка, для сыпучих продуктов. Министерство предполагает, что этот товар будет перспективным. Вот прислали нам разработку их конструкторского бюро. Как почву, для размышлений. У нас есть сейчас тема, над которой работаем усиленно. Потому что, уже сроки жмут. Это автомобильчик, с инерционным мотором. Копия новой модели ВАЗа, восьмёрки. Длина машинки – двадцать сантиметров. Вот, такая наша действительность. Ну и конечно, мы сопровождаем всю имеющуюся, в производстве продукцию. Весь модельный ряд. Потому что, время от времени требуются доработки.

«Тогда, принимаем такое решение. Я еду домой и делаю макет банки, для сыпучих продуктов. Привожу его сюда, тогда и поговорим, окончательно», – говорю. «Отлично!», – отвечает, мне, Владимир Иванович. Иду к директору, излагаю суть разговора с начальником конструкторов. Подвожу итог нашему первому знакомству: «Через две недели – я здесь, с макетом». И выезжаю. В Баку. В родимом городе, зная свои силы и возможности, за две недели, я родил макет, выписался из постоянного места жительства и прибыл обратно, в Гродно. Прихожу к директору. Показываю своё

изделие. Жёлтое с красным. Такие красивые краски продавались лишь в одном, непримечательном, бакинском магазинчике. Итальянские. В упаковках по двести граммов. Нитро-краски. Те, кто при совке не жил, вам – не понять. То, что не относится к жизни и быту человека непосредственно – это в магазинах не продаётся. Зачем советскому пролетарию или профессору нитрокраска?? Ведь это, для распыления под воздействием повышенного давления через пульверизатор при помощи компрессора!! А откуда, у гомосоветикуса компрессор? Что он замышляет? Он что, частную собственность возродить собрался? Когда человек для другого человека – волк. Как при капитализме? Нет, шалишь, парниша... Собственность на средства производства – есть государственная монополия. Только государство, руководимое нетленными останками Политбюро ЦК КПСС, знает в чём счастье. Типа, для народа. И никто иной...

На должность конструктора-художника меня приняли. Прописку городскую сделали. Отдельное помещение под мои работы фабрика выделила. Комнату жилую, отдельную я арендовал, у одной супружеской пары. В их новой, кооперативной квартире. Заплатил за полгода, вперёд. На это, на всё ушло пару месяцев. И только тогда я приступил к изготовлению, того самого, игрушечного автомобильчика. О котором упоминал ранее. Работа меня захватила! На целый месяц. Сверх положенных восьми часов я не перерабатывал. Но и не сачковал. Добросовестно пилил, клеил, красил, шпакле-

вал и снова красил. Не упомянул, из чего, из какого материала были изготовлены все мои поделки. Начиная с той самой лампы на прищепке. Материалом, который был удобен в работе, достаточно прочен в готовом изделии – было органическое стекло. Листовое. Страшно дефицитная штука! Это было папашиной творческой находкой. Сколько я ни сталкивался с людьми, которые занимались макетированием профессионально – оргстекло, клееное дихлорэтаном не применял никто. Почему, не знаю. Но под эту технологию, папа изготовил и мне презентовал небольшую стационарную циркульную пилу с моторчиком. Сам режущий инструмент был сделан из обыкновенной фрезы от фрезерного станка. Работать было удобно. Вот я и затратил целый месяц. На изготовление автомобильчика ВАЗ, ноль седьмой модели. Размером в двадцать сантиметров. Красного, конечно, цвета! Где-то в середине этих, моих трудов, меня посетил наш директор. Чеслав Иванович. Посмотрел, похвалил. Ободрил. Правда, всего лишь словами. Но, когда этот труд был завершён, я уже был признан общественностью, как достойный специалист. Своего дела.

Вот так и развивались мои дела-делишки. На почве коммуникации с советской властью. В её белорусском прочтении. Преодолев три тысячи километров, я оставался в пределах, всё того же, Советского Союза. Но ощущения от реала, были уже несколько иными. Отличными от привычных. Мелкая, бытовая коррупционная движуха, осуществлялась

не на привычной – денежной базе. Денежные знаки – не котировались, в качестве благодарности. За те или иные, не шибко великие, услуги. Общеизвестным платёжным средством был алкоголь. Оказалось, что этот немудрёный, пищевой продукт был в дефиците! Он просто отсутствовал. В магазинах. А в Баку, этого товара была прорва. И никакого ажиотажа. Хоть захлебнись... Но никто не захлёбывался. Культура потребления этого стимулятора оптимизма – была на хорошем, достойном уровне. Ассортимент вино-водочного сегмента рынка был полностью покрыт республиканской продукцией. Вполне хорошего качества. Азербайджанские коньяки были ничуть не хуже армянских. Но, зато в Беларуси была хорошо отлаженная система дешёвого общепита. Столовых, с вполне съедобным набором блюд, было очень много. И молочные продукты были особенно хороши. Забавно вспоминать, как совсем непривычная, металлическая сдача стала появляться, в моих карманах. Отличия, на бытовом уровне, конечно были. В пределах одной страны. Что же ещё бросилось в глаза? В магазине «Берёзка», в Гродно – пустые, почти, полки. В комиссиях, такая тоска тоскливая, что нет смысла заходить, в перспективе. И цены, на подержанные советские автомобили в два раза выше, чем в Баку. Такие, вот контрасты!

А в квартире, где я проживаю, хозяйка Света, присмотревшись ко мне, видимо сделала вывод, что мне надо жениться. Тридцатилетний рубеж достигнут, пора решаться.

Но мои шестилетние контакты, с гражданским судопроизводством в Баку – не оставляли никакого пространства для заблуждений. В части перспектив женитьбы. В процессе своих скитаний по судам, я отметил, что большинство обращений в суд, имеет причину имущественного раздела. В связи с расторжением брака. Поэтому я и сделал окончательный вывод для себя. Женитьба – это есть бизнес-проект. Кто бы что ни говорил. Но у всего есть своя очерёдность. Поэтому, я нанёс визит вежливости к управляющему областным местпромом. Памятуя итог первого разговора, с ним. О перспективах вступления, в члены жилищно-строительного кооператива. За денежки. В качестве благодарности. В случае, положительного решения вопроса, конечно. Управляющий, с прискорбием, отметил недавнее появление горбачёвского «Закона о нетрудовых доходах». Где было сказано, о взятках. «Получение взятки, в особо крупном размере однократно, или нескольких, менее крупных неоднократно – карается высшей мерой пресечения». Значит, смертной казнью. Быть расстрелянным управляющий не желал. Вполне мудрое решение! Вариант номер один, в части обретения жилплощади – отпал. О ценах чёрного рынка на жильё – разговор, вообще, никто не поддерживал. Гродненский народ не был озадачен покупкой жилья. Все знали, что квартиру можно получить, простояв несколько лет, в очереди. На своём производстве. Если это самое производство строит жильё. Для своих сотрудников. Что не было фактом обязательным. Значит, при-

дётся начать рассматривать вариант женитьбы. Потому что уже вышел «Закон о кооперации». И потребность в производственной площади, под скромный швейный бизнес – стала вопросом первостепенным.

Ну, в процессе жизнеутверждающего шевеления я написал заявку, на заводе. После приобретения дачного участка, с сараем и скважиной до водоносного слоя матушки Земли. Участок был – в районе деревни Пальница. И принадлежал бывшему работнику нашего предприятия. Почти моему однофамильцу. Но, не совсем... Иванов – была его фамилия. В тот момент, он уже работал на "Азоте". Крупнейшем, в Европе, предприятии. По производству азотно-туковых удобрений. Тобишь – карбамида. А уступил он мне своё бунгало за пятьсот советских рублей. Которые мне выдал, в качестве единовременного воспомоществования мой папа. Приехавший с супругой в близлежащий Дом отдыха. Из Баку папа приехал. На месяц. Отдохнуть. По профсоюзной путёвке. За символические копейки. А когда я отваливал из родимых пенатов, из Баку, папаня сказал мне фразу: «От кого бежишь? От себя – не убежать...». «Разберёмся!», – сказал, в ответ, я. Тогда... Но возвращаясь, к покупке дачи. Упомянутый Иванов, сказал мне: «Здесь очень тихий район, соседние дачи – ментовские». Так я и стал землевладельцем. Условным. Потому, что собственником этих шести соток – оставалось советское государство. А я был, лишь арендатором... Но вышеупомянутое действие, давало мне возможность по-

лучить, на предприятии, беспроцентный кредит. На три года. Для строительства дачного домика. В размере четырёх тысяч советских рублей. Которые я использовал, частично – для покупки автомобиля «Запорожец». Белого цвета. Бывшего в употреблении. На территории ГДР. У офицера ГСВГ. То есть – группы советских войск, в Германии. Ведь, на дачу не пешком же ходить... Ха-ха-ха.

А теперь и о женитьбе подумать можно! Как поставщика кандидатур на эту роль, я признал вполне актуальным вариантом, свою квартирную хозяйку, Свету Зимину. В девичестве – Хубаеву. Её папа был, кажется, из Дагестана. Но родилась Света, в Гродно. А с её мужем Славиком, то ли соседями они были в детстве, то ли в одной школе учились. Не помню. А Света, тогда, в годичном, послеродовом отпуске была. Ранее, она работала на кожзаводе. Экономистом. Но пальтишко у неё, также, как и у Славика, было из свиной кожи. Выяснилось, что кожаный бум уже миновал. В Гродно. Или, скажем точнее, его первая волна. Конечно, к ней приходили, частенько, множественные подруги. Вот Зимина и начала свою, вполне предсказуемую, роль. В ампула свахи. Женщин же хлебом не корми, только дай кого-нибудь поженить. После первых двух, забракованных вариантов, я Светлане объяснил свои перспективные планы на жизнь. А в то время, я уже оборудовал себе рабочее место. В арендуемой комнате. С разборным раскройным столом из стандартных чертёжных досок, швейной машинкой и освещением.

Люминесцентным. Ситуация, с сырьём для пошива одежды в Гродно была поинтереснее, чем в Баку. Например, джинсовая ткань, вполне хорошего качества, была мной куплена в магазине. По цене, менее двадцати рублей, за один погонный метр. При ширине сто шестьдесят сантиметров. В Баку, такую радость я приобретал по шестьдесят, или семьдесят рублей. Не в магазине, конечно. В «магаз» такой товар не мог попасть на прилавок. В принципе... Это был товар коммерческий. Или – дефицитный. Как тогда говорили. Всегда и все. А не только, великий артист Аркадий Райкин, по телевизору. Товары группы «Б» советскому человеку не нужны. Вещизм – это пережиток загнивающего Запада. Так считала КПСС. Во, как...

Наконец, моя квартирная хозяйка – «попала в яблочко». Она пригласила «на смотрины», свою бывшую одноклассницу. Цыганкову Людмилу Николаевну. Но предупредила, что этот случай – со сложностями. Личность, мол, чрезмерно импульсивная и неуравновешенная. Есть один ребёнок, от первого брака. Девочка, пяти лет. Есть мама-пенсионер. Страстная любительница дачно-огородных технологий. Есть трёхкомнатная квартира, в кирпичном доме, санузел раздельный, две лоджии, первый этаж. Телефон есть. Дом пятиэтажный, лифта нет, ничто не жужжит круглосуточно. Как у Светы Зиминной, в железобетонной девятиэтажке. Сама Цыганкова работает заведующей в рыбхозе. «Ну, что же, Света – приступим! Зови, свою одноклассницу...», – таковой была

моя реакция. А на следующий день, начала развиваться ещё одна сюжетная линия. В местной городской газете, неделю назад, я дал объявление: «Желающие участвовать в создании и дальнейшей работе ателье молодёжной моды, обращайтесь по телефону номер такой-то. В будние дни – по вечерам, в выходные – круглосуточно». И обозначил телефон супругов Зиминых. Вот и начали поступать звонки! Народ зашевелился. Всех позвонивших, я переводил на встречу, в воскресенье, около Гродненского Дворца культуры текстильщиков. Вбейте в поиск браузера и посмотрите фото, этого места. Оно не изменилось. Вот на этих ступеньках мы и собрались. Весной семьдесят седьмого. Озорные и молодые. В предвкушении чего-то нового.

Спустя непродолжительное время, моя ситуация несколько трансформировалась. Ключевые моменты были следующими: в статусе квартиранта, я переселился в квартиру Цыганковой Людмилы. Завоевав доверие будущей тёщи, как перспективный огородник. А с пятилетней дочерью Людмилы – Машей, мы сразу нашли общий язык. Ребёнок хотел велосипедик, но семейная финансовая стратегия не предполагала таких затрат, в то время. Как душевед и человеколюб, с практическим жизненным опытом, я решил эту немудрёную коллизию. Потому что знал, по собственному детскому опыту, насколько это важно для подрастающего организма. Когда «ноги крутят, а задница едет». Человек начинает познавать окружающий мир, интенсивнее. Он получил «сред-

ство передвижения». Момент концептуальный. Эволюционно! С кооперативом, дело не завязалось. Слишком много выяснилось моментов, которые не способствовали обретению конечной цели. То есть, денег. Как, меры – затраченного труда. Зато, был обретен опыт. В этой части. Вполне достаточный, чтобы не играть с государством, в азартные игры. По его правилам. Проблема номер один, в нашей швейной деятельности была – отсутствие сырья. Поэтому, гораздо меньшие суммарные затраты творческой энергии – обеспечивал вариант «покупка патента, на год». При «копеечной» цене. И, никакой отчётности. А там и нанимать можно «надомных трудяг». Неограниченно. И без регистрации... Поэтому, с первым в Гродно кооперативом «Эврика» и его руководителем Тамарой Юрасовой, мужская составляющая молодого коллектива, дальнейшего пути сотрудничества не увидела. Мирно расстались. По интересам...

И вот – сюрприз, на работе. Директор фабрики объявляет мне. О том, что я создал задел перспективных работ для предприятия. Ещё на несколько лет вперёд. Всё внедрить, конечно, не удастся. Но мы, ведь, не проектная организация, а предприятие, живущее реальным выпуском товаров. Поэтому, должность твою – мы сокращаем. А тебе, можем предложить: либо мастером на сборочный конвейер, либо технологом – в инструментальный цех. «Спасибо, понял. Три дня на размышление у меня есть?». «Конечно, есть!». Ладно, всё к лучшему! Мои швейные коллеги: Игорь Ташлыков,

из областной хоккейной сборной, и Володя Короленко, просто «вольнотерпящий» – мне уже все «уши прожужжали». «Что ты там, ежедневно, по восемь часов, времени теряешь, ежедневно? Увольняйся, на фиг, оттуда! Сколько можно, на дядю работать?». Пришёл домой, Людмиле всё изложил. А она и говорит: «Вот недалеко от нас, около телевышки, есть профессиональное училище, от «Азота». Я как-то поработала мастером, в профтехе, с молодёжью. Терпимо. Зарплата – как везде. Среднестатистическая. Нагрузке, под стать!». Так, думаю: какой ещё «профит» можно поиметь, при этом развитии событий? Ясен пень, какой! Помещение и рабсила, в лице учащих девушек-красавиц. Которые будут, от радости пищать. Научившись шить. И слегка зарабатывать этим. От дома это училище недалеко. Что немаловажно. Весьма. А на полпути до училища есть охраняемая автостоянка. Всё в масть! И успокоенный найденным решением, сел за швейную машинку. Да, не за подольскую, привезённую из Баку. В чемоданном исполнении. А за Людмилы Николавны машинку – стационарную. В комплекте с раскладным столом. Немецкую. Аппарат был вполне достойным! Мечта советской домохозяйки!

На следующее утро, позвонил к себе, в конструкторский отдел и сказал начальнику, что задержусь. Не мешкая, дунул в училище. На удачу – директор был на месте. И состоялся весьма дружественный разговор. Упор я сделал на том, что живу недалеко. И что, швейный кружок откроем... С чем,

шеф училища, радостно согласился. Тогда, я ему: «Чтобы мне не отрабатывать ещё целый месяц, не напишите ли письмо на фабрику игрушек? Пусть мой директор, отпустит меня без отработки. По договорённости сторон?». «Я сейчас позвоню на фабрику и поговорю с вашим директором. Если он согласен – письмо напишем сейчас-же». Гляжу, раз-два и вопрос решился. Звонок был совершён. Машинистка напечатала нужный текст. Который был заверен печатью и торжественно мне вручён. Директор фабрики игрушек, Грико Чеслав Иванович, дал распоряжение отделу кадров. Мне шлёпнули печать в трудовую и сказали, что за денежками можно зайти, через несколько дней. На следующее утро, я появился в восемь утра уже в училище. Мне, быстренько, предоставили возможность поставить подпись в заявлении о приёме на должность мастера производственного обучения. И забрали трудовую книжку в отделе кадров. После совершения всех этих таинств, новый директор сообщил мне некоторые подробности. Группа учащихся, о которой он сказал мне вчера – это ребята и девочки, уже имеющие аттестат десятилетки. И они прослушали шестимесячный теоретический курс. А сейчас – находятся на производственной практике. В городе Узловая, Тульской области. Мне следует отбыть к ним. И сменить напарницу по боевому дежурству – Тамару. Так, мы будем заменять друг друга. Через месяц. В перспективе.

Ну, влип, так влип... Ладно, не такое видали! А дело было, перед Новым годом, за несколько дней. Кажется... Тем

не менее, к старту я был готов. Имелся некоторый запас плащевой ткани, в ассортименте. Решил, что буду там шить юбки. Посмотрю, как пойдет реализация. Если пойдет, вообще... Что не продам, так привезу домой. Сезон-то зимний. И вот, после праздников, я уже на рабочем месте. В городе Узловая. Прибыл, на поезде. С пересадкой. В Москве. Среди ночи, заселился в гостиницу. Еле достучавшись. Доспал в одноместном номере. Проснулся, умылся-побрился и отправился знакомиться. С личным составом подразделения. В двадцать пять боевых единиц. Мужского и женского пола. Оказалось, что общежитие находится на том же пяточке, что и гостиница. Ранее всех, я обнаружил свою сменщицу, Тамару. Новую, мою коллегу. Вот, только сейчас, и фамилию её вспомнил – Коваль. Познакомились, поговорили. А она и не надеялась, что замена будет! Думала, что просидит здесь до конца смены. То есть, до начала лета. Но, на её радость, подмога подоспела. В моём лице. Пошли знакомиться с контингентом. Она меня представила, по-быстрому. И стартанула домой. В Гродно. Попрощавшись с ней, вернулся я в комнаты мальчишек. Произвёл перекличку, по списку. Удостоверившись, что все налицо. «Так, значит. Чтобы комендантша общаги, мне не выговаривала. Что у вас, здесь пустые бутылки валяются. Ни одной, чтобы не было. Это – наипервейшее! Второе – с местными избегать любых конфликтов. Ведите себя, подобно написанному в святых книгах: «Будьте кротки, как голуби, но хитры, как змии». Нам, боевые потри –

ни к чему! Вы все, обязаны вернуться, до дому, до хаты в полной комплектности. Без потери качества. Будут вопросы – обращайтесь. Порешаем...

Поднялся, этажом выше. К девчатам. Согласно списка все были в наличии. «Итак, девушки-красавицы. Слушайте краткую проповедь «за жизнь». Вот, ребятам я объяснил, что жалоб от комендантши о пьянках гродненских студентов быть не должно. В принципе! Теперь, с вами поговорим. О чём? Об этом, самом... Для нас, с вами – самом главном. Если, не приведи господи, возникнет проблема физиологического характера – самолечением не заниматься! Не паниковать, но и не тянуть. В надежде... Что, мол, само рассосётся. Тут специалист нужен, в медучреждении. Домой, мы такой подарок родителям и училищу – не повезём. Головы есть у всех. Поэтому, используйте, свой интеллектуальный потенциал, максимально. Не тупите. Если что – обращайтесь ко мне. Будем искать компетентное решение. Вопросы, есть?», – с напускной суровостью, произнёс я. «А что, у вас уже и знакомые здесь есть? По профилю?», – ответила самая шустрая. «Медицинских знакомых, у меня здесь нет. И не приведи господи, чтобы таковые появились», – вынужденно парировал я. На том и прервав свой вступительный курс. В специальность «оператор термопласт-автомата». Сообщив напоследок, что живу я в гостинице, рядом. Если что экстренное – обращайтесь к дежурной, она меня вызовет. Отдыхайте...

Скажу кратко – контакт с молодёжным коллективом, был налажен отличный. Никаких происшествий, все тихо и спокойно. Ребята все были неплохие, без придури. Потихоньку-полегоньку завершился срок производственной практики. Так мы с напарницей и закончили учебный год, предоставив училищу готовых бойцов трудового фронта. По специальности «оператор термопласт-автомата». Для тебя, дорогой читатель поясню – почти всё, что у тебя есть пластмассового, производится на таких машинах. Усёк, родной? В процессе трудов моих праведных, в очередной заезд домой, мама Людмилы говорит мне: «Или вы оформляете ваши отношения в загсе, или – до свидания!». Ну свадьба, так свадьба! Сказано – сделано. Печать в паспорт поставлена. В ресторане «Белосток», сей факт достойно отмечен! А в училище уже нашлось помещение, для швейного кружка. И пару машинок промышленных нашли. Поговорил со своими компаньонами. Потому что надо было что-то решать. Камень преткновения был в отсутствии тканей. Загрузить людей работой и обеспечить им нормальный заработок, было выше наших возможностей. Но, швейный бизнес остался единственным отработанным процессом. Подумали и постановили – зарегистрировать кооператив по адресу моего проживания. А дальше жить, как получится. Никакой отчётности не сдавать, ждать последствий. Но стаж – продолжает идти. Потому что устав предприятия зарегистрирован, согласно закона. Изготовлена круглая печать и оттиснута в наших

трудовых книжках. Всё, как у людей! С училищем распрощался, сославшись на семейные обстоятельства.

Тем временем, оказалось, что у славного автомобиля «Запорожец» совсем сдох двигатель. Чинить его, нет смысла. Нужно купить новый. Вопрос – где? Ни Госплан СССР, ни его республиканские подразделения, не учитывали положительного ответа. Во всяком случае, ни в Беларуси, ни в соседней Литве. Такие экзерсисы, как двигатель с коробкой передач для ЗАЗ-968, населению не нужны. Спасибо, плановая экономика! Упокой тебя господи... Вместе с твоими планами. Как верстаются и утверждаются таковые, рядовым гражданам современности, знать не нужно. Поэтому и не описываю! Но факт оставался фактом – нужны колёса. На каждый день. И чтобы не было проблем, с текущим ремонтом. Чтобы – сел и поехал. Вспоминаю, что мой сосед по бакинскому дому Игорь Аршинов, с которым мы восьмилетнюю школу вместе окончили, собирался переехать в город Запорожье. С женой и двумя детьми. Он водителем работал. Перезваниваю в Баку, узнаю его адрес. В Запорожье. И вызываю его на телефонные переговоры телеграммой. Была такая услуга, в СССР. Поговорили. Изложил ему свою просьбу. Он ответил – приезжай. Я и приехал. Поездом, с двумя пересадками. Проведя неделю в этом славном городе, я убедился, что нахрапом этот вопрос не решить. Ехать в Мелитополь на завод, где производят эти двигатели, смысла нет. А мой Игорь возил какого-то директора строительного треста. И был до-

веренным лицом такового по ряду вопросов. Поговорив с шефом, Игорь выстроил реальную схему. Выяснилось, что Мелитопольскому заводу требуется миксер-бетономешалка на ЗИЛовском шасси. А строительная фирма Игоря, может расстаться с одной единицей такой техники. Совсем новой. По безналичному расчёту, конечно. Короче говоря, оставил я своему земляку тысячу пятьсот рублей. При магазинной цене, искомого мною металлического куска счастья, чуть менее тысячи. А по приезду в Запорожье, я подарил Игорю половину джинсовой, зимней куртки. На искусственном меху. По его просьбе, такую я прикупил в Гродно, у поляков. Как половину, дорогой читатель? Просто. За куртку в Гродно – отдал четыреста рублей. Игорь – вернул мне двести. Через месяц, в Гродно мне пришла квитанция. Из железнодорожной станции Гродно-грузовая. Чтобы я забрал свой груз. Два ящика. В одном – двигатель. В другом – коробка передач.

А у меня, давно была задумка – проверить правильность папиной мысли. О введении воды. В карбюратор. Он вычитал это, когда-то. В материалах журнала «За рулём». Об успешности таких экспериментов, в принципе. Без технологической трактовки, конкретно. Его идея была проста. Ввести воду в вакуум-корректор карбюратора. Что он и сделал. На его, «бэховском» двигателе, стоял уже карбюратор «Озон». С «Жигуля» ноль пятого. В конструкции был предусмотрен электро-магнитный клапан. Я обошёлся проще. В пластиковой трубке, ведущей в карбюратор от корректора,

был сделан прокол иглой от медицинского шприца. Внутренний диаметр иглы – играл роль жиклёра. И подбирался, опытно. В результате, я получил оптимальное соотношение между бензином и водой. Десять, к одному. Но, не заморачиваясь с клапаном, последовал неприятный эффект. Двигатель перестал заводиться! Вода заливала свечу! Значит, либо управляемый клапан. Либо, вставить медицинскую иглу в пластиковую трубку. Но, только после того, как двигатель заведён. Итог – расход воды один литр. На десять литров бензина. Значит, экономия топлива на десять процентов! Смысл затеи в том, что пары воды, после вспышки бензиновой смеси, испаряясь, оказывают дополнительное давление. На доньшко поршня. А вода-то, дармовая. Относительно бензина, конечно. Поэтому, технология не была внедрена. В далёких, семидесятых. Ведь, миром руководит бизнес. Даже, в СССРии. Но, однако, ныне, многие известные фирмы допускают применение воды. В двигателях внутреннего сгорания. Вбейте, в поиск: «вода, в карбюраторах BMW». И так далее. На эту тему... Не мучайтесь иллюзиями.

Итог этих изысканий, тогда: «Запор» – ходил, как зверь! До семидесяти. После переключения на четвёртую скорость, возникал – «провал» ... Раз уж начал про автомобильчики, то... В бытность мою, на заводе, разрабатывалась усиленно идея о создании масляного фильтра. Для «Жигулей». Но, разборного. Идея – экономически верная. Зачем выкидывать корпус фильтра, когда можно сменить, лишь фильтру-

ющий элемент? Посмотрели потребность, в СССР. Годовую. В фильтрах масляных автомобильных. И приняли решение – создать замену. Разборную. Автор и локомотив этих разработок был гродненский житель – Лагун Игорь Ефремович. Деятельный человек, грамотный инженер и «мастер на все руки». Но одно, лишь, не заладилось – конструкция протекала под давлением. Бились, сражались целых два отдела. Конструкторский и технологический. Проблема не решалась. И вот, однажды, наш прямой начальник, Рудяк Володя спросил и меня. Об этой проблеме: «Каково, твоё мнение?». Я-то занимался, другой тематикой. Но, спросили – я ответил. Конфигурация прокладки, должна быть таковой, чтобы при повышении давления внутри фильтра – сила давления увеличивала степень герметичности конструкции. И предложил форму прокладки. «Проблемка» была только в этом. Обсудили, решили и вынесли на всеобщее обозрение. Двух наших отделов. Конструкторского и технологического. Технологиами управлял грамотный и многоопытный чел. Черичанский, его фамилия была. Посидели, обговорили и решили – опробовать. И что? Сработало! Полтора десятка конструкторов и технологов были повержены. Сработала «бакинская соображаловка». Белорусы и иже с ними – были озадачены. В чём причина? Уж, не «системная» ли она? Хахаха.

К чему я упомянул историю, с прокладкой? А к тому, что получение каких-либо выплат, за сделанное в рабочее время – рационализаторское предложение или изобретение, бы-

ло делом несбыточным. Почти. Но, не совсем... На любителя, короче – такие дела. Ну, раз уж речь, снова, вернулась к заводским темам, то как не вспомнить изготовление гаража металлического, по моему заказу. В заводском цеху! А дело было так: я получил разрешение горисполкома, на установку временного металлического гаража, в отличном районе. Рядом с фабрикой «Вясёлка». Это трикотажное производство. По-моему, от Министерства бытового обслуживания населения. А граждане, вовсе не временные гаражи там лепили. Сначала, откапывался котлован. Размером, с гараж. Устраивались стены. Либо кирпичные, либо из фундаментных блоков. Сверху, эта радость перекрывалась железобетонными, двумя плитами. А уже поверх этого ящика устанавливали металлический гараж. В надежде на замену такового капитальным строением. В перспективе. Так сделал и я. Но, для выкапывания котлована, нужен экскаватор. Для монтажа фундаментных блоков – нужен подъёмный кран. Всего этого, в легальном обороте нет! Те, кто не жил, при совдепии, зацени фишку! Тебе нужна машина бетона, например. Бетон-то выписать можно. А самосвал – нет. Самосвал, с клиента! Подъёмный кран нужен? Такая-же история... Вот и получалась картинка, из «Мастера и Маргариты» гл. 3 «Седьмое доказательство». «Чего нихватишься, ничего у вас нет», – сказал Воланд. Но, гараж металлический, мне изготовили. На бывшем, моём заводе «Металлоигрушек». И кран нашли. И смонтировали, где нужно. За де-

нежки. Наличные и безналичные. Безнал, пошёл за материал. Остальное – за труды. Из рук, в руки. Это было нормой. Теневой экономики...

А ещё, строительство кирпичной дачи в Пальнице! Тихий ужас... Но ремонт в трёхкомнатной квартире, по адресу улица Пушкина 30 квартира 15 был завершён творческой удачей! Стандартную чугунную ванну, я заменил бассейном. Хахаха. В тот период, в Гродно никто так не делал. Это была «бакинская фишка». Просто-напросто, в ванной комнате, вы строите ещё одну стеночку. Такой высоты, чтобы перелезть можно было. Ведь, три другие стены – уже есть. Подвесной потолок, из матового или рифлёного стекла, с лампами – по вкусу. Всё остальное пространство, покрываете кафелем. Я сделал зелёный, под малахит. Вуаля! Но кирпичное корыто, для страховки, прежде чем класть плитку, я вымазал эпоксидной смолой. Для усиления гидроизоляции. Ровно, под нами – была почта. Рисковать не хотелось. В части возможной протечки. И ничего, всё сработало! Некоторое, не очень продолжительное, время спустя, заходя в почтовое отделение, со страхом глядел, на их потолок. Но, всё сработало! Не было протечек. Дорогой читатель, если ты думаешь, что для реализации всех этих экзерсисов, фортуна преподнесла мне знание пароля к пещере Алладина – ты ошибаешься. Неработающая жена и ребёнок – также, не питались духом святым. Зато теща – заменяла целый агрокомплекс. Человек любил огородничество, как сферу творчества. И с че-

стью реализовывал искреннюю любовь к природе – на своих шести сотках. И на моём бензине. Зато, фруктами и овощами – мы были, просто завалены.

Тёща, была человеком непростой судьбы. Во времена немецкой оккупации, в начале сороковых годов, её угнали на принудительные работы. И передали какому-то фермеру. Человек этот был вполне порядочным. К её счастью. Передаю её рассказ: работала я «по хозяйству», в огороде, в поле. За скотиной ухаживала. Никаких дикостей, никакого насилия. Но – строго. Хозяин такой и должен быть! Питание было удовлетворительным. Ела, практически то же, что и хозяин. Правда, не за одним столом. Мне – во дворе. Спала, со скотиной. В одном помещении. И вот, однажды, скрутила меня дикая боль. В пояснице. Ни встать, ни пошевелиться – не могу! Думаю, конец пришёл! Кому нужен больной работник... Пора бы мне, уже, во дворе быть, но встать не могу. Ужас охватил меня, страх смерти... Аж, в глазах темно. Толи от страха или – от боли. В спине. И вот, приходит хозяин. Он спрашивает, я отвечаю. А сама – лежу. Ни жива, ни мертва... Хозяин всё выслушал и говорит, что есть, мол, у меня рецепт. От поясничных болей. Мазь такая. От стариков моих достался. Сейчас пойду и сделаю этот состав. Лежи и жди! Так, лежу и жду. Другого делать – не получается! Как долго это продолжалось, не знаю. Пришел хозяин. Принёс сосуд, со своим снадобьем. И втёр мне его, в поясницу. Сам. Помогать-то, некому. Укутал меня мешками и какими-

ми-то тряпками. Говорит, что теперь всё пройдёт. Если, завтра утром, я не буду здорова, то он вынужден будет сообщить местной администрации, что у него есть больной работник. С этим, было строго. Обо всех происшествиях – необходимо сообщать. И ушёл, с этими словами. Как до темноты дожидая, не знаю... Боль в спине, потихоньку улеглась. И я заснула. Утром, с рассветом просыпаюсь и осторожно встаю. Ничего не болит. Могу ходить и нагибаться. Болезнь прошла! Вот, с тех пор, поясничных болей, у меня не было. Ни одного раза! По сей день...

Когда война отгрохотала, и вновь на белорусской территории установилась советская власть, она тотчас же занялась выяснением. Кто, где был. И если остался жив, то почему? Не сотрудничал ли, с немцами? Или, просто симпатизировал оккупационному режиму? Отец моей бывшей жены, воевал. В составе партизанского отряда. Но как только установился мир с немцами – его, сразу отправили в лагеря. На десять лет. Слава КПСС... Но, жив остался. Отсидел, выпустили. Вернулся к своей довоенной специальности. Бухгалтером он был до войны. Но не сразу такие вещи происходят. Насчёт восстановления доброго имени. Ему повезло. Кто-то, из числа людей незапятнанных, написал книгу. О бытности своей в партизанском подполье. И упомянул Людмилиного батьку. В превосходных тонах. Следовали-расследовали, наконец – реабилитировали. Восстановили репутацию честного человека. Далее, он пошёл по стезям карьерного роста.

И доработался, до статуса совсем уважаемого человека. Он стал главным бухгалтером крупной строительной организации. Где, перед уходом на пенсию, получил трёхкомнатную квартиру. Ту самую, с двумя лоджиями. Где я, впоследствии, бассейн сделал. В ванной комнате. Но, в живых его уже не было, тогда. Рак подкосил бухгалтера. А супруга его, работала в детском саду. Заведующей. Соответственно, она и дочь свою воспитывала, как вечного ребёнка. А вот, моя маманя – работала в ВУЗе, с иностранными студентами. И со мной говорила, как с ними. С раннего, моего детства. Вот и на выходе, продукт получился – различный. Оттого и брак, наш, с Цыганковой Людмилой Николаевной – продержался, всего семь лет... Ментальность – не совпала. Хахаха.

А что нового, стряслось на заводе-то? После, моего ухода? Как работало предприятие, так и работает. Мир не перевернулся. Он лишь несколько изменился. Для меня. По утрам никуда ходить не надо. Нет причин бояться опоздания к началу рабочего дня. Ну и никакой физиологической привязки к дням выдачи зарплаты – тоже нет. Полная свобода! Да бог с ним, с заводом-то. Ведь не о нем воспоминания пишу, дорогой читатель. А о людях. С которыми повстречался на своём жизненном пути. Поэтому, не могу не отметить факта приёма на работу нового художника-дизайнера. Взамен меня. Администрация, в лице директора, поняла, что раз есть востребованная функция, значит и соответствующую должность следует заполнить. И была принята

на работу Ирина Варкулевич. Только что окончившая Ивановское художественное училище. По специальности – дизайнер. Молодая, красивая, инициативная и перспективная девушка-художник. Она очень пришлась – «к месту». Выгодприобретателем, был не только завод. Но и ряд действующих, а также бывших сотрудников конструкторского отдела. Творческим успехом и коммерческой победой Ирины явился комплект женских украшений. Используя отходы перчаточной кожи, клей «Момент», картон, высокий художественный вкус и потребности рынка, Варкулевич создала, действительно, «хит». Первый пробный образец, был выдан мне для реализации. И маркетингового анализа. И что? Оторвали, с руками! Естественно, для определения максимально высокой цены, я устроил мини-аукцион. У меня-то, шла продажа женского ассортимента одежды. На гродненском рынке. В вещевых рядах. Не помню, что продавал. Только, что погода была, не зимняя... Значит – юбками торговал! Ну, не суть. Главное в том, что комплект этих украшений, а именно: колье, клипсы и браслет, я продал одной питерской фирме. Специализирующейся, на подобном ассортименте. Через неделю, они обрывали мой домашний телефон, уже из Питера. Говоря о том, что данный образец взял «Гранпри» на каком-то конкурсе и они готовы заключить контракт. На несусветно-большие объёмы. Но, ведь это – хэндмейд. И значительных поставок – быть не может. Поэтому, Варкулевич, со своей «бригадой» – осваивала белорусский рынок. А позд-

нее, и польский! Bravo, Иринка! Ты – супер! Дорогой мой читатель, вбей в поиск Фейсбука: Ирина Варкулевич Гродно.

Знакомься с её творчеством. И ставь лайки! 😊

Шутки шутками, но чувствовалось, что пора успешных «кустарей-одиночек», в очередной раз, а, может быть, и окончательно, идёт на спад. Привычный уровень доходов, уже нет возможности удерживать. Пора сдаваться. И устроиться, на работу. Ну, а там – видно будет... Наслушавшись реальных советов и фантазмагорических предположений одновременно, ещё одного «кустаря-одиночки с мотором», дипломированного юриста и малоудачливого кооператора, Смелкова Александра Вячеславовича, я направил свои стопы, в Гродненское областное общество инвалидов. И был принят на работу. На должность «заместителя председателя по производству». А председатель, Александр Корявко, был депутатом Верховного Совета Белорусской ССР. Поэтому, большую часть времени, он проводил на заседаниях Верховного Совета республики. Соответственно, весь круг текущих вопросов, ложился на меня. Включая и совсем, наипростейший. Где и как денег раздобыть. Для фирмы. Поэтому, заменив коллективный мозговой штурм, более привычным «мы тут подумали, и я решил». Дело в том, что параллельно шла работа по созданию биржи в области. Эта нежизнеспособная, как оказалось, конструкция должна была заместить Госснаб. В перспективе. В число учредителей, коими стали около трехсот предприятий Гродненской и частично Брест-

ской области, удалось включить и областное общество инвалидов. В расчёте – на дивиденды. Как соучредителю. По странному стечению обстоятельств презентация биржи была назначена на девятнадцатое августа девяносто первого года. Это, когда «Лебединое озеро» транслировали. Весь день. Если, кто забыл...

Отпраздновали открытие биржи. И со Смелковым, в четырнадцать тридцать, отбыли в Москву. На поезде. Дело в том, что ещё в начале августа, я прочёл в какой-то центральной газете, в «Известиях» наверное, статью Андрея Шаронова, депутата съезда народных депутатов СССР. Он был делегирован от комсомола и занимался вопросами молодёжи. Так что меня заинтересовало и привлекло, в этом газетном материале? Там были высказаны мысли, над проработкой которых трудились, и мы со Смелковым. Это была идея о создании фирмы по уходу и оказанию разнобытовых услуг группе граждан, чьё физическое здоровье не было полноценным. Вследствие врождённых недостатков или полученных травм. Как у самого Александра Вячеславовича Смелкова. В годы юности на производстве, он лишился правой кисти. Нарушил технику безопасности и промышленный вентилятор сделал своё чёрное дело. Но, Саня, бодрости духа не потерял. Выучился писать левой рукой. И окончил юрфак! Но сложности бытового характера, ему были знакомы. Не понаслышке. Поэтому, он синтезировал две мысли в одно общее. В идею, о достойном деле помощи людям с ограниченными

возможностями, и перспективами налоговых льгот. Для тех юридических и физических лиц, которые будут эту помощь финансировать. Потому что, в СССР социальной службы не было! Ни сном, ни духом, ни намёком. Это я упомянул, для сведения тех сограждан, кто не в теме. Статья Андрея Шаронова увиделась мною, как информация очень ценная. Ребята и девчата, ведь, не было интернета! Тогда. И работа с бумажной прессой, была целой отраслью. Не зря, Остап Бендер сказал, в своё время: «Читайте газеты, Шура! Они сеют разумное, доброе, вечное!».

Через редакцию газеты, я узнал номер телефона, по которому я смог бы связаться, с Шароновым. Созвонился. Объяснил. Кто, откуда и по какому вопросу. Он выразил вполне ожидаемый интерес. К отклику на его публикацию. В которой было изложено содержание темы, над которой активно работал. В последние, несколько месяцев. И не один, а с целым коллективом единомышленников. Я спросил, когда можно было бы встретиться в Москве. И поделиться своими соображениями. Он ответил, что после двадцатого августа была бы такая возможность. А так же, сообщил мне ещё один номер телефона, по которому, можно было бы его найти. Если не его лично, то кого-нибудь из числа помощников. Вот так обозначилась дата приезда в Москву. На тот момент, ещё не было известно, чем ознаменуется эта дата. Прибыли мы со Смелковым на Белорусский вокзал. Позвонили по нужному номеру. Шаронова, конечно, не было. Пришлось объ-

яснить ответившему, что мы – «по-договорённости». Из города Гродно. И мы видим, что на улицах Москвы, происходит нечто, свидетельствующее о неординарности общей картины. Наш собеседник переспросил, у своего сотрудника, о возможных вариантах решений. И огласил нам маршрут движения – метро «Спортивная», гостиница «Юность»: «Сейчас, мы позвоним туда. Вас заселят, не переживайте. Завтра – звоните нам, в десять часов. Сегодня, встреча не возможна. Требуется найти Шаронова и уточнить дальнейшие действия. Сами видите, что происходит!». Это было – двадцатого августа. Девяносто первого года, во вторник.

Походили мы походили, по сторонам посмотрели. И увидели, что ни один киоск, по продаже газет, «Союзпечать», не работает. Решили, сначала обосноваться в гостинице, а только потом, пройти по городу. Если удастся. Пока приехали на Лужники – никакой разницы, в поведении и настроении окружающих, не заметили. Люди, как люди. Средней степени нахмуренности. Как всегда. Да и чему радоваться-то. Путч путчем, а в продуктовых магазинах, изменений нет. Хорошо, хоть работают. Возможно, что не все. Но, несколько штук – я заметил. В гостинице, нас ожидала радость. Заселили в двухместный номер. Без проволочек. Уже, легче! Беспокойство за ночлег – отпало.

Позвонили мы на следующее утро снова. Тот же помощник Шаронова нам сказал, что надо встретиться и назвал адрес. Который я не помню. За давностью времён. Подъехали.

И услышали: то над чем мы так упорно работали, не прошло. Подождите до завтра, мы подготовим для вас экземпляр. Попробуйте продвинуть в Белоруссии. Посмотрите, может быть, у вас получится. Дело нужное, да и трудов затраченных – жаль. Над разработкой этих документов, работало не менее сотни человек. С научными степенями, в основном. Раз уж вы занимаетесь этой проблематикой, вам будет полезно ознакомиться. Полный обзор современного, мирового опыта – приложен. Будете ждать? Если да, то сейчас начну подготовку документов. Насчёт Шаронова – мы надеялись, что он станет министром торговли. Ну, или заместителем, для начала. Но, не получилось... Я ответил, что подождём, сколько нужно. Хоть день, хоть два. На этом и распрощались. И снова пошли бродить, по Москве. Увидели три сгоревших троллейбуса, на пути к американскому посольству. Это там, где троих ребят придавили танком. На стене дома уже были рукописные плакаты на ватманских листах. И на самих стенах – стихи... Вот не упомню, в какой из дней или вечеров, мне оторвало пуговицу, от пиджака. В толпе. Скорее, в тот день, когда мы глазели как подъёмным краном снимают статую Дзержинского на Лубянской площади. А от Саши Шахраманова, мне стал известен телефон Миши Захаряна, старшего брата моего школьного друга Кости. О котором, я упоминал ранее. Валяясь на кровати гостиницы «Юность» и попивая коньячок из гостиничного ресторана, удалось созвониться с Мишей. Оказалось, что на тот момент, Миша

являлся президентом «Ассоциации американского футбола в СССР». Если кто не знал, что в СССР была и такая фирма – теперь, знаете. А в свои студенческие годы, Миша был членом бакинской команды КВН, вместе с Юлием Гусманом.

А Костя Захарян рассказал, как они с ребятами-кооператорами первой волны, подвозили, в ту памятную ночь к Белому дому хлеб, колбасу, водку и сигареты. И раздавали охраняющим здание согражданам. До самого утра. На следующий день, встреча с шароновским помощником и передача бумаг – состоялись. Попытка сесть на прямой поезд Москва-Гродно успехом не увенчалась. Поэтому, удалось, «по-железке», добраться лишь до Минска. Где и вынуждены были заночевать. Вот не вспомню точно, у армейского друга Виктора Жолудова, или его брата Саши. Но то что ужином нас кормила их мама – помню точно. Надо уточнить, здесь, на Фейсбуке, у Витька. Был ли он, в период путча в Минске. Или всё ещё в Баку, отсиживался... А документы, общим числом, листов, чуть поболее двухсот, мы начали читать, только в автобусе Минск-Гродно. Саша Смелков, как юрист профессиональный, углубился всерьёз. Сам-то я заснул... Утомлённый впечатлениями, от приключений последней недели. Определив вначале – «направление главного удара». И подсчитав количество требуемых копий. Прикинув, что шести комплектов, вполне хватит. Просто, больше нет реальных каналов, для распространения данной информации. Ведь я пообещал, помощнику Шаронова, сделать всё

возможное. По приезду, в Гродно, отоспался я уже окончательно. В семейной-то обстановке... Наутро, созвонившись предварительно, помчался делать копии. К директору завода, где я раньше работал. Но предыдущего директора Чеслава Ивановича Грико сменил бывший главный инженер Власов Виктор Васильевич. Коллектив завода провёл перевыборы и руководство сменилось. Таково было новое поветрие горбачёвского периода гласности и перестройки. Директора выбирал сам коллектив предприятия... Вполне здоровое было начинание. Не к ночи будь помянут термин «выборы». Тьфу.

Выложил я перед Виктором Васильевичем две пачки машинописных канцелярских листов. И жду его реакции. Ведь, он понимал жизнь правильно. Потому что в молодости окончил школу ВПШ. Либо, вопреки. Именно этому обстоятельству. Глянув на титульный лист, он не сдержал эмоций. В самой, что ни на есть русской, непечатной транскрипции! Потому что на первом листе было написано: Закон СССР «О социальной службе в СССР». Ниже – Москва 19 августа 1991 года. Это был, один из законов ГКЧП. О чём свидетельствовала «шапка», на первом листе. С расшифровкой, этой аббревиатуры. Дело в том, что белорусские СМИ, как в рот воды набрали. В течение целой недели – ни одной публикации. О происходящем, в Москве. Ни газеты, ни телевидение, ни радио. Тишина полнейшая. Официальной информации – ноль. Но народ уже знает, что в Москве переворот. И вот

один из этих, непринятых страной законов, лежит на столе, перед Виктором Васильевичем. Партийным функционером, в прошлом. «Ну, Илья, ты – артист! Как всегда... Впрочем, а от меня-то, что нужно?». «Самую малость – шесть экземпляров каждого документа. А в них – по сто листов, с лишним. В каждом, из двух. Как ваша множительная техника, белорусско-польского предприятия – сдюжит?». «Ради такого дела, постараемся. Приходи завтра». Состоялся вот такой диалог, между нами. И я отбыл домой. Дорогой читатель, «заугли»: Гродно вертикальные ветрогенераторы Власов Виктор Васильевич. Это он!

На следующий день, получил я желаемые экземпляры. По одному экземпляру, самого Закона ГКЧП и обзора мировой практики социальных служб – оставил Власову. Как особе, приближённой к гродненскому обкому. Пусть партক্রаты ознакомятся, чем Москва дышала в эти памятные дни. И занялся дальнейшим продвижением темы. Ещё один экземпляр – отдал своему начальнику. Александру Корявко, депутату Верховного Совета Беларуси. Хорошо, что он в Гродно был, в тот момент. А не в Минске, на парламентской сессии. Значит, республиканский уровень, я проинформировал также. Идём далее... Звоню в областное Управление КГБ. К Валентину Ивановичу, подполковнику. Фамилию не называю. Кто знает, тот и сам знает. Остальным, это не интересно. А интересно другое: как завелось у меня данное знакомство. В доме номер тридцать, где я проживал, на улице Пушкина,

был интересный человек, Дзюсов Анатолий Илларионович. Работал он дворником. Но был в курсе всего происходящего в каждой квартире. Время от времени, совершая поквартирный обход. Как бы по-соседски, интересуясь: может быть, проблемы какие-то есть. Может быть: помощь нужна? Добрейшей души человек! Вот, со мной сразу контакт наладил. Сделал мне разрешение на строительство гаража. Невдалеке от дома. За легкий магарыч, но всего за пару недель. Не хило? Жена Людмила сказала мне, что её батька, при жизни не любил этого «Дзюса». Видимо, вот почему! Когда «дядя Толик», как я его называл, мне отрекомендовался, он сам упомянул, о своих семнадцати годах отсидки. За всякую ерунду, в несколько «заходов». А Люды отец, по лагерям отбывал «десятку». За то, что находился на оккупированной территории, в партизанском отряде. Но после, был реабилитирован. Как я упоминал ранее. Вот такие люди, жили в соседних подъездах. Главбух строительного треста, строившего этот дом, с женой и дочерью – в трехкомнатной. А дворник, с женой и дочерью – в четырёхкомнатной.

И «дядя Толик» располагал информацией о всех жильцах дома. Как сейчас сказали бы – «смотрящим» он был. Не важно, от кого. Просто, знал всё и обо всех... Весной девяносто первого, мы с Сашей Смелковым, допоздна засиживались за разговорами, печатной машинкой и, непрочитанной за день, прессой. Неоднократно, дядя Толик заходил, во время наших дебатов – прислушивался. И пытался понять,

что же мы такое планируем. Объясняли-разъясняли, наконец-то, втолковали. Саму концепцию. Мол, наш проект, это благотворительная организация. Социальной направленности. Самофинансирующаяся. За счёт малого бизнеса, освобождаемого от налогов. В общих чертах – прообраз современной нашей, социальной службы. За исключением того, что соцслужбу РФ финансирует государство. Но, как оказалось, в дальнейшем, такая работа уже проводилась в Москве. Именно в тот период. Но, мы-то не знали... Так этот «Дзюс» и говорит мне о том, что у него есть один знакомый человек, который мог бы быть полезным. Не хотел бы я с ним познакомиться? «Конечно, этим и живу – всегда, за полезные знакомства, дядь Толь! Знакомьте» – «Завтра до обеда, к тебе на работу подъедем» – «Буду ждать!». И назавтра подъехал Дзюсов к нам, в областное общество инвалидов. На своей бежевой «пятёрочке», которую недавно выиграл, в мгновенную лотерею «Спринт». С этим выигрышем была такая история. Вечерком, проходит «Дзюс», со своей женой, мимо ларька. Где «Спринтом» торговали. И, на последний рубль, покупает два билета. Вскрывает и видит, что выиграл «Жигуля»! После этого, прокуратура его месяца три тягала. Повестками, к себе в гости. «Мол, как это ты, такой-сякой, машину-то, в лотерею, выиграл?». Но, утихли, постепенно. За машиной, поехал дядя Толик в Гомель. Пригнал, оформил, номера получил. И катается! Вот, на этом «Жиге» и подъехал он ко мне, на работу. Не один, а с человеком, о котором

говорил. Сел я в машину, поздоровался. А этот чел представляется: «Подполковник госбезопасности. Валентином, меня зовут! В документах и отчество прописано – Иванович. Но в устной беседе, я просто – Валентин». И протягивает мне визитную карточку. Без указания ведомства, конечно. Но, с номером телефона. Домашним, как оказалось. Служебный – он мне в конце разговора сообщил. Устно...

Поэтому, ещё один экземпляр – я занёс в гродненское областное управление КГБ. И передал Валентину Ивановичу. Из рук в руки. Пусть ознакомятся, с московской разработкой. Далее, двинулся я – в Штаб Армии. Номер армии называть не буду. Скажу лишь то, что дислоцировалось это воинское подразделение на территориях Брестской и Гродненской областей. Вот и пришел я, к полковнику Исакову. Он последние, уже, дни пребывал в должности Члена Военного Совета. В переводе на понятный гражданский язык – был замполитом данной армии. Выложил ему на стол очередной экземпляр московского «трофея». И пояснил смысл своего визита. В процессе организации и становления, создаваемого при областном обществе инвалидов, новой структуры коммерческой направленности – может возникнуть кадровый недобор. И появится возможность, для трудоустройства людей грамотных и опытных. В разумных пределах, конечно. Весь армейский политотдел, ведь, уже в процессе увольнения. Имейте в виду, это обстоятельство... Полковник выразил радость, по поводу того, что гражданские лица, памятуя

свою службу в рядах армии, оказывают такое доверие армейским согражданам. Превентивно. Дорогой читатель, но не благотворительность в чистом виде была поводом для данного визита. Вполне здравый расчёт руководил моими действиями. Интерес был к армейскому имуществу. Сверхнормативные излишки которого, будут образовываться. В ходе дальнейшей реорганизации и переподчинения. Просто – бизнес. Ничего личного....

Памятуя о последнем контакте, с особистом нашим. Со старшим лейтенантом Роговым, с которым столкнулся во время срочной службы в Ханларе. А на сборах, в Ленкорани, спустя шесть лет его увидел уже подполковником и начальником особого отдела дивизии. Я решил, что ещё один экземпляр московской работы о соцслужбе передам здешнему особисту. Потому что спросил, ещё тогда, в Ленкорани, у Рогова: «а можно ли рассказывать о том, что служили вместе, в одной части?». На что он ответил: «можно». Значит и повод есть, для начала разговора со здешним начальником. Этого подразделения. Вот и спрашиваю, у полковника Исакова: «А как бы мне с особистом, переговорить?». «Можно, сейчас его приглашу», – ответил ЧВС. Так я и познакомился с Валерием Викторовичем. Фамилию – опять, не упоминаю! Через месяц, после описываемого, он стал заместителем республиканского Председателя белорусской «Конторы». В части военной контрразведки. Кстати, дал мне свой минский номер телефона, служебный: «Обращайтесь, Илья

Юрьевич, если вопросы возникнут!». Но, это было уже позднее. А к исходу первого, нашего разговора, рассказал я Валерию Викторовичу о том, что биржу соорудили мы в области. Рассказал о соучредителях, о их широком круге. И поделился трудностью текущего момента. Бухгалтера найти не можем, достойного. Замучились искать... Чтобы специалист был хороший и доверие соучредителей вызывал, сразу. Априори! И Валерий Викторович обнадёжил меня: «Есть хороший бухгалтер, женщина. Она сейчас не работает, временно. Но, предварительно следует проконсультироваться, с её супругом. Что скажет, по этому поводу. Я спрошу, сможет ли он вас принять, по этому вопросу. Назначит время – вот и переговорите. Это наш заместитель командующего армией. Генерал-майор Квашнин. Что он скажет, так и будет. Звоните мне завтра, после обеда».

В назначенное время, я встретился с генерал-майором. Он произвёл на меня впечатление человека здорового, умного и дальновидного. То есть – он откался, от взаимодействия. По вопросу трудоустройства своей супруги, на нашу биржу. Сославшись на то, что работа ей нужна, но требуется вариант, менее рискованный. Перекинулись мы ещё парой фраз, относительно текущей обстановки и распрощались. Нынче, господин Квашнин – вышел в отставку. С поста заместителя Министра обороны РФ. Описание его жизненного и карьерного пути – можно увидеть в Википедии. И не только... На мой взгляд, человек он достойный. Не даром ведь существу-

ет неопровержимое правило: «внимательно зафиксируй, в памяти, свои интуитивные впечатления, от первых двадцати секундах знакомства, с человеком – этот образ безошибочен». Пользуйтесь, не прогадаете.

В начале сентября девяносто первого, всё ещё теплилась в сердце слабая надежда. На исполнение обещанной программы по разделу имущества СССР между всеми гражданами. Не хотелось верить в обман, такого масштаба. Когда у народно-хозяйственных объектов, которые создавались усилиями всего народа, вдруг появятся частные хозяева. Но, осознание неизбежно свершившегося, всё-таки стало реальностью. Можно конечно пофантазировать, каким путём развивалась бы ситуация, будь тогда доступна такая возможность, как Интернет... Смогла бы общественность внести здравые коррективы, в происходящие процессы. С учётом интересов всех граждан страны. Но история не терпит сослагательного наклонения. Что было бы, если бы... На этом, первая часть жизнеописания «дауншифтера Илюхи» завершается. Решение о пересмотре и изменении жизненной концепции, в целом, было принято мною только в 1998-м году. Но описание этих событий, с девяносто первого – по девяносто восьмой, может быть, будет написано. Позднее... А пока что, резюмируя всё вышеизложенное, подчёркиваю – стиль «нон фикшн» подразумевает полную достоверность описанного. Зафиксировал всё что видел сам и слышал сам. Слишком много басен и инсинуаций существует сейчас, на тему «как

было хорошо в Советском Союзе». Да уж, как было, так и было. Было и прошло... Пусть прошлое хоронит своих мертвецов. А мы – живём дальше! Предоставленный твоему вниманию опус, дорогой читатель, носит синтетический характер. Неотъемлемой частью которого является содержание материалов, выложенных на странице группы фейсбука – Проект «Лумумба». Заходи и принимай участие. Аудио-версия имеется также. Читает машина, спасибо Яндекс! Пока-пока! 😊